

Элтэнно.
Хранимая Звездой

18+

**Аромат
волшебства**

**Элтэнно. Хранимая Звездой
Аромат волшебства.
Книга первая
Серия «Мир Тринадцати», книга 4**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67103634
SelfPub; 2024*

Аннотация

Иногда судьбу целого мира может изменить одно крошечное мгновение. Тот самый миг, когда ты делаешь свой выбор. Этот миг нельзя распознать, так как он внешне не значим. Но при этом он меняет всё. ... Людвиг Верфайер однажды столкнулся с таким мигом. Глядя в полные слёз глаза пасынков, он создал меж ладоней сгусток чистой тьмы. От убийства детей его останавливал только шёпот совести, но да, как же тих он был! Все книги серии "Мир тринадцати" можно читать не по порядку, истории в них будут содержаться разные. А вот "книга первая", "книга вторая" говорят об истории с продолжением.

Содержание

Пролог	5
Часть	13
Глава 1	14
Глава 2	27
Глава 3	45
Глава 4	59
Глава 5	77
Глава 6	94
Глава 7	115
Глава 8	136
Глава 9	150
Глава 10	173
Глава 11	195
Глава 12	211
Часть	230
Глава 1	234
Глава 2	252
Глава 3	272
Глава 4	285
Глава 5	304
Глава 6	324
Глава 7	338
Глава 8	356

Глава 9	375
Глава 10	393
Глава 11	410
Глава 12	430

Элтэнно.
Хранимая Звездой
Аромат волшебства.
Книга первая

Пролог

«Собрал детей своих Творец и, взглядом отческим лаская, им свою волю объявил, к великой цели призывая. До их трепещущих сердец донёс он пламень любви чистой, и в своей вере безграничной ему ответили они согласием неколебимым. Иного быть и не могло. Тринадцать отпрысков послушных верны были отцу во всём и волей ведомы единой. Один из них лишь хмурым стал, и своим взглядом ястребиным оглядывал всё пьедестал, с которого сошёл Творец.

– Ну вот, свершится наконец. Я создал этот мир и вас и долго ждал бесценный час, когда смогу найти покой, – ска-

зал он мягко, с теплотой. – Отныне бремя мир хранить с себя снимаю. Вам любить его доверю на века... А, чтобы всё наверняка, сольются ваши души с ним. Вы тел лишитесь, но ваш страх пусть не затмит сейчас ту власть, что обретёте вы взамен.

– Будь ты, отец, благословен.

Тринадцать братьев и сестёр, покорно встали на колени, в смиреннии ждали судьбу.

... И наблюдали ворожбу, ни с чем по жутости несравнимой.

Весь мир стонал. Весь мир дрожал! Его трясло. Кричали люди. Хранитель мира тяжело снимал связующие узы. Но вот остались позади самые сложные мгновенья и, чтоб не допустить творенья смерти, свой взгляд он к детям обратил.

– Время настало, – объявил.

Тринадцать братьев и сестёр, утратив всякие сомненья, сами себя без сожаления в жертву послушно принесли. Тела истлели их мгновенно, а струны мира натянулись, вдруг зазвенели несравненно и... этим в мир покой внесли.

Как прежде небо ясным стало, земля как будто не тряслась.

– Какое чудное начало! – Творец воскликнул, рассмеясь. – О, как давно я ждал момента свой замысел осуществить. Я доказал, что прав был. Верно! Без помощи Творца хранить возможно мира равновесье.

– Так вот в чём дело.

– Как, ты жив? Что это вдруг за мракобесье? – глядя на сына перед собою не верил он своим глазам.

– Да, отче, жив. Я выжил. Сам. Не смог довериться всецело всему, что ты нам рассказал. Я допустил в чарах изъязни и разумом остался волен. Моё сознание не тень того, кем был рождён.

– Тобою очень недоволен. Ты мне в измене уличён!

– Тогда кляни меня и дальние, ведь не прощу тебе обмана. Жаль не случилось мне раньше раскрыть в словах твоих дурмана! Ты погубил моих братьев. Ты погубил моих сестёр! За это мир я твой разрушу!

Творец руки в бока упёр.

– Теперь ты мира жилы тянешь, теперь по силе мы равны, но зря ты думаешь наивно, что допущу я бед войны!

Он начал без предупреждения свою атаку и врасплох застал того, кто не готов был к действиям таким поспешным. Сын ловко в клетку заключён. И, находя это потешным, Творец по кругу обошёл его. А после съёг.

... Увы, но тот уж был бессмертен. Из непа в самый краткий срок опять свирепо на него глядят знакомые глаза.

– Тьфу, пропасть! Знать твоя стезя навечно быть здесь заключённым. И даже больше. Разлучённым. Отныне ты один от всех. Твоё желанье не сольётся в хор памяти моих детей. Твой грех их сути не коснётся.

– Ещё посмотрим, о злодей! Не сам, так я найду другого, кто месть мою осуществит. Ты дух мой запер, но не волю.

– Кичись. Это тебе дозволю, – высокомерно произнёс кто благо миру всегда нёс, а после этот мир покинул.

Что стало с ним никто не знал, но Тёмный Маг, что заперт в клетке, тысячами мечтал, чтобы мучительно тот сгинул...»

Человеческая кожа с письменами язычников,

*найдена при обыске замка Арраур
в 37 году от Становления Закона Божия.*

Уничтожена по причине ереси

Так бывает...

Любая история может начаться с этих прекрасных слов, потому что в бесконечном множестве вселенных бывает всё, что только может быть.

Хм, даже то, чего быть никак не может, порой случается.

Вот взять, к примеру, мир Тринадцати. Везде равновесие поддерживают хранители – могущественнейшие из магов, усилившие свои возможности благодаря симбиозу. Они творцы. Они создают миры, связывают себя с ними нитями творения, устраивают в мире всё под нужды его будущих обитателей. А затем эти самые обитатели своей верой в се-го мага, иначе бога, насыщают его дополнительной энергией. Правило простое – чем сильнее вера, тем мощнее поток, что подпитывает хранителя.

Но мир Тринадцати другой. Его создатель некогда снял с себя бремя хранить его, и в обычном случае мир должен был разрушиться. И всё же этого не произошло. Несколько живых душ, обращённых в своего рода механизмы, начали поддерживать ход работы сердечника столь гладко, что равновесие этого мира не нарушается уже долгие века.

Истинное чудо! Оно достойно искреннего восхищения.

... Если не брать во внимание, что одна из сущностей сохранила своё сознание и тем всецело понимает, что является вечным рабом места, к которому так крепко привязана.

Эх, врагу не пожелаешь столь тяжёлой судьбы! Так не должно было произойти, но так случилось.

Однако есть примеры попроще и не менее необычные при этом. Да-да, правда есть!

Хотите о них узнать? Так вот, кстати в том же самом мире Тринадцати, однажды произошла удивительная история, которой никак не должно было быть. Я называю её прорехой в полотне времени. А почему?

Что же, это ты, мой дорогой читатель, узнаешь сам. Давай-давай, не стесняйся, бери меня за руку. Так тебе будет легче вчитаться в строки, что перенесут тебя далеко от твоего родного мира. Всего несколько печатных слов, и ты окажешься в совсем ином месте. В некоей стране Ортланд, а именно в её столице с заковыристым названием Лоррендаум.

Там, на Ольховой улице, по которой в погожий день так часто прогуливаются одетые в викторианские костюмы чин-

ные горожане, стоит особняк. А в башенке этого особняка уже не первый год как расположена лаборатория одного из лучших магов современности. Однако этой холодной мартовской ночью он преспокойно спит в своей спальне и с улыбкой обнимает любимую жену. В лаборатории его нет. Вместо него там шныряют два темноволосых мальчугана.

Но кто же они? И что они столь старательно ищут на полках?

Давайте приглядимся к ним внимательнее и узнаем всё из первых рук.

Часть

I

. Нет слаще любви матери

Глава 1

– Погодь, что ты сказал?

– Что сказал, то и сказал, – буркнул младший из братьев

– Виктор, но всё же повторился с ответом. – Не уверен я.

– Как не уверен? Ты же сам говорил, что по этой книге можно жидкий огонь создать.

– Да, но я же его никогда не делал. Я не умею.

– Я тоже не умею и что? Всё теперь бросим, что ли? – сурово упёр руки в бока старший брат. Младший из-за этого насупился и нос рукавом утёр от обиды. Поэтому, глядя на него, пришлось более взрослому мальчугану смягчиться. – Вить, ну ты же лучше моего читаешь. Глянь в эту книгу ещё раз. Наверняка ж там сказано, что это за гадость такая «селитра».

Посмотрев на толстую книгу, Витенька разом погрустнел. После чего перевёл взгляд на стеллаж и с уверенностью в голосе выбрал банку, надпись на которой была совсем нечитаемой. На других некоторые закорючки хоть чем-то на знакомые буквы походили, а на этой нет.

– Виталь, вот это должно быть.

Мальчик, будучи всего пяти лет от роду, не смог самостоятельно дотянуться до полки, на которой стояла выкрашенная в синий цвет банка, а потому указал на понравившуюся

ся ему вещицу пальцем. А затем, чтобы Витальке понятнее стало, начал подпрыгивать. Типа, ты давай, брат, иди сюда, подмоги мне. Но старший мальчик безо всяких прыжков понял, что от него требуется. Он уже большой был. На днях его с днём рождения поздравляли, и теперь он не мальчуган сопливый, а настоящий восьмилетний детина, которому легко привстать на цыпочки и стащить банку с полки. Правда, не ожидал он, что она такая тяжёлая будет и из-за этого уронил. От падения крышка отвалилась от широкого горлышка. На пол посыпался серый невзрачный порошок, вскоре заискрившийся яркими голубыми искорками.

– Чего это оно? – растерянно почесал себя за ухом Виталька.

– Наверное, так и должно быть, – подумав, сообщил мозговитый Витька. – «Селитра» же она горючая. Как иначе нам из неё жидкий огонь сделать, а?

– Так огонь-то из неё делать хотели, а не чтобы она тут палила всё. Ты ж только глянь, вон уже пламя пляшет.

Искорки и правда перестали трепыхаться без дела. Они роем, словно игривые светлячки, сначала покатались по ковру, а там и разлетелись по лаборатории мага. Присели на парчовые шторы, затем юрко примостились на шёлковую обивку старинного кресла да... да разгорелись задорным синим огоньком.

Витенька испуганно захлопал длинными густыми ресницами.

«Влетит от отчима. Как есть влетит!» – горько думал он.

Виталик подумал о том же, не иначе, так как с чего ему тогда пихать младшего брата в бок и грозно требовать:

– Не стой столбом. Тушить давай скорее, пока никто не заметил!

Оба мальчугана, такие похожие – темноволосые и сероглазые, рьяно принялись за дело, но чем больше они старались, тем хуже становилось. А всё потому, что тряпками тушить пламя поначалу ребята не додумались. Они принялись топтать огонь как обычного ужа, но из-за этого огонь только к ним на одежду перекинулся. Едва друг с дружки пламя сбили. А там Витёк со стола большую колбу стащил и пахучей жидкостью из неё на кресло лить стал. Тут уж обивка и вовсе как факел вспыхнула. Запахало едкой гарью. На другую мебель огненные жадные языки набросились.

– Как же нам это его? – совсем растерялся Виталька, и губы поджал, чтобы не расплакаться.

– Маму позвать? – жалобно всхлипнул маленький Витя.

– Не, она с Грызнем спит. Он тоже проснётся и нас того... Загрызёт.

Дети переглянулись и от ужаса в глазах друг друга им стало ещё страшнее. Оба мальчика от испуга даже синхронно слюну сглотнули. Грызня они боялись изрядно.

Хм, Грызень.

... А кто такой Грызень?

Что же, да будет тебе известно, мой дорогой читатель, что

«Грызнем» ребята прозвали своего отчима. А ещё он был тем самым магом, в лаборатории которого они селитру искали. Правда, тут стоит сказать, что кроме сих мальчуганов никто так этого мужчину не называл. При рождении он получил весьма поэтичное и в чём-то по-королевски красивое имя – Людвиг Верфайер, виконт Даглицкий. А в народе имел большую популярность как Людвиг Пламенный. Всё потому, что он был магом огня, не так давно прославившимся на всё королевство Ортланд своими громкими подвигами. Причём магом огня он был уже четвёртым подряд в своём роду, и, стоит сказать, род у него был значимый, даже за пределами королевства Ортланд всем известный. Так что, не увлекись всерьёз такой важный человек сельской простушкой Марьей – юной вдовушкой, оставшейся при двоих сыновьях, так бы Витёк с Виталькой и жили в крохотной деревушке на окраине дремучего леса. Но судьба та ещё проказница. Вышло так, что израненный после сражения с драконом лорд Людвиг Верфайер прямиком на их кособокую избу выехал. Повезло ему, что на лошадь вскочить успел, а только потом сознание потерял. И хорошо, что кобыла не в глушь понесла, а навстречу к каким-никаким, а к людям вывела. После же, покуда сердобольная вдовушка мага выхаживала, он влюбился. Влюбился да вопреки своей благородной родне ещё и женился, не особо раздумывая над тем, что свою избранницу он знает всего ничего и самому ему только двадцать три года, да и то по зиме исполнится. И можно было бы сказать,

что всё это удивительная сказка со счастливым концом, но не стало оно сказкой для мальчуганов. Пасынки лорда Верфайера лишь тяготили, из месяца в месяц терпение его заканчивалось. Оттого и прозвали они отчима Грызнем. Спасу им от него не было. Третий год уж пошёл, как мучаются! В сад чужой яблоки рвать не смей ходить. Жди, когда тебе слуги фрукты с рынка принесут. В доме не поиграй с задором, веди себя достойно. Одежду не пачкай, говори правильно, да ещё учись! И если Витьке грамота давалась, то старшему Виталику с превеликим трудом. Ему бы на улицу удрать, с ребятами поиграть, девчонок дразнить, с тарзанки на мосту сигать или драться. Но тут уж Грызень над душой стоит и грызёт, и грызёт, и грызёт противный! Всё совестит и чихвостит чего-то. Чего ему только всё неймётся?

– Никак, – жалобно пропищал Витька и расплакался. – Никак, Виталь, нам самим не справиться.

Да, такой оплошности не скроешь. Пламя уже спалило шторы, даже перекинулось на стеллажи и потолочные балки. Виталька боязливо вжал голову в плечи и сам не знал, что теперь говорить и делать. Как оправдываться? Вроде всего-то дел – баночку одну опрокинул. А как результат лаборатория горит. Вся горит. Места живого в ней нету. Дым коромыслом.

– Пошли, – решительно ухватил он младшего брата за руку. – Пошли Грызня будить. Самим ничего нам не сделать. Витька согласно кивнул, но далеко мальчишки не ушли.

Пламя давно гуляло возле двери, а потому раскалило её ручку. Дверь было не открыть, помещение никак не покинуть. Виталька даже гольфы с себя снял, попробовал с помощью них безопасно для себя ухватиться. А металл всё равно кожу жжёт! До волдырей обжёгся.

– А-а-а! На помощь! – закричал он тогда во весь голос, и младший брат принялся слёзно вторить.

– На помощь! На помощь!

Их крики словно взъярили пламя. Оно зашипело, затресало, словно всамделишный дракон. Жар разогрел стеклянные и глиняные ёмкости так, что они стали лопаться. Осколки и черепки полетели во все стороны.

Куда бежать? Куда деваться?

Кое-как подобрались ребята к окну, но как с четвёртого этажа прыгнешь? Хоть середина марта на дворе, снег лежит, но лаборатория отчима находится на самом верху дома, в своеобразной башенке. Прыгать отсюда только шею свернуть, ноги переломать.

– А-а-а! Помогите!

Дверь дёрнулась и послышалась громкая непристойная брань. Видимо, кто-то схватился за раскалённую ручку с той стороны. Наверное, больно ему было, вот и сорвался он на слова нехорошие. Виталику вот тоже было очень больно. Ладонь покраснела и покрылась волдырями. Поэтому он, когда за ручку хватался, тоже словечко непотребное ввернул. И ещё одно прямо сейчас. Это всё от страха, так как дверь

внезапно испепелило и порог лаборатории переступил злоущий Грызень. Из одежды на нём были одни белые кальсоны. Лицо, обрамлённое светлыми прядями волос, зверски искажал гнев. В ладонях шары яркие, как два солнца, сверкают. Хоть правда через окно сигай! Одно спасение, что из-за плеча его матушка показалась. Она с тревогой заглянула внутрь лаборатории и в очередной раз попыталась лучше прикрыться нежелающим достойно запахиваться халатиком. А после прижала руки к порядком округлившемуся животу.

Матушка она хорошая. Она в большую обиду не даст.

– Да что же это такое?! – неистово завопил маг, сверкая округлившимися от гнева глазами, и повёл головой из стороны в сторону, осматривая причинённый пасынками ущерб. При этом под его взглядом огонь утихал, будто его водой кто-то невидимый обильно гасил.

Виталька как увидел свободный проход, тут же ухватил Витьку за руку и рванул со всех ног. Он хотел промчаться мимо Грызня, юркнуть меж его ног в коридор и сбежать. Хоть вообще из дома сбежать, лишь бы его не ругали и не наказывали! Но не успелось. Не смогло. Ловким движением отчим ухватил его за шиворот камзола и, подняв в воздух словно невесомого котёнка, с силой прижал к стене.

– Что это вы здесь учудить надумали?! Я ж запрещал вам ходить сюда!

– Милый, – робко попыталась вклиниться мать.

– Молчи, Мари! А ты, негодник, отвечай, когда я тебя

спрашиваю. Зачем вы сюда пришли?!

– Мы... Мы, – от страха Виталик стал заикаться, а там и вовсе дар речи утратил, только мычать смог. Был бы младше, так вовсе заревел. Вон ровно так же, как Витька.

– Нет, это невыносимо. Просто невыносимо! – зло прокричал маг и, заметив, что из коридора начали показываться заспанные лица встревожившихся слуг, громко приказал им.

– А ну вон отсюда! Все по своим комнатам!

– И... и мы? – шёпотом сумел осведомиться Виталик. Ему казалось, что ещё секунда и он вывалится из своего камзолчика да позорно грохнется на пол.

– И вы. Оба. Чтоб через секунду вас здесь не видно было! Живо вон! – Грызень резко разжал хватку, отпуская мальчика, и после с неприкрытой яростью процедил сквозь стиснутые от гнева зубы. – Утром поговорю с вами.

Витальке бы по коридору к своей комнатке мчаться, но не удержался он и первым делом к матери испуганно прижался, тесня тем Витьку. Младший брат всю хлюпал носом, обхватывая мамку за раздавшийся живот, и та ласково его по голове гладила. Витальке тоже хотелось, чтобы его успокоили и приласкали. Хоть и восемь лет, а страшно из-за пожара так, что ноженьки едва держат. Сердце у мальчика гулко билось. Голова ни над чем думать не могла. Да и это Витька всегда посмышлёней был. Вон он, украдкой выглядывая из материнских объятий, первым сообразил пискнуть Грызню:

– Простите нас, Ваша милость. Простите.

Маг, видя, что его указание не исполняется должным образом, скрестил руки на груди и категорично потребовал:

– Мари, с твоими детьми всё в порядке. Отпусти их.

– Но они же перепугались так.

– Сейчас же отпусти их. Пусть уходят.

– У Виталия рука обожжена. Обработать надо.

– Либо они немедленно уйдут, либо я их прямо здесь и сейчас испепелю! – истерично завопил Людвиг Пламенный и начал обводить трясущейся рукой помещение. – Все мои труды. Столько записей, заметок, зелий, кристаллов. Реагентов, в конце концов! Годы жизни коту под хвост!

– Идите в комнату. Быстро, – шепнула мать, силком пододвигая детей к двери.

Виталик и Витёк не заставили себя долго уговаривать. Оба бросились прочь со всех ног. Правда вскоре остановились, со значением посмотрели друг на друга и в молчаливом согласии вернулись на цыпочках. Они затаились возле раскрытой двери, чтобы подслушать о чём там взрослые судачат.

– Как только можно всё так портить? – страдал Грызень. – Это же невозможно по неосторожности. Они намеренно жгли.

– Не могли они намеренно. Давай я к ним спущусь и всё узнаю?

– Да толку-то? – совсем расстроился маг. – Они тебе наговорят с три короба и как всегда невинными овечками оста-

нутся. Но я-то знаю. Намеренно, Мари. Намеренно! Вот, погляди.

– Что это? – не поняла женщина.

– Остатки книги, которой здесь быть не должно. Она в моём кабинете всегда лежала, а, значит, – маг выразительно поглядел на жену, – они туда прокрались и выкрали её с умыслом мою лабораторию поджечь... Врагу в дом таких агнцев малолетних не пожелаешь!

– Милый, они всего лишь дети. Где им такое лихое действо выдумать?

– Тогда зачем им книга по изготовлению магических бомб? Чего они поджигать и взрывать надумали, если не мне вредить? Королевский дворец сразу?

Подслушивающие мальчуганы тут же насупились и с недовольством переглянулись. У них мыслей таких отродясь не было. Им всего-то хотелось доказать уличной ребятне, что могут они костёр разжигать, капая на землю специальный раствор из бутылочки. Большая нужда детям похвастать была, что не просто так у них отчим сам Людвиг Пламенный. Ведь у тех родители кто? Обычные трудяги. А у них-то огого! Утереть нос они хотели, чтобы над ними не дразнились.

– Я понимаю, ты расстроен.

– Я не просто расстроен, Мари. Они живут под моей крышей два года и четыре месяца. Два года и четыре месяца я всецело исполняю взятые на себя обязательства и забочусь о них, как о собственных детях. А они на меня всё как на зверя

лютого смотрят. Ненавидят. Обзываются за спиной. Козни строят!

– Им тяжело здесь. Недаром они так не хотели переезжать. Им привычнее вольная деревенская жизнь. Мне тоже иногда хочется убрать с глаз долой все красивые платья, надеть просторный сарафан и на рассвете пробежаться босиком по холодному, мокрому от росы лугу.

– Ты знаешь, что моя нынешняя должность не позволяет мне надолго покидать город. И ты знаешь, почему я на неё согласился. Отец отказал мне в содержании, а будучи семейным человеком играть в странствующего чародея я больше не могу. Теперь я мастер-маг, преподаватель Академии магических наук и долгие годы это обстоятельство не изменится. Поэтому, раз уж твоим детям так нужны деревенские свободы, то всё, что я могу тебе предложить – отправить их далеко загород под присмотр какого-либо доверенного лица.

Сердца мальчиков тревожно забились. Им действительно не нравилась столица, верно сказала мать. Но остаться вдали от единственной родной души? Нет! Витька даже испуганно захлопал ресницами, готовясь расплакаться.

– Ты же понимаешь, что для меня они мои дети. Моя плоть и кровь, – судя по всему, Мари подошла к мужу и обняла его. – Если бы моя сестра была жива, я бы ещё могла на какое-то время отправить их к ней. Но ты сам знаешь. Ей выпал жребий стать откупом для дракона, и... о, если бы только отряд, что ты вызвал на помощь, прибыл всего на один день

раньше! Не проживи дракон этот день, понадобившийся им на дорогу, она была бы жива.

– Тише, Мари. Не плачь. Пожалуйста, только не плачь.

Женские всхлипы вскоре и правда стали потише.

– Прости, но я... я до сих пор не могу привыкнуть к жизни без неё. Мы всегда были не разлей вода.

– Иногда я тебе так завидую, – голос Грызня потеплел, стал звучать тихо, мягко и задумчиво. – Да и твоим мальчишкам завидую тоже. Я со своей сестрой никогда не был дружен. Может это потому, что она старше меня на целых семь лет? Семь лет большая разница, чтобы дети могли иметь общие забавы.

– Я уверена, вы ещё подружитесь.

– Не думаю. Ох, не думаю, – печально вздохнул маг и ещё более грустно проговорил, возвращаясь к прежней теме. – Ну вот что мне с этими нахалами делать? Кому скажи засмеют. У мастера пиромантии дети под чистую лабораторию спалили, а он всё проспал.

– Так не говори никому.

– Слуги разнесут. А не слуги, так рабочие. Здесь большой ремонт делать придётся.

– Что же мне тогда тебе посоветовать?

– А ничего не советуй. Сидеть на пепелище до самого утра да, сокрушаясь, на угольки смотреть занятие глупое. Пустое. Пошли тоже спать? Завтра разбираться буду, что тут произошло и почему.

– Только ты уж совсем строго их не наказывай. Они ведь наверняка нечаянно.

– Как говорил мне мой отец – за нечаянно бьют отчаянно.

Глава 2

Порка вышла и правда знатная. Грызень наказал лакею высечь пасынков так, что теперь мальчики даже сидеть толком не могли. Кроме того, противный маг оставил их не только без сладкого на две недели, но и на целый день без обеда и без ужина. Мать детей своих, конечно, пожалела. Тайком кувшинчик молока и хлеб принесла, но в остальном пожурила не меньше, да ещё заставила каждого покаяться стих десять раз кряду пересказать без заминочки. Длинный такой предлинный стих. А всё потому, что как только она услышала во сколько один ремонт лаборатории обойдётся (без покупки новых реагентов), так и всплеснула руками, обмирая. За такую сумму можно было всю её родную деревню купить и знатный дом в два яруса поставить. В общем, строго оба родителя с детьми обошлись. А те, ощущая свою вину, старательно вели себя тише воды, ниже травы. Даже Игната Тихонова – учителя, пришедшего давать им очередные уроки, слушали внимательно, не перебивали и не дразнились над ним. И всё же под вечер послушно лежать в кроватях им невоготу стало. Голод не тётка. В животе всё бурлит. Есть хочется.

– Пошли на кухню? – не выдержал первым младший.

– Заметят коли что-то пропало, так и завтра без обеда

останемся, – забоялся Виталик, но жадно сглотнул слюну. Перед его глазами промелькнули разные колбасы, сыр и жареная куриная нога.

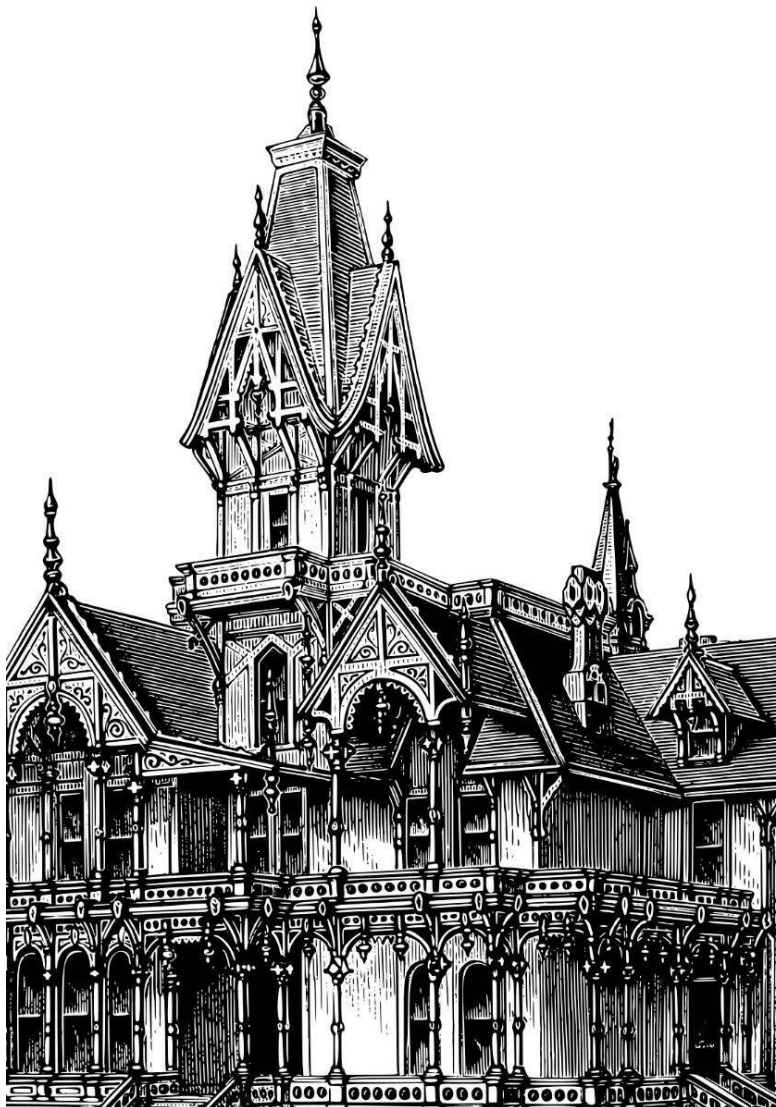
– А мы совсем тихохонько. Ложечку сметанки, крошечку хлебушка. Я видел морковь Марыська с рынка принесла. Полную корзину. Морковки-то точно все поштучно считать не станут. Пошли погрызём? Лежать так сил уже никаких нет.

– Ну пошли, – решился Виталик и вытащил из щели меж половиц отмычку, выменянную с полгода назад у уличного парнишки Федюньки за красивую десертную ложку, намеренно стащенную во время обеда.

Без отмычки из комнаты выходить смысла не было. Миссис Анна Златова – вдова, служившая в доме экономкой, на ночь накрепко запирала не только кладовые и винный погреб, но и помещение кухни. Это была бдительная строгая женщина, которая могла справиться с большим штатом прислуги нежели был в её распоряжении сейчас. Однако, несмотря на то, что дом, в котором обитали Виталька и Витёк, был четырёхэтажным, это только им он казался огромным. Единственный сын графа Верфайера априори должен был обитать в особняке значительно больше.

Если же описывать это в меру богатое жилище, то легче начать с первого этажа. Потолки там были самые высокие, не менее пяти метров. Помимо просторного холла с главной лестницей, здесь располагался кабинет Людвига Пламенно-

го, крошечные комнаты для слуг и смежные между собой гостиная, столовая и кухня. Второй этаж по периметру был ненамного меньше, но раза в два ниже и планировку имел иную, так как назначение у него другое было. По левую руку от места, где лестница прерывалась (прежде чем уйти вправо и начать подниматься к третьему этажу) и как раз над кабинетом Людвига, находился будуар его жены, а рядом две гостевые спальни, чаще всего пустующие. По правую руку разместились большая детская, ещё одна пока пустующая, учебная и спортивная комнаты. Из количества помещений уже становится ясно, что несмотря на свою вытянутость в высоту, пространство на земле дом занимал малое и буквально-таки втиснулся между двух других, внешне похожих зданий. Кроме того, на третьем этаже жилой площади было очень мало. По сути, лестница выходила в просторный коридор, расширяющийся в своей середине до настоящего круглого холла. Оттуда напротив друг друга располагалось две двери. В задумке архитектора лежало, что это будут спальня для жены и спальня для мужа. В богатых домах так было принято. Но нынешняя семейная пара, переехав сюда, решила переиначить замысел под себя. Поэтому по одну сторону нынче находилась библиотека, а по другую то, что дети называли родительской спальней. Оканчивался коридор винтовой лестницей, ведущей на последний этаж-башенку. А там-то и вовсе была одна комната – запретная лаборатория.

Другими словами, Людвиг Верфайер, виконт Даглицкий, несмотря на затруднительное финансовое положение, в которое поставил его отец из-за женитьбы на крестьянке, жил очень скромно по меркам своего титула и возможностям родовитого семейства в принципе. Правда, при этом очень и очень богато для должности преподавателя Академии магических наук. Даже на днях полученное им звание профессора не прибавило бы к жалованью существенной суммы... Но откуда он взял средства, чтобы не опуститься на дно дворянства, мало кто задумывался. Всё-таки не из грязи в князи человек вылез, чтобы возможностей на то не иметь. Однако, мы с вами к этому интересному моменту перейдём несколько позже, а просто в заключение добавим, что много челяди Людвиг Пламенный не держал. Самый минимум для титулованного человека – экономка, дворецкий, кухарка да её помощница Марыська, один лакей, прислуживающий заодно камердинером, и две горничных, одна из которых работала ещё за прачку. Внешнего персонала было того меньше – всего один конюший, следящий не только за двумя имеющимися в хозяйстве лошадьми, но и за чистотой территории при входе. Сложности последнее не составляло, так как она была очень миниатюрной. При доме не было даже толкового сада, всего пара клумб. Но зато его отсутствие полностью компенсировалось близлежащим парком, угол которого находился

на первом кресте дорог.

Хм, так вот, закончили мы на том, что оба мальчугана встали с кроватей и подпоясали длинные ночные рубахи так, чтобы не запнуться...

Оба мальчугана встали с кроватей и подпоясали длинные ночные рубахи так, чтобы не запнуться. Затем поправили колпаки на головах и, не зажигая огнивом свечей, высунулись в коридор. Там было пусто. Лишь с первого этажа доносилось тиканье больших напольных часов.

– Пошли?

– Пошли.

Они на цыпочках подошли к лестнице. Некоторые её ступеньки были скрипучими, но братья давно разобрались, куда и как ступать, чтобы передвигаться бесшумно. Это была далеко не первая их ночная вылазка. Одно время, с год назад, они даже взяли за привычку подшучивать над слугами совсем безобразным образом, играя в полтергейста.

Идея игры, как ни странно, пришла к ним от Грызня. Будучи в хорошем настроении, ему довелось ненароком рассказать часть лекции, которую он подготовил для своих слушателей в Академии. Она была о магических загрязнениях и их последствиях, но содержала в себе также более понятный фрагмент о том, что такие аномалии обычно воспринимают-

ся людьми за деятельность призраков. Информация не прошла мимо ушей любопытных мальчуганов. Они с энтузиазмом принялись за ночную деятельность. Втихаря перевешивали картины с места на место, прятали вещи, которые детям никак не могут быть нужны, стали тихонечко подвывать под дверями комнат слуг и в целом, почти уверили персонал, что в доме завелось злобное приведение. Оба мальчика едва ли не писались от смеха. Ровно до того момента, пока доведённая до бешенства заменой сахара на соль кухарка не заявила хозяевам, что не может работать в таких ужасных условиях! Вот тогда-то и стало ясно, что к чему и кто на самом деле в мистике виноват. Грызень ругался так, что на весь дом слышно было, а экономка Анна Златова с тех пор стала закрывать кухню на ключ.

В целом, чтобы избежать очередной неприятной выволочки, по первому этажу Витёк и Виталька крались с максимальной осторожностью. Однако ж едва не опростоволосились, когда из коридора вошли в столовую. И вовсе не потому, что часы в холле гулко проббили час ночи. Нет, от этого они всего лишь вздрогнули, не более. Ошиблись они в другом. Свет в столовой не горел, поэтому они подумали, что, значит, и людей там нет. Подумаешь, двери не прикрыл кто-то? Но оказалось, что всё не так. И хорошо, что голос Грызня прозвучал раньше, нежели они принялись копошиться с дверным замком на кухню.

– Будешь ещё вино?

– Да, – ответил какой-то чужой посторонний мужчина.

Грызень, которому, видимо, как и братьям, прекрасно хватало одного только звёздного света, вышел из смежной со столовой гостиной и подошёл к столу. На нём стоял поднос со снедью, грязные тарелки, чаша с фруктами и две бутылки вина. Будь мальчики внимательнее, то сразу заметили бы непривычные предметы и насторожились. Но они не заметили. И в результате сейчас прижимались к стене, как испуганные зайчата вжимаются в землю при опасности.

– Вино кончилось, на один бокал хватило только.

– Тогда пей сам, а мне принеси из погреба чего-нибудь похолоднее.

– Не хочу я в погреб идти... Хм, знаю, ты не любишь крепкие напитки, но, может, коньяк? Мне по случаю повышения в должности слушатели подарили отличный.

– Давай коньяк. Только тогда огонь разведи, а то меня в сон начать клонить может.

Маг неспешно вернулся в гостиную, подошёл к барному глобусу и вытащил из него пузатую бутылку да два стакана. Мальчики это хорошо видели, так как с интересом приблизились. Им было любопытно, с кем это там отчим в темноте сидит в такое позднее время. Грызень же разлил напиток и подал незнакомцу один из бокалов. После чего сел в кресло, стоящее возле едва тлеющего камина, и, делая лёгкий взмах рукой, разжёг в очаге пламя. В гостиной тут же стало намного светлее и уютнее, а малолетние сорванцы порадовались,

что оба мужчины сидят к ним спиной. Не иначе те о чём-то разговаривали, считая, что здесь им никто не помешает, а затем, в какой-то момент, задумались надолго. Замолчали. Это-то время и пришлось на появление братьев. Иначе бы они услышали голоса и ни за что не рискнули войти в столовую.

– Мне надо как-то избавиться от всего этого. Такая подработка мне не нужна, – холодно и по-деловому сказал Грызень. – Настолько глубоко в некромантию я углубляться не хочу и оказывать этим людям свои услуги я тоже больше не хочу. Единичные обращения перерастают в нечто большее, а, значит, рано или поздно моя репутация будет погублена.

– Если бы только репутация, Людвиг. Некромантия противозаконна, тебя ждёт палач и костёр. Они сожгут тебя как еретика.

Голос незнакомца звучал жёстко и уверенно.

– Поэтому мне нужна твоя помощь, Сириус. Самому мне уже не выбраться. Несмотря на мою аккуратность, у них может хватить компромата, чтобы начать дёргать меня за ниточки, словно балаганную игрушку.

– Ты зря во всё это ввязался.

– Понимаю, но на тот момент это выглядело хорошей возможностью решить все мои финансовые проблемы. Ты сам знаешь, отец позволил мне вывезти из дома только мою лабораторию и часть библиотеки.

– И лучше бы ты все возможные для продажи книги про-

дал.

– Шутишь? Думаешь, я бы позволил ему насмеяться надо мной таким образом? Он же потому и расщедрился так, что желал выкупить их, пусть даже через третьи руки. Ему виделось, что сначала он очень быстро вернёт их в себе, а затем унижит меня, пригласив в библиотеку, на полках которой не будет ни единой прорехи. Ты не знаешь моего отца, что ли? Он склонен к изощёренной мести. За моё непослушание ему очень хочется вытереть об меня ноги.

– Ладно, ты не пошёл по лёгкому пути из-за него. И я ни капли не осуждаю твоё решение доказать отцу, что ты способен на нечто большее сам по себе, без его поддержки. Но почему ты не подумал о поддержке моей? Почему я узнаю обо всех твоих проблемах только через два с половиной года? Людвиг, да неужели ты думал, что я бы отказал тебе в деньгах? – возмутился кто-то по имени Сириус.

Имя Сириуса было мальчикам хорошо знакомо, но сами они этого человека толком не видели. Когда он приходил, им запрещалось спускаться на первый этаж. Это делалось для того, чтобы дети ненароком не помешали разговорам взрослых.

– Неужели ты думаешь, что я способен жить на подачки? Даже на подачки друзей. Прости, друг, но это для меня неприемлемо. А тогда передо мной стояла задача разместить где-то семью и всё доставшееся мне имущество, пока отец не передумал его отдавать. И лучшего выхода я просто-на-

просто не нашёл.

– Хорошо, давай не будем ссориться и размышлять над вопросами, что было бы, если бы чего-то не было. Философию такого рода я предпочитаю отложить на старость и жить настоящим. Так что, раз настоящее подкидывает такие неприятности, то попробуем решить их вместе. Первым делом ответь мне, вся некромантская атрибутика хранится в надёжном месте?

– Да, – ответил Грызень и с весёлой беззаботностью рассмехался. Собеседник его не понял, но зато так повернул голову, что мальчикам стал хорошо виден его ястребиный профиль. Даже больше, отбрасываемая мужчиной тень вдруг стала походить на некое чудовище. Из-за всполохов языков пламени жуткое тёмное пятно на стене непрерывно колыхалось и оттого казалось живым.

Мальчики даже поёжились, у них по коже мурашки пробежали. А мужчина тем временем холодно осведомился.

– Неужели ты видишь в моём вопросе что-то смешное?

– Нет, не в вопросе, Сириус. Прости, – попытался успокоиться отчим. – Просто раз человек с таким нюхом на магию как у тебя не в первый раз смотрит на мой тайник и в упор не замечает его, то всё действительно спрятано надёжно.

– Я не понимаю.

Вместо ответа Грызень встал с кресла, отодвинул каминную решётку, а там, несмотря на огонь, безбоязненно вытащил зольный ящик и выкрутил винтик, удерживающий тон-

кий лист металла, на котором этот ящик стоял. Под ним оказался секрет – углубление размером локоть на локоть.

– Вуалья, – торжественно произнёс Грызень, а его собеседник, подошедший к камину ради лучшего обзора, пошатнулся и нервно провёл ладонью по волосам.

– Это же... Это же... Людвиг, такие предметы, а тем более книги, не хранят так, как крестьяне прячут последнюю монету. Немедленно вывози их из дома.

– Именно потому и хранят, – совершенно серьёзно ответил отчим в ответ на тревогу своего гостя. – В этом камине огонь горит всегда, будь то лето или зима. И пламя прекрасно убирает ауру. Даже ты с твоим совершенным нюхом её не чувствуешь. Помимо этого, если инквизиторам дадут на меня наводку, то не каждый день они сталкиваются с изданием такого рода. Рукопись Лариона-Мертвеца и Чёрная Книга Дракона так просто не сгорят даже в магическом огне и по этой причине им совсем не страшен жар обычного. Соответственно, по этой причине под ними все остальные вещи в целости остаются. Но до такого обстоятельства надо ещё додуматься. Никто не будет искать тайник в действующем камине.

– А прислуга?

– А прислуга за два года даже ни разу не протёрла грязь под этим зольным ящиком, – не очень-то довольно буркнул Грызень, попутно приводя вид камина в прежнее состояние. – И поверь, корить за такую небрежность по отноше-

нию к своей работе я их никак не собираюсь.

– Ты всё равно очень рискуешь, – осуждающе покачал головой Сириус и, сев в кресло, требовательно произнёс. – Рекомендую озаботиться поисками другого хранилища. Настойчиво рекомендую. И пока ты этим занят, я со своей стороны постараюсь выяснить что-либо о твоей проблеме.

– Буду премного благодарен. Я полностью вернул ссуду на дом ещё в том месяце, и с новой должностью профессора официального дохода на его содержание мне хватит... Если, конечно, эти дети ещё чего-нибудь не спялят. Или уже кого-нибудь.

С этими полными раздражения словами отчим задвинул зольный ящик. Причём сделал он это с такой силой, что раздался противный металлический лязг, заставивший братьев вздрогнуть. Они тут же заозирались – не спешит ли на шум прислуга? Но вроде всё было тихо. Ничьих шагов в коридоре не слышались. Разве что гость Грызнья издал тихий смешок, но в ответ на укоризненный взгляд хозяина дома резко прекратил веселье.

– Я не насмехаюсь, Людвиг. Кому как не мне знать, насколько тебе тяжело с ними.

– Тяжело? – словно в удивлении переспросил Грызень и залпом осушил свой бокал коньяка. – Это моя ситуация с некромантией тяжёлая. С мальчиками она просто трагично безвыходная.

Сказав так, мужчина решительно подошёл к барному гло-

бусу и по новой налил себе коньяк (причём едва ли не до краев), а после принялся нервно вышагивать перед камином из стороны в сторону. При этом он пил крепкий алкоголь так же, как обычно люди пьют разве что родниковую воду – крупными глотками. Сириус смотрел на это безобразие молча, но через некоторое время глубоко вздохнул и сказал:

– В целом, не знаю даже, что тебе посоветовать. Но мне кажется ты всё же сгущаешь краски.

– Сгущаю краски? О нет, Сириус. Совсем нет. Это не дети. Это чудовища! Или даже нет. Ни один монстр не сравнится с ними. Монстры ведут себя так потому, что они родились монстрами. А эти двое как будто поставили себе целью разрушить всю мою жизнь.

– Людвиг, ты мне это уже не один раз рассказывал.

– И ещё расскажу! – горячо воскликнул отчим. – Я этот трактат шесть лет писал. Шесть. Лет! Я годами проводил многоуровневые эксперименты и сразу записи делал. Во время моих странствий рукопись ни разу не крали на постоянных дворах, её не намочила ни одна капля дождя, я уберёг её даже от пламени дракона. Но всё, Сириус. Трактата больше нет. Ничего больше нет. От труда моей жизни не осталось ни одной страницы!

– Людвиг...

– А мой кристалл Азура? Я кропотливо выращивал его, не пропуская ни одного дня ритуала. И что? Он погиб. А ведь ему всего месяц оставался до зрелости. Четыре года работы

обратились в прах за одну ночь.

– Скажу честно, я бы не сдержался и убил этих мальчишек.

– Если бы не Мари, я бы так и сделал, – в гневе Грызень отшвырнул в сторону свой бокал и тот разбился вдребезги. Кажется, маг был порядком пьян и донельзя разъярён. – Я их ненавижу! Вот так бы этими руками каждого из них взял за шею и придушил. Прямо-таки как курей.

– Людвиг...

– Я их из нищеты вытащил. Одеты, обуты, едят вдоволь, образование получают. Но не дам себе соврать, собаку какую-либо паскудную манерам обучить проще. Стоит только из виду их потерять, как они уже на улице с беспризорниками бегают. Неблагодарное отребье! И как только донести до Мари, что ни в коем случае нельзя их за порог дома пускать? Она это мимо ушей пропускает, считая глупостью. А между тем, знаешь, что было на той неделе? Знаешь? Они за компанию с какими-то сорванцами в королевского гвардейца гнилыми овощами кидаться надумали. Хорошо, что помощница кухарки была неподалёку и вовремя их увела. Ты представляешь, какой мог разразиться скандал?

– Людвиг, – по новой вяло попытался вставить слово Сириус, и на этот раз у него как-то получилось продолжить. – От меня-то ты чего хочешь?

На некоторое время Грызень замер в молчании. Казалось, он вот-вот широко разведёт руками и признается, что ниче-

го-то ему не надо. Выговориться просто. Однако, внезапно лицо мага оживилось, и он воскликнул:

– Спаси меня! И в этом меня спаси! Тебя же в позапрошлом месяце директором королевского интерната назначили, так ты приди ко мне как-нибудь и донеси до моей жены, какие у неё талантливые сыновья. Забери ты их к себе, ну пожалуйста!

Судя по всему, собеседник Грызня впал в ступор. Ему только что столько хорошего о вероятных учениках порассказали, что он никак не мог связать прозвучавшую просьбу с реальностью. Но всё же быстро пришёл в себя и произнёс:

– Ты же знаешь, что они не подойдут. В интернат принимают, конечно, и сброд, и даже платы с него никакой за обучение не взимается. Но сброд талантливый.

– Если вопрос в деньгах, то я готов оплатить любые взносы и расходы. Забери ты их только! Я душу тебе за это отдать готов.

– Нет, Людвиг. Тут не в деньгах вопрос и душа мне твоя ни к чему. Чай я человек, а не демон. Поэтому постарайся уразуметь, чтобы в будущем тебя такая гиблая идея по новой не посетила. Посредственность, конечно, можно за деньги выучить. Но если магического дара нет, то кого и чему учить? Я же видел этих мальчиков год назад. Помню.

– Хочешь, я их разбужу? Погляди ещё разок. Внимательнее.

– Мне дважды смотреть не надо. Да ты и сам знаешь, нет

в них ничего особенного. Младший ничего разве что, но вот старший вообще к нашему ремеслу не пригоден. Поэтому в мою сторону даже не смотри. Я понимаю, как тебя в твоей ситуации привлекает моё право брать на обучение учеников из любых семейств. Но я не стану.

– Сириус...

– Это был раз! А два – вспомни, что интернат создан для талантливых детей, которым родители или опекуны не могут предоставить обучение самостоятельно. И согласишься, было бы странно, чтобы преподаватель... прости, уже профессор Академии магических наук, не мог справиться с организацией домашнего обучения.

– Эх, Сириус, это смешно, но ведь я не справляюсь даже с тем, чтобы дать им элементарное воспитание. Мне никак не совладать с этими двумя. И я просто представить себе боюсь, что будет, когда их станет трое.

– Не переживай, – добродушно усмехнулся мужчина. – Младенцы обычно только режут навзрыд, а не шкодничают. Так что к тому времени, когда твой ребёнок из милого малыша превратится в такого вот сорванца, эти двое значительно поумнеют.

– Твоими бы устами, – осенил себя знаком надежды маг.

Глава 3

Триста сорок седьмой год после завершения Войны Драконов. Раннее утро. Хоть и первоапрельское, но в меру тёплое. Улицы ещё не шумели, люди на них не толпились, и лишь где-то вдали угрюмо скулил пёс. Его вой пробирал до глубины души. В этом протяжном завывании слышались печаль и горечь, какие не каждому человеку за свою жизнь ощутить доведётся. Животное пело очень тяжёлую песню, выплёскивало с каждым звуком одному ему известную боль. И проснувшиеся из-за этого воя горожане тревожно открывали глаза, но не шевелились. Им казалось, что они слышат мелодию смерти. Им виделось, что если встать и подойти к окну, то великий король мёртвых увидит их и навсегда заберёт в свою мрачную обитель. Поэтому люди лежали и проклинали несчастную псину, что, быть может, всего-то порядком промокла и оголодала из-за их бессердечия.

Проснулись от воя и Людвиг с женой. Мари насторожилась, испуганно прижала руку к животу, но супруг мягко улыбнулся и, поправив её растрепавшиеся каштановые волосы, утешил полным любви поцелуем. Все тревоги женщины разом утикли.

Проснулись этажом ниже и мальчишки. Эти двое, правда, недолго тряслись под одеялами. Любопытство пересилило, и

они вскочили со своих мест. Затем подбежали к окну, широко раскрыли ставни и высунулись наружу разве что не по пояс. Увы, собака уже замолкла и по новой свою песнь не завела. Однако, младший из братьев не растерялся, что развлечение закончилось. Он начал завывать сам.

– У-у-у!

– У-у-у! – стал вторить ему не шибко разумный старший.

Лицо Людвиг Пламенного, имеющего неосторожность как раз выйти на широкий балкон-террасу, дабы насладиться воцарившейся тишиной и полюбоваться нежным рассветом, тут же резко перекосило. Сам не зная зачем, он бесшумно подошёл к краю балюстрады и глянул вниз. Так и есть. Две темноволосые головки торчат из окна и, словно соревнуясь, пытаются провить собачью песнь всё громче и громче.

Пальцы мужчины невольно сжались на перилах ограждения так, что могли бы вот-вот мрамор раскрошить. Предстоящий день стал разом беспросветно испорчен для него. Но, понимая тщетность очередной попытки донести до детей правила приличия, Людвиг не стал вызывать мальчиков в свой кабинет. Он постарался выдохнуть напряжение и пошёл обратно в спальню, как можно громче топая. Ему виделось, что звук его шагов донесёт до пасынков мысль, что стоит опомниться и замолчать. Но нет. Те разыгрались так, что принялись ещё и мерзко хихикать. Наверное, вся улица этот смех слышала и откуда он доносится с лёгкостью сообразила.

«Какой позор!» – страдал маг, жалея, что некогда при-

смотрел дом в столь приличном квартале.

– Всё в порядке? – забеспокоилась Мари, заметив выражение лица мужа.

– Да. Всё в порядке, – бесстрастно ответил Людвиг, намеренно не закрывая за собой дверь, чтобы звонкий смех мальчишек и их завывания достигли ушей женщины. А затем нагнулся. – Твои дети проснулись.

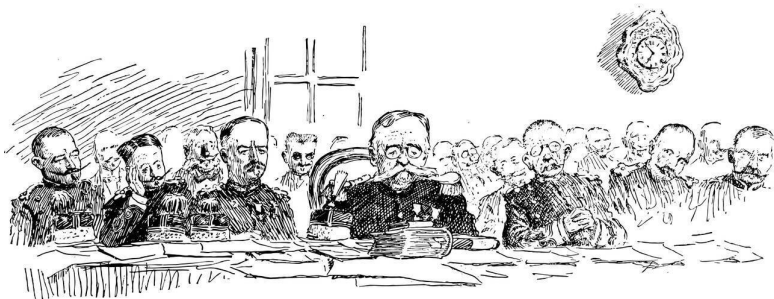
– Пойду пожелаю им доброго утра.

Супруга, всё разом поняв, принялась суетно накидывать на сорочку халат и поспешила в детскую. От её спешки Людвигу сразу стало несколько совестно. Ему казалось низостью перекладывать подобные тревоги и заботы на беременную женщину, но как поступить иначе он просто-напросто не знал. Видят боги, он старался стать для мальчиков настоящим хорошим отцом, но... как-то оно никак не получалось. Как только такое безобразия могло быть плоть от плоти детьми Мари?

Низкое происхождение супруги Людвиг ни капли не волновало. Он давно уже пришёл к мысли, что большей женской мудрости, чувства такта и порядочности не смог бы найти ни в какой другой женщине. Мари была искренней, открытой, её чувства к нему не имели корысти, и это стирало для его восприятия все огрехи её манер. Да и, стоит сказать, за два с половиной года жизни в браке многое из крестьянского, что было в ней, исчезло напрочь. Конечно, обсуждать постановки пьес или вышедшие книжные новинки с Мари было пока

ещё невозможно, но постепенно даже высшее общество, куда как более суровое нежели он, переставало относиться к ней чрезмерно строго. И нынешнее приглашение на бал-маскарад яркое тому подтверждение. Это важное событие. Мало-знакомый приезжий аристократ, а не самые близкие друзья, хотели видеть молодое семейство Верфайеров в полном составе. В пригласительной карточке наконец-то значился не он один, а и его супруга.

Приходя на службу, Людвиг Верфайер, виконт Даглицкий, не переставал удивляться тем коллегам, кто изо дня в день жаловался на обучаемую ими молодёжь. В моменты сессий умудрённые жизнью мужи переставали выглядеть для него умудрёнными.

Как можно было жаловаться на студийцов?

Каждый из воспитанников Академии целенаправленно поступил сюда в поисках знаний и всюду стремился совершенствовать собственные магические умения. Это были люди, знающие куда и зачем пришли, и люди, с уважением относящиеся к более опытным мастерам. И, несомненно, в памяти Людвиг были ещё свежи воспоминания о собственном обучении в стенах Академии, поэтому он верил, что могли студенты отвлекаться на личные беседы, могли они исподтишка подшучивать над какими-либо дряхлыми мэтрами или ставить своё мнение выше объяснений учителя... но лично он с таким на своих занятиях не сталкивался. Ни разу! В кругу коллег ему было нечем подобным поделиться, как он этому ни удивлялся. Ведь, собственно говоря, Людвиг

стал вести пиромантию и стихийную магию будучи двадцатичетырёхлетним мужчиной, а на курсе выпускников сидели даже двадцатидвухлетние. Четыре года активных странствий, полных как позорных провалов, так и героических подвигов (вроде убийства дракона со второй попытки), не особо-то ставили его над студиями. Молодой маг ожидал пренебрежительного отношения к себе. И всё же на его лекциях и практикумах никто слова лишнего себе не позволял. Это было странно. Но странно было только ему. Если описать какое-либо занятие виконта Даглицкого с точки зрения студентов, то всё моментально вставало на свои места.

Входя в лекторий, первым делом этот преподаватель обводил аудиторию взглядом, из-за которого все присутствующие сразу цепенели. Так мог смотреть на обвиняемого палач в момент занесения топора: безжалостно и в полной уверенности, что жертва виновна во всех смертных грехах без исключения. Внутри каждого из молодых людей мгновенно поселялась и росла червоточина страха. Они ощущали себя так же, как мог бы чувствовать себя святой жрец, вдруг уличённый в низком воровстве. И никто из них в жизни бы не догадался, что подобное происходит не из-за надменности или скверного характера, коими Людвиг никогда не обладал! Просто новоиспечённый профессор, сам того не осознавая, за последние два с половиной года настолько погрузился в глубокую боязнь перед младшими поколениями, что всё время ожидал какого-либо подвоха, какой-то неприят-

ности или какой-нибудь скверной проделки. Причём интуиция, натренированная двумя малолетними домочадцами, во время занятий у него отчего-то обострялась. Не иначе как от количества слушателей.

Порой некий студент только начинал поворачивать голову к соседу, чтобы шепнуть ему на ухо какой-нибудь комментарий или попросить пояснить что-либо, а преподаватель уже на него пристально смотрит. Кто-то бесшумно перо или лист обронит, наклонится поднять, а холодные голубые глаза учителя тут же за ним зорко следят. Затечёт тело у другого, захочет он пошевелиться, так и тут от внимания лектора ничего не ушло. В целом, некоторым особо впечатлительным студиям Людвиг Верфайер даже в кошмарах снился. А иные ещё и поговаривали, что то ли он прорицатель будущего хороший, то ли вообще телепат. Последнее, кстати, привело к тому, что часть студентов свои мысли в присутствии Людвига контролировать пыталась.

Однако, как бы ни дрожали поджилки у этих молодых людей, а тот человек средних лет, что нынче смотрел на лорда Верфайера, чувствовал себя совсем иначе. Он держался с достоинством, даже с вызовом и превосходством. И говорил немного свысока, зная, что имеет на это право сильного.

– Разве вы забыли? В прошлый раз мы оговаривали необходимость создания большего количества вампиров, – сурово напомнил этот черноволосый мужчина и деланно удивился. – Неужели вы думали, я затрагиваю такие темы просто

так?

Людвиг Пламенный своего недовольного взгляда не опустил. Он продолжил внимательно смотреть в голубые ясные глаза собеседника, идеально подходящие его узкому хищному лицу, и жёстко ответил:

– Нет, я ничего не забыл, мистер Рейц. Вы долго рассуждали, как было бы хорошо наладить процесс создания вампиров, но я вам сразу сказал, что участвую в таком деле в первый и в последний раз. Одно дело проклятия, порчи, допросы духов, поднятие мёртвых и даже вызов низших владык потустороннего мира. Но для преобразования в вампиров требуются живые люди. А я вам не убийца. И тем более не убийца детей!

На этих словах Людвиг Верфайер перевёл выразительный взгляд на двух мальчиков лет десяти, удерживаемых Семёном – помощником Эдварда Рейца. Судя по их худобе и обноскам, они были из отбросов общества. Наверняка их заманили сюда обещанием горячей похлёбки за какой-нибудь труд. Вряд ли они думали, что конечной точкой пути станет конспиративный дом, в подвале которого располагается комната для запрещённых инквизицией ритуалов.

При этом, глядя на нищих ребятишек, в голове мужчины сама собой возникла другая едкая и неприглядная мысль – а также решительно бы он отказался, будь на месте этих двоих его пасынки? Вот только ответить на этот вопрос Людвиг Пламенный себе не дал. У него сердце ёкнуло от ужаса,

что разум вот-вот честно что-либо недостойное ответит! Он так перепугался (вдруг потом невозможно будет в глаза Мари смотреть?), что напрочь стёр из своей головы само воспоминание о нечаянном вопросе и резко перевёл своё внимание на другое – вот точно так же мальчики Мари выглядели бы сейчас, не прими он их. Такие же грязные, голодные, вшивые и неприкаянные бродили бы они от дома к дому в поисках милостыни. Ведь когда он их встретил, у них в хозяйстве всего одна коза осталась. Пахотное поле за неуплату налогов отобрали, не дав собрать урожай, а тёплые летние дни уже готовились уступать свои права промозглой осени. Кончились бы грибы сушёные, и сгинули бы со свету... а они всё кровь из него пьют! Как настоящие вампиры прямо-таки. Всю испортили два негодяя. Как вообще можно было умилиться двум таким чудовищам?

«Дяденька, на водички испей. Полегше будет», – язвительно прозвучало в голове Людвигу совсем не детским голосочком.

Именно на этой фразе состоялось его знакомство со старшим из братьев. Маг пришёл в сознание, когда Мари не было дома – она за знахаркой в соседнее село кинулась, и в избе остались только два несмышлёных темноволосых карапуза, одинаково жалостливо таращащихся на него серыми добрыми глазами.

– Бросьте. Перестаньте упрямяться, – беззаботно проговорил Эдвард Рейц. – Чем отличается проклятие на смерть

от того, что я вам предлагаю?

– Тем, что для такого проклятия я делаю лишь заготовку.

Выбираете жертв и активируете чары вы сами.

– Да будет вам...

– Нет, не будет, мистер Рейц! Я уже озвучил вам отказ и менять своё мнение не намерен. Более того, в целом рассчитываю, что вы поумерите количество наших с вами встреч.

– Выходит, сегодня вы работать не будете?

– Если бы я знал, для какой работы вы меня пригласили, то вообще бы не вышел из дома.

– Что же, я вас понял. Прекрасно понял. Хорошего вам вечера, Ваша милость. Простите, что оторвал от дел.

Не говоря ни слова, Людвиг небрежно склонил голову в прощании и вышел из комнаты так, чтобы громким хлопком закрыть за собой дверь. При этом всего в паре метров от него находилась лестница, по которой можно было подняться и уйти из мерзкого притона. Но сначала ему требовалось отдышаться. Мага переполняло возмущение, отвращение и злорадия. Поэтому он резкими движениями стянул с себя рабочие перчатки и, продолжая удерживать на сгибе одной руки саквояж с атрибутикой чёрной магии, сунул их в карман.

– Куда этих-то девать? – между тем сипловатым голосом осведомился Семён. Людвигу было слышно его так же хорошо, как и мычание детей через кляпы.

– Избавься. Нам ни к чему мусор.

– А потом новых ловить, что ли? Господин же приказал,

чтобы двух вампиров ему привели. Причём из детей созданных.

– Тринадцатый тебя побери, да! Будем ловить новых. Всё равно так быстро мы этого чистоплюя к стенке не прижмём. Был бы кто попроще, так давно бы на поводке ходил.

– Не-е, ну подумаешь графский сынок? Это, наоборот, ни-точка, чтобы дёргать. У нас на него много чего имеется.

– Вот из-за таких мыслей главный здесь я, – ворчливо и вместе с тем надменно произнёс Эдвард Рейц. – Некромант его уровня дорогого стоит, но толку от насильственного труда будет мало. С благородными хуже нет работать в этом смысле. Чем ни угрожай, а могут упереться в своё и всё. Тогда пиши пропало. Нет, Семён, его надо к добровольному сотрудничеству склонять.

– Незаметно, чтобы за два года он больно-то в добровольцы рвался, – едко усмехнулся помощник.

– Именно поэтому его прежнего координатора пришлось заменить. Именно поэтому теперь шеф я! – жёстко отрезал Эдвард Рейц. – Тот увалень не просто боялся требовать с этого типа больше, но за такое время так и не сумел найти верный подход к нему.

– А вы сможете?

– В его интересах, чтобы у меня вышло. Иначе ведь действительно прижму клещами. Если понадобится, так прямо здесь в подвале на цепь посажу, как собаку. Ведь что бы он там себе не мнил, а мне эти два вампира до середины июня

нужны точно.

«Размечтались. Ни одного вам вампира не будет! Ни за что», – ехидно думал Людвиг Пламенный, бесшумно поднимаясь по лестнице. Ступал он на цыпочках, чтобы никто не догадался, что у него вышло что-то подслушать.

А затем маг вспомнил о своём будущем ребёнке. О Мари. Даже о двух несносных мальчишках... Увы, кажется, надо было довериться Сириусу Ван Отто, барону Шлейфтерскому, несколько раньше, а не тогда, когда он, будучи в обществе Эдварда Рейца, впервые ощутил себя загнанным в ловушку.

Мысли так тяготили, что не хотели отпустить. Поэтому домой маг вернулся с досадными размышлениями о совершённом им промахе. Он всерьёз углубился в себя. Настолько, что не сразу понял – несмотря на то что время уже очень позднее, дворецкий, как и положено, встретил его, выверенным движением принимая шляпу и плащ.

– Вы припозднились, Ваша милость.

– К сожалению. Что поделать, иногда работа требует большей отдачи, нежели хотелось бы, – машинально посетовал маг и осведомился. – Моя жена уже легла?

– Да, она почувствовала слабость и ушла отдыхать раньше обычного.

– А мальчики?

– Горничная уложила их с полтора часа назад. Должно быть они уже крепко спят.

– Хорошо.

Людвигу даже стало свободнее дышать от такого известия, но пасынки, конечно, не спали. Их вообще дома не было. Однако, об этом маг пока не знал.

– Есть новая почта?

– Два письма. Леди позволила себе их вскрыть, так как они были адресованы вам обоим.

– Нам обоим?

– Да, леди тоже удивилась и особенно тому, что это оказались приглашения на игру в карты. Но она не стала отвечать, оставила письма в вашем кабинете.

– Что же, приятная новость. Я давно не играл в покер с кем-либо, кроме близких друзей.

С этими словами лорд Верфайер всё же решился на посещение кабинета. У него не было настроения заходить в это унылое помещение, но письма его очень заинтересовали. Кто же был отправителем? Так, баронет Ле-Кайрмайр не очень значимая фигура и репутация у него гуляки, на такое приглашение лучше сразу написать вежливый отказ. А кто второй? Хм. Вот это уже намного существеннее, хотя неожиданно. Верховный судья, барон Гедебрен, заслуживал самого пристального внимания.

На мгновение Людвиг освежил в своей памяти образ Верховного судьи, единожды виденного им на бале-маскараде, который на прошлых выходных он посетил вместе с Мари. Это был пожилой мужчина с пронизательными умными гла-

зами и любопытными суждениями. Беседу их долгой было не назвать, но она и правда вынужденно закончилась на весьма интригующей ноте. Такой, чтобы для Стейна Оливера Де Конталонского, барона Гедебрен, естественно было возжелать увидеть своего собеседника вновь. И, конечно, углублять новое знакомство с неприятия его супруги являлось верхом неприличия. Мари была приглашена, а значит вечер следующей среды они обязательно проведут за игрой в карты.

Сделав такой вывод, Людвиг сразу написал оба ответа, положил их в холле на поднос для отправки корреспонденции и только потом начал подниматься по лестнице. При этом с каждой пройденной ступенью его радужные мысли мрачнели, через них пробивались воспоминания о двух нищих мальчиках, которые вероятно уже были мертвы. Память о них не позволила мужчине пройти мимо второго этажа. Он подошёл к детской и приоткрыл дверь, желая успокоить нервы тем, что его-то пасынки мирно спят в своих постелях и знать не знают, какой суровой может оказаться жизнь.

– А где дети? – изумлённо пролепетал маг, после чего, не веря царящему вокруг него сумраку, зажёл в ладони яркий магический шар.

Глава 4

– А где дети? – изумлённо пролепетал маг, после чего, не веря царящему вокруг него сумраку, зажёл в ладони яркий магический шар.

Нет, зрение не обмануло. Мальчиков в комнате не было. «Эдвард Рейц?».

Лживое имя, которое ничем кроме выдумки быть не могло, кольнуло в самое сердце. Не чувствуя пола под ногами, Людвиг сбежал вниз по лестнице и, нарушая все правила приличия, ворвался в комнату Анны Златовой.

– В чём дело? Почему детей нет в их спальне, отвечайте!

Перепуганная тревогой своего господина экономка, до этого мирно расчёсывающая светло-русые волосы сидя на краю кровати, разом прекратила своё занятие.

– Марина уложила их и спустя полчаса проверила. Они спали.

– Немедленно обыщите дом! – громко воскликнул маг, но тут же опомнился и добавил. – Действуйте тихо. Постарайтесь не потревожить мою жену.

– Сию секунду, Ваша милость.

Удовлетворённый послушным ответом Анны, Людвиг вспомнил о правилах приличия и скомкано выразил сожаление, что так напугал женщину. После чего вернулся в дет-

скую для более тщательного осмотра. Магическое зрение не показало каких-либо следов постороннего колдовства, а обычное не выявило других фактов, таких как, например, следы борьбы. Но по спине Людвига всё равно пробежал неприятный холодок. Что если мальчиков выкрали и теперь его станут ими шантажировать? Что если ему начнут присылать в конвертах не приглашения на игру в карты, а отрезанные детские пальцы? Насколько долго продержится его сопротивление?

– Лорд Верфайер, – обращение экономки вытащило мага из панического состояния обратно в реальность. – Мы обнаружили открытое окно в гостиной. Снаружи его подпирала жердь, поэтому мы сразу не заметили, что задвижки открыты. Кажется... Кажется, дети сбежали.

Женщина выглядела достойно, но было видно, что известие огорошило её саму.

– Как сбежали? – глупо переспросил Людвиг, куда как больше ожидающий, что внезапно обнаружится записка с грозными требованиями. Нечистая совесть подстёгивала воображение так, что молодой виконт подумывал о старческих сердечных пилюлях.

– Не могу знать, Ваша милость.

– Они поссорились с матерью?

– Нет, сегодня они вообще вели себя очень примерно.

– Тогда велите всей прислуге немедленно вернуться в свои комнаты и до утра не выходите из них. Дальнейшими

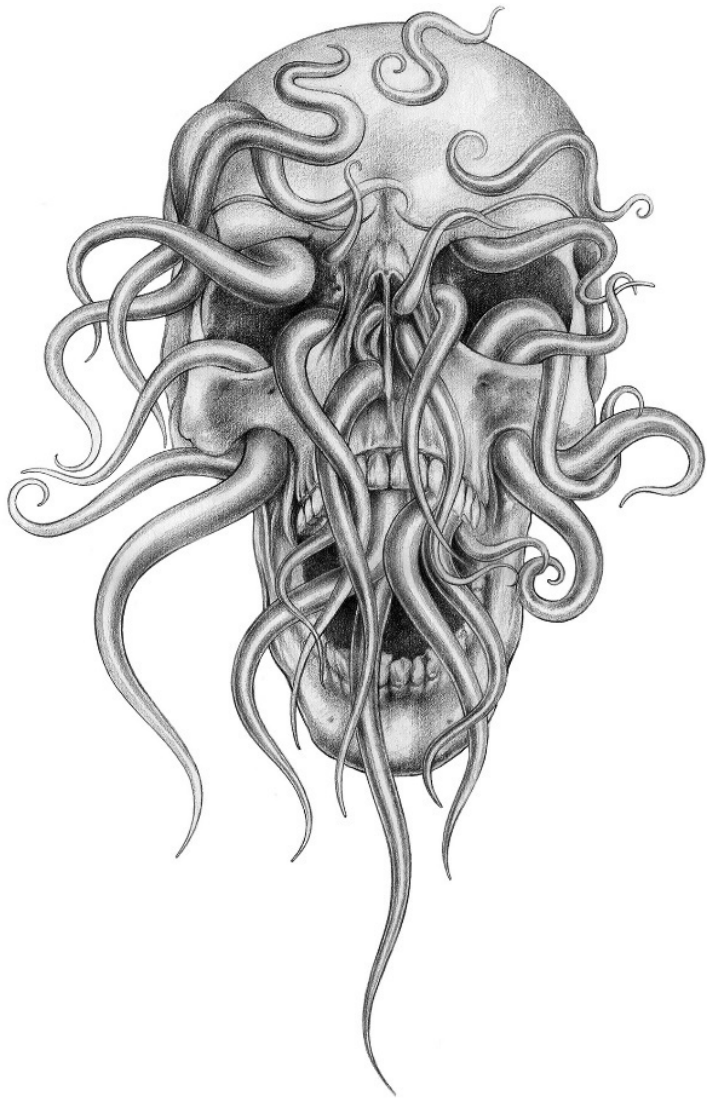
поисками я займусь сам.

Судя по выражению лица, экономка не особо оценила мудрость приказа, но проявила покорность.

А Людвиг выждал несколько минут. Затем спустился в пустой холл и, взяв свой саквояж с недозволенным инструментарием, направился в кабинет, где первым делом закрыл за собой дверь на замок. После чего освободил поверхность стола от всех предметов и, нарисовав магическим порошком прямо на столешнице нужные символы, разместил в центре узора человеческий череп. По углам он поставил иные, не менее жуткие атрибуты. А там из нижнего ящика стола вынул резную шкатулку, в которой лежали, перевязанные ленточками, человеческие пряди волос. Отобрав две тёмные, маг вытащил из каждой по несколько волосинок и приступил к ритуалу вызова низшего владыки.

Конечно, наилучшим вариантом было не запрещённую законом самодеятельность устраивать, а озадачить стражей порядка, заставить их заниматься своей работой. Но Людвигу мешали поступить так несколько причин. Самая первая – Мари. Раньше утра городская стража за деятельные поиски не взялась бы, а расстраивать жену, не очень-то хорошо переносящую свою третью беременность, ему крайне не хотелось. Во-вторых, ему по-прежнему не верилось, что мальчишки решились на побег самостоятельно. Сколь дурно бы они себя ни вели, но мать любили безмерно и ни за что не оставили бы её. Поэтому в их исчезновении он всецело и неисто-

во вину как свои опасные связи, так и самого себя. Совесть вынуждала к поспешным действиям по горячим следам, хотя на данный момент он не имел достойной платы, которой можно было бы оплатить помощь существа из другого мира.

Низший владыка явился в образе жутких теней, тянущихся из самых мрачных углов кабинета. Пламя свечей на канделябре болезненно дёрнулось, делая ожившую темноту похожей на извивающихся змей. Аура пространства сразу изменилась, стала душной и тягостной. Не иначе остальные обитатели дома внезапно ощутили тревогу и липкий страх, но магами, чтобы определить опасную волшбу, они не являлись, так что Людвиг продолжил вливать в ритуал свою силу, покуда глазницы черепа не налились мертвенно бледным свечением и чей-то грубый голос, мерзко звуча словно в самой голове, не зашептал тихое и недружелюбное:

– Зачем ты призвал меня, маг?

– Мне нужно, чтобы ты как можно скорее привёл меня к обладателям этой материи.

Людвиг знал, что делал. Обращаться на «вы» к такому существу не стоило. Ему нужен был лишь один этот владыка, а не целый легион. Магия несовместима с обычной человеческой вежливостью.

Затем, поднеся волосы вплотную к черепу, маг поочерёдно сжёг их на ладони. Во время горения, волоски превращались в густой белый дым, и череп, словно с наслаждением, втянул его в себя.

– Это возможно сделать. Но чем ты заплатишь мне?

– Отложенной жертвой.

– Нет, такая плата мне не подойдёт. Я предлагаю иное, маг. Дай мне воспользоваться твоим телом и вновь попробовать на вкус мир людей. Это будет ненадолго и даже в твоих интересах. Я намного быстрее приведу тебя к тем, кого ты ищешь.

– Ты покинешь моё тело, как только те, кого я ищу, будут достаточно близко? Не навредишь невинным? – после небольшого раздумья, осторожно осведомился Людвиг.

Предложенная плата виконту Даглицкому не понравилась, но владыка уже сказал своё «нет» на единственный доступный для него вариант. А торг и уговоры подобное общение не предполагало. Либо он соглашается прямо сейчас и получает помощь, либо отказывается и мечется по дому, не зная как ещё добраться до мальчиков.

– Да, – протянул голос, и свет внутри глазниц засиял вожделением.

– Хорошо. Мы договорились, – леденя от совершаемого произнёс мужчина и положил в согласии свою ладонь на череп.

Что делать? Бедные дети не иначе как в лапах Эдварда Рейца. Их скрутили и связали. Может, даже избили, искалечили И это всё только на его совести. Душа никак не может смириться с происходящим.

Благие Двенадцать, что вообще с ним станет, когда настанет время во всём признаться Мари?

Никогда она его не простит. Никогда и ни за что. Всё, что

ему остаётся, так это добраться до мерзавцев, готовых ради своих целей на любую подлость, и показать им, что может устроить доведённый до отчаяния маг!

Рука Людвига Пламенного внезапно оцепенела и заледенела. Тени со всех углов змеями устремились к ритуальному узору, заползли внутрь черепа и через пальцы проникли в тело призывателя. Мужчина болезненно скривился и застонал. Его плоть под одержимостью иной сущностью менялась так, как оно бывает у оборотней. Кожа изменила оттенок на грязно-серый, уши заострились, пальцы неестественно вытянулись, спина искривилась. И вскоре жуткое существо, совершенно не похожее на благородного виконта Даглицкого, покинуло особняк на Ольховой улице. Оно наклонило голову набок, всматриваясь в висящую на небе полную луну, втянуло ноздрями холодный воздух и, совершив неестественно высокий прыжок, помчалось куда-то по крышам домов.

Королевство Ортланд было огромным и простиралось с северного края материка на юг почти на добрую треть суши. Однако, Лоррендаум – столица, располагалась на самом севере. Так исторически вышло, что вследствие череды удачных экспансий предыдущих правителей страна увеличилась, а о переносе столицы никто не задумался. Правда, последние самодержцы, включая нынешнего, на своих заво-

евателей-предков походили мало и предпочитали вести более мирную политику. В результате их стараний границы государства не менялись уже весьма длительное время, но зато и в соседних странах тенденций к нарушению пактов о ненападении не возникало. Поэтому, не иначе как из-за образовавшейся скуки, влиятельные люди королевства то и дело озвучивали предложения по основанию новой столицы, южнее. Король к мнению таких особ прислушивался, но следовать совету не торопился, понимая во что может вылиться решение – всегда помимо довольных останется не меньшее количество крайне возмущённых.

Так вот и вышло, что из-за благоразумия своего монарха сливки общества продолжали кутаться в тёплые одежды, хотя стояла середина апреля. Снег уже стаял, конечно, и первые цветы из-за нескольких солнечных денёчков тоже проклюнулись. Но позапрошлой ночью ударили сильные заморозки, а потому ни один бутон не распустился. Некоторые соцветия на кустарниках вообще заледенели и опали.

– Как же так? Разве мы можем мамочку без подарка оставить? – жалобно протянул Витёк, глядя на то, как зазеленевшую перед домом траву покрывает изморозь.

– Плохо это, – согласно вздохнул донельзя расстроенный Виталик и, сжав правую руку в кулак, решил. – Ничего, будет у нас подарок. Пойду я за бусами.

– И не боязно тебе?

– Боязно, но подарок важнее.

Года три назад мальчики о таком празднике как День матери не слыхивали даже. Но теперь они жили не в глухой деревне на окраине королевства, а в процветающей столице. Здесь люди развлекались совершенно иначе и, помимо ярмарочных дней да объявляемых жрецом каких-то непонятных поминовений святых, вносили в свой досуг разнообразие как только могли. Был День мага, когда под вечер небо разгоралось огнями фейерверков. Парадами военных праздновался День мира. На День рождения короля на улицах выступали бродячие артисты, да и много чего ещё было. Что ни месяц, а только знай разевай рот от удивления. Где в голове удержать, что там за чем идёт? И потому очень расстроились братья, когда уличные ребятишки рассказали им, какой важный завтра день. Некоторые даже подарки показали, что своим матушкам подготовили. Кто во что горазд, как говорится. Были и деревяшки красиво струганые, и гребень без части зубцов (на дороге валялся видимо). Один пухляш заботливо завёрнутый в тряпицу медовый пряник из-за пазухи вынул, а другой умник крылья майских жуков на нитку нанизал. Красивые бусы вышли. Но не такие красивые, что Федюнька Смирнов, который кражами промышлял, из кармана вытащил. Его бусы из зелёного камня были. Малахитовые. И чётками из-за золотистой шёлковой кисточки назывались.

– А вы чего своей дарить будете? – свысока поинтересовался воришка, после того как прочие мальчишки завистливо поцокали языками, вдоволь насмотревшись на его добычу.

И вот тут братьям только руками развести осталось. Денег им никогда не давали, даже самую малость. А придумывать что-то, так уже вечереет. Некогда.

– Эх вы, богатейчики!

Все ребята стали тыкать в них пальцами и смеяться. Всю хохотала даже босоногая Алёнка, у которой всего-то кусочек ленточки атласной длинной не больше пяди имелся. И от того Витьке и Витальке так обидно стало, что хоть ты плачь! А чем усть дразнящихся? Поглядел Виталька на покатывающегося от смеха Федюньку и жестокие слова у него с языка сорвались.

– Может у нас подарка и нету, так это ещё пока нету. А у тебя как матери не бывало, так и не появится!

Сказал Виталька такое, и сразу тихо вокруг сделалось. Все знали, что Федюнька не от хорошей жизни ворует. И все знали, что ведьме-мачехе добытые чётки он ни за что не поднесёт, да только попрекать его этим никто не смел. За подобные слова и по лицу схлопотать можно. И так, что знай только после собирай зубы с мостовой.

– Да ты никак осмелел совсем?

Федюнька резво прыгнул с бочки для сбора дождевой воды и, вытягиваясь во весь свой девятилетний рост, грозно зыркнул на старшего из братьев.

– А я трусом никогда не был, – гордо поднял подбородок Виталька, хотя был ниже товарища почти на целую голову.

– Ах не был? – совсем нехорошо протянул Федюнька. – А давай-ка мы это проверим? У вас же подарочка нету? Нету. Вот и давай я эти чётки, – он принялся вертеть малахитовые бусы на одном пальце, – на кладбище «Вознесенское» снесу. Недалеко причём. На одну из могилок возле часовни сразу положу. Пряму надгробия оставлю.

– И зачем это?

– Не побоишься прийти и взять, так твои будут и слова о тебе больше дурного не скажу. Но смотри, поутру проверю. Коли на месте лежать останутся, так я с таким трухачом водиться не стану. Увижу где, сразу отметелю так, что мало не покажется! Вы оба носа из своего дома больше не покажете без мамочки и папочки. Жизнь всё на свои места расставит. Вы тем, что у вас мамка есть горды, а мне в гордость то, что, быть может, матери мне и не досталось, зато и я за её юбками не прячусь!

Сказал как отрезал. И другие ребята Федюньку поддержали. А у Витальки и Витьки всё внутри в плотный узел сжалось. И не так им страшно на кладбище ночью идти, сколько жутко, что мать и Грызень о том прознают. Но тут делать нечего. Или и правда позора не обобраться, или идти. Да и

подарок матушке всё равно нужен.

– А вот ты утром приди и проверь, Фома неверующий. Не будет там бус!

– Чётко, дурень. Чётки это. Ребят, разбейте нас.

Федюнька и Виталик пожали руки, а затем поверх их рукопожатия ребром встала рука Серого – справедливого мальчишки, уже начавшего своё обучение как подмастерье кузнеца. А затем Серый сказал:

– Чтобы всё честь по чести было, мы, Федюнь, с тобой сейчас и после поутру вместе на кладбище ходим.

– Не доверяешь мне, что ли? – нехорошо сузил глаза во-ришка.

– Доверяю, но обмануться не хочу. Тут дело серьёзное. Кому кныш, а кому шиш наверняка знать надобно.

– Ну смотри-смотри, – усмехнулся Федюнька. – Пошли тогда закладку делать. Всё равно уже вечер, а с этими двумя пока водиться неохота.

– Пошли.

Ребята ушли, и вскоре вся компания разбежалась. Было ещё не так поздно, обычно все дольше заигрывались, но братья этому обрадовались. Мать, конечно, если отчима не было, их из дома выпускала, чтобы совсем в четырёх стенах не зачахли, но надолго уходить не велела. Поэтому мальчишки вернулись и весь оставшийся вечер вели себя смирно и ладно, чтобы никто их в предстоящем не заподозрил. Лишь в своей комнате они ненадолго поссорились, так как Виталька

брата с собой брать не хотел, а тот отвязываться не возжелал. Но они быстро помирились и вместе выбрались из дома через окно гостиной.

Кладбище «Вознесенское» находилось не так далеко от дома братьев. Всего с полчаса размеренным шагом по улицам пройти и вот оно. Всё-таки квартал, выбранный виконтом Даглицким для проживания, хотя и считался приличным, но аристократов в нём крайне мало обитало. Например, на всю Ольховую улицу только Людвиг Пламенный и имелся. Здесь всё больше купцы, удачливые ремесленники и прочие зажиточные горожане жили. Однако, и кого-то попроще встретить можно было. Не бывает в городе такого, чтобы где-то неудачливое семейство не втиснулось. И потому на подвальном этаже доходного дома купца Громьки снимали комнатку вечно пьяные сапожник и его вторая жена-прачка. Жил с ними и мальчонка Федюнька. Из всех детей сапожника только этот, оставшийся от первой богомольной жинки, не умер во младенчестве, а дожил до девяти лет и, судя по всему, жить и жить собирался. Здоровьем природа мальчика не обделила. Забитым характером он тоже не обладал. Так что на очередную выволочку от гадкой мачехи Федюнька погрозил родителям кулаком и, решив больше никогда домой не возвращаться, задыхаясь от гнева выбежал

на улицу. Вслед ему доносилась грязная брань.

Жить своим умом да самому по себе в положении этого мальчишки дело правильное было. Вот только денег на то у Федюньки не имелось. Ни одного медяка. Не под мостами же ночевать? Не в приют же идти батрачить за жидкую похлёбку? А кто малолетку к себе примет? В воровскую гильдию можно было бы податься, но там сперва нужно что-нибудь стоящее принести, а у него ничего такого нету. Чётки вот разве что малахитовые, так ведь на кладбище они теперь лежат. Ждут, когда их барчуки себе заберут.

Посидел-посидел на мостовой Федюнька. И зябко ему, и боязно, что крыса какая-нибудь за ногу цапнет. Много их нынче ночью что-то выбежало из нор да по улицам разбежалось. А потому поднялся мальчик и пошёл к Серому.

Серый не так далеко жил и вызвать его на улицу просто было. Он при кузнице в пристройке ночевал. И пока остальные подмастерья без задних ног от усталости дрыхли, парнишка, отреагировав на броски друга мелкими камушками через окошко, незаметно для прочих товарищей вышел наружу.

– Чего тебе, Федька? Чего спать не даёшь?

– Дело тут такое. Невмоготу мне моё житьё вообще стало, – искренне сознался Федюнька и рассказал как есть.

– Эге. Дела так дела.

– Теперь понимаешь? Чётки мне эти позарез нужны.

– Понимаю. Но что теперь уж поделаешь? Я думаю, при-

дут пацаны за ними.

– Вот и я думаю, что глупость сморозил. Притащатся, ироды, – едва не всплакнул Федюнька от жалости к самому себе.

Вот как язык его до беды довёл! И чего только побоялся наглого барчука отметелить? Дал бы по роже его сытой и дело с концами. Чай всё-таки не нажаловался бы отчиму. Не сдал. Ведь взаправду не трус.

– У меня краюха хлеба под матрацем припасена. Хочешь отдам? – сжалился Серый.

– Да не надо мне хлеба, мне чётки вернуть надо! – в сердцах воскликнул воришка, хотя живот его с самого утра пуст был.

– Нехорошо то будет. Я тебя понимаю, но нечестно это. Я пари разбил и покрывать тебя не стану.

– За кого ты меня держишь? – сразу насупился Федюнька. – Потому к тебе и пришёл, а не на кладбище отправился.

– А что у тебя на уме?

– Давай мы этих двоих разыграем, а? У вас же на кузне белой буры много. Давай обсыплем ею себя как мукой и на кладбище сходим? Я чётки свои сразу заберу. И коли придут за ними барчуки, так вспугнём их. Хо-хо, от такого они убегут без оглядки! А мы потом подтвердим, что следили и видели их. Верняк дело. Ведь то, что чётки призрак раньше их, разинь, унёс, вина не наша. Им-то с чего не сыскать матери иной подарок?

– А коли не придут? Всю ночь сидеть и ждать их, что ли?

Я на то не согласен, вдруг и правда злой дух какой-нибудь явится, – упёрся Серый и даже крепкие руки на груди скрестил. Но Федюнька на это только рукой махнул беззаботно.

– Не, не явится.

– Да с чего тебе знать?

– Ну, мы ж не мёртвых обижать, а по другой заботе. Да и сидеть всю ночь не станем. Так, часа три-четыре хватит нам, думаю. Коли за это время барчуки не придут... так и то из первых рук узнаем, чего они, хвастуны, стоят!

На том и порешили.

Глава 5

Немногим позже разговора Федюньки и Серого пасынки Людвиг выбрались из окна гостиной на улицу и подпёрли жердью ставни. Где находится кладбище «Вознесенское» им было известно, но на дорогу к нему им понадобилось отнюдь не полчаса, а почти в два раза больше.

Первая заминка произошла из-за того, что стоило им перейти на другую сторону дороги, как мальчики заметили кэб – наёмный экипаж. Он остановился напротив их дома, и из него вышел Грызень. Обычно, если отчим уезжал под вечер по каким-то там надобностям в свою Академию, то он не возвращался до самого утра. А тут взял и приехал. Это был тревожный сигнал, а потому Виталька и Витёк в растерянности остановились, не зная отказаться им от затеи или же нет.

– Да с чего ему к нам в комнату заходить? – наконец буркнул старший. – Вон, свет в кабинете зажёгся. Может, Грызень просто забыл чего? Сейчас возьмёт и обратно по делам своим поедет.

– А зачем он тогда кэб отпустил? – заметил нестыковку Витька.

– Ха, неужто другой не поймают? Дурилка ты. Если за угол на Орешковую повернуть, так до площади всего-ничего. Думаешь, он там никакого извозчика не сыщёт?

На этом возражения младшего брата иссякли, и оба мальчика поспешили по тёмной улице дальше, покуда Грызень из дома не вышел. Вдруг заметит ещё! Правда, стоило им повернуть на другую улицу, как их стремительный шаг стал в разы тише. Во-первых, страшно стало. По ночному городу ребята никогда не ходили, а тут ещё и в одиночку плутать. Вокруг стояла непривычная тишина. В каждой тени виделось какое-либо чудовище. Во-вторых, мрак менял знакомые очертания домов. Видеть такими их непривычно было. Мальчики даже один раз пропустили нужный поворот и заметили это слишком поздно. Пришлось возвращаться, тратя драгоценные минуты. Ну а, в-третьих, они наткнулись на патруль жандармов. И не сказать, чтобы в городе был введён комендантский час, чтобы так пугаться, но Виталька с Витьком пустились в обратную сторону со всех ног. Жандармы, не иначе подумав что это воришки какие-то убегают, бросились за ними. Мальчики едва успели схорониться. А затем, когда поняли, что пронесло и преследователи пробежали мимо, поспешили к кладбищу. Оно было совсем близко.

Вход на кладбище «Вознесенское» перекрывали дубовые ворота. Обычно они стояли открытыми настежь, и всё же по вечеру всегда заботливо закрывались на замок сторожем, живущим в каморке на чердаке дома напротив. Это был старый, но уважаемый человек, а потому все делали вид, что не замечают, как он по холодному времени выполняет свою работу спустя рукава. Ведь и то верно, чего всю ночь обхо-

ды делать? Гробокопатели, пока земля замёрзшая, не ломаются могилы разрывать, а дураков каких-нибудь по огонькам факелов засечь с высоты можно. Поэтому старик время от времени подходил к окну на своём чердаке, зевал от скуки, глядя на вечный мир и покой, царящие на вверенной ему в охрану территории, и уходил дремать дальше. Лишь в редкие бессонные ночи он надевал латаную телогрейку, закреплял на поясе меч, который руки едва уже держали, и прохаживался хозяином меж могил. Но сегодня настроения у него на такой подвиг не было, так что сторож посмотрел, что всё тихо и, кутаясь в тёплое одеяло да сладко зевая, вернулся на кушетку. Минутой позже братья к воротам и подошли.

Перебрались на ту сторону Виталька и Витька, вскарабкавшись на стоящую при входе статую богини милосердия и смирения. Точно также получасом ранее поступили и Серый с Федюнькой. Но братья этого не знали. И о дремлющем стороже братья не знали. Они просто порадовались своей смекалке и храбро спрыгнули на каменную дорожку. Тропинка вела от ворот напрямиком к небольшой часовенке, где можно было помолиться за покой усопших и поставить свечку к мощам святого Иннокентия.

– Жутко-то как, – сознался Витёк, запахивая камзол покрепче от поднявшегося ледяного ветра.

– Чего тебе там жуткого? – поддел брата Виталька, хотя от страха у него зуб на зуб едва попадал. Оказывается, прогулка по ночному городу ещё лишь цветочками была. Вот

они – ягодки. – Кладбище как кладбище. Чай не вижу, чтобы мёртвые так и бродили.

Сказав это, мальчик сразу принялся нервно озираться по сторонам. Вдруг кто-либо из похороненных здесь его услышал и отомстить за наглость захотел? Но вроде было всё тихо. Даже Федюнька с Серым, хотя задорно пихали друг дружку в бока, а всё равно посмеивались почти бесшумно. Они давно себя в белом порошке с головы до ног вымазали и теперь ждали удачного момента, чтобы начать подвывать из-за саркофага. Им так и виделось, что братья вмиг зададут стрекача, а они тогда из засады своей выпрыгнут и ещё больше их напугают. Но чтобы всё поэффектней вышло, пока тихарились. Ждали, чтобы барчуки возле нескольких могил поковырялись. Страху, так сказать, нанюхались.

А Виталька с Витьком тем и занялись. Крепко держа за руку друг дружку и вжимая головы в плечи, потащились они ближе к часовне и принялись обходить её по кругу, пристально всматриваясь в землю возле надгробий.

– И тут не видно, – жалобно сообщил Витёк. – Может, давай свечку зажжём всё-таки? Камень-то бус зелёный. Вдруг в траве не замечаем?

– Да, надо, – согласился Виталька.

Эх, как не хотелось ему огня жечь да внимание тем покойников привлекать, а делать-то нечего. И помощи благие Двенадцать, чтобы святой Иннокентий понял всё да их защитил!

Огниво высекло искорки, и фитиль разгорелся. Огонёк

лишь немного подпрыгивал из-за ветра, но в целом горел ровно. Так что Виталька поднёс свечку ближе к надгробию и стал боязливо глядеть на камень. Сразу стали видны не только буквы и цифры, но и то, что на приземистой мягкой травке ничего не лежит. Пусто там было. Поэтому мальчики подошли к другой могиле. Витька, читая, зашептал чьё-то имя. Но и здесь бус не лежало. Вот третья могилка. А сердце уж отчаянно бьётся! С каждым шагом всё страшнее и страшнее. Кажется, вот-вот выпрыгнет какой-нибудь мертвец из-под земли, руки свои к живым потянет, зубами заскрежещет...

– Ой, святой Иннокентий, спаси и сохрани. Ой, спаси и сохрани, – тихонечко лепетал вусмерть перепуганный Виталька. Но, видно, услышал его не святой, а демон или дух какой-то злобный, ибо вокруг раздалось завывание потустороннее.

Витька испуганно всхлипнул, но оба мальчика прочь никуда не ринулись. От страха они оцепенели. Замерли. А затем старший из братьев поднял свечу повыше и, выискивая опасность, стал на пятках резко поворачиваться на месте то в одну, то в другую сторону. Даже пригрозил.

– А ну, дух, изыди! Не смей нас пугать. Не смей братца трогать!

Несмотря на храбрые слова, поджилки у Витальки тряслись. А вой стал ещё страшнее и громче. Теперь уже видно из-за саркофага что-то белое виднеется. Не иначе сам Инно-

кентий восстаёт и вовсю ругается, что покой его нарушен. Сейчас полностью вылезет и утащит с собой под землю!

– Беги, Витёк, – заикаясь, вымолвил Виталька. – Беги и скажи матушке, что люблю её.

– Вместе бежим, – настойчиво потянул брата за руку мальчик.

– Нет, ты со всех ног беги и не смей оборачиваться. А тут этого... этого задержу.

Сказал так Виталька и оттолкнул малыша от себя. Ноги на ширину плеч поставил, биться готов. А с кем биться? И сам не ведает. Вон уж белое совсем большое стало. Ростом с него и по виду очертания человеческие.

– А ну прочь, изыди! – снова пригрозил храбрый парнишка.

Федюнька с Серым переглянулись. Не ожидали они такого. Так и думали, что убегут братья. Ан нет, стоят рядом друг с другом, как истуканы каменные. Ещё и грозятся.

«Никак и правда чётки отдавать придётся?» – горько подумал Федюня и, решив, что хуже уже не будет, вовсю замачал руками да завыл пострашнее.

– Кто мой покой нарушает? Уходите, не то умрёте!

Тут барчуки вроде как отступить стали спиной назад себя. Воришка аж выдохнул с облегчением, но ненадолго. В лунном свете ему хорошо видно было как с крыши дома, где сторож обитал, тень какая-то сиганула. Через всю улицу перепрыгнула и как раз за воротами приземлилась. Человек так ловко в жизни не сумел бы! И не бегают люди так приземисто, чтобы руками земли касаться. На четырёх лапах чудище в сторону ребят устремилось. И тут уже Федюня сам от стра-

ха едва не помер. Как завопил от ужаса во весь голос, так и бросился наутёк было, но о саркофаг запнулся. Хорошо, что Серый как друг настоящий себя повёл. Крикнул барчукам: «Сзади! Сзади!», а сам под руку Федюньку схватил и побежали они сломя голову на другую сторону кладбища, напрямиком к калитке, ведущей на храмовую территорию. Оттуда пареньки от собак и стражи едва ноги унесли, да потом до самого рассвета, трясясь, возле кузни просидели. Вовсю корили они себя, что барчукам больше чем криком ничем помочь не сподобились. Совестно им было так, что оба прослезились. Да только плачь не плачь, а думать надо, что дальше делать. Все ребята знали, что это Федюнина затея господских ребят на кладбище завлечь, на него теперь горемычного все грехи жандармы повесят. Не иначе.

– Бежать тебе надо, – первым сказал Серый.

После чего отдал другу свою краюху хлеба, по плечу хлопнул, доброго пути желая, да на прощание Федюньке рукой вослед помахал. А молодой воришка, кляня себя за неблагоразумие и недальновидность, крепко сжал малахитовые чётки в кармане и отправился к городским воротам, чтобы сразу по их открытии покинуть столицу.

Если же вернуться к сыновьям Мари, то услышав крик: «Сзади! Сзади!», они конечно же обернулись. И тут такую харю в их сторону несущуюся углядели, что ноги сами собой их вперёд понесли! Бежали оба, дороги не разбирая, и только что во весь голос не голосили. Пищать только и могли,

как цыплята, когда через могилы и надгробия перепрыгивали аки козлята горные. Казалось, вся жизнь их крохотная перед глазёнками пролетела. И ещё горше им стало, когда они в самый угол забежали – место, где высокие стены ограды меж собой сходились. По «Вознесенскому» кладбищу ни Виталька, ни Витёк не хаживали, разок или два были только, а потому ни о какой храмовой калиточке несчастные дети не ведали. Судьба ж насмеялась над ними и в ловушку загнала.

– Мама. Мама. Мамочка! – округлив глаза от ужаса, только и смог вымолвить Витька и сжался в плотный комочек, прислоняясь к каменной стене. Глаза он ладонями накрепко прикрыл, чтобы смерти своей неминуемой не видеть.

Виталька, старше не старше, а всё равно ребёнок, к брату прижался и, принимая рок над собой, также отвернулся. Чего ему таким когтям противопоставить? Погасшую свечку под нос совать, что ли?

– Как вы здесь оказались?

От звука голоса отчима ребята вздрогнули. Вот уж кого-кого, а Грызня они никак не ожидали увидеть. Быть может, издевается так над ними чудище поганое? Но нет. Одновременно подняв взгляды, мальчики именно Грызня увидели. Был тот правда донельзя бледен, это даже в скудном лунном свете заметно было. Маг как-то неловко пошатывался и резко подёргивался, будто его лихорадило.

А затем Виталька подумал, что вдруг чудовище не испугалось Грызня, что вдруг оно просто-напросто затаилось, что-

бы напасть на отчима со спины? Он тут же принялся озираться по сторонам. Витёк же, видно тоже не веря, что нелюдь их в покое оставить решил, заверещал в беспокойстве.

– Тятенька, тут зверюга страшная шастает. Тятенька родимый, да забери ты нас отседова! Страшно моченьки нет.

После этих слов, чего с мальчиком никогда до этого не случилось, малыш бросился к Грызню и крепко ухватился ручонками за его пояс. Совсем перепугался видно, раз на такое решился. Виталька вот, хоть и обзавидовался поступку брата, хуже нет одному у стены трястись, а также поступить не смог.

– Да что это за слово такое крестьянское «тятенька»? Что это за «моченьки нет»? Вас господин Тихонов совсем ничему научить не может, что ли? – грозно возмутился отчим, даже не сообразив, что один из пасынков, пусть даже в диком ужасе, а всё же отцом его своим в кой-то веке назвал.

Нет, его внимания на это не хватило. Маг нервно оглядывал местность и несмотря на то, что от перевоплощения его подташнивало и голова изрядно кружилась, старался выявить местоположение пособников Эдварда Рейца. Он не помнил, что делал и где был во время одержимости, но зато прекрасно знал, что ожидал увидеть возле мальчиков именно врагов. Именно поэтому его пальцы были готовы сделать последний пасс заготовки серьёзного заклинания. Такое могло испепелить целую деревню, а младший из братьев, как назло, своей хваткой за пояс ему эту самую руку к телу при-

жал! Подобное мешало и в целом было опасно. Так что он выплеснул своё раздражение, сказав первое, что пришло в голову, и свободной левой рукой несильно оттолкнул мальчика от себя. Правая должна была быть свободна!

«Где-то тут Эдвард Рейц и его бандиты. Где они?!» – сосредоточился Людвиг только на одном.

Витька же от того, что ему сказали и как с ним поступили, сразу осунулся. И правда, чего это он к Грызню словно к родному прижался? Где такому, как он, сироту жалеть? Одна только матушка и есть у ребят на свете.

– Я ещё раз спрашиваю. Кто привёл вас на кладбище? Где эти люди? – жёстким голосом осведомился отчим.

– Никто. Мы сами. Мы здесь... мы здесь бусы искали, – проямлил Виталька, обнимая подбежавшего к нему Витька.

Повисло молчание, а затем гнев перекошил лицо Грызня.

– Что? Вы сами ушли из дома на кладбище искать... бусы?!

– Нам... нам Федюнька сказал, – совсем тихо и стараясь не расплакаться, принялся сознаваться Виталька, но сразу понял – зря он имя друга упомянул. – Ребята сказали, что они здесь лежать будут. Мы и пошли. Завтра же надо маме подарок дарить, а нам, – тут он не сдержался и всхлипнул, – нечего нам дарить.

– Кто такой этот Федюнька?

Негромкий вопрос отчима прозвучал для братьев хуже

недавних завываний жуткого призрака. Его внешнее спокойствие было обманчиво. Интонации сквозили злобой и будущим наказанием. Причём таким, какое им за то, что они ненароком с лабораторией сотворили, манной небесной показаться могло.

– Приятель, – совсем сникшим голосом прошептал Виталик.

– Ах, приятель, – процедил сквозь зубы маг и по новой оглядел округу. – Приятель, говоришь, надоумил вас за бусами на кладбище сходить?

– Матушке на подарок, – казалось совсем беззвучно вымолвили губы мальчика.

– Ах, матушке на подарок...

С этими словами Грызень схватил обоих мальчуганов за уши. Одного за правое, а другого за левое. А затем, несмотря на их пiski, силком потащил к выходу с кладбища.

– Вы совсем думать, что ли, не можете?! Черепа вам вскрыть, так, наверное, и мозгов никаких не окажется! – попутно начал чихвостить детей маг. – Где это видано? Нет, ну где это видано, чтобы приличные люди гробокопательством занимались? Даже самый дремучий крестьянин и то понимает какая это низость и бесчестие!

Мальчики подвывали и верещали, что больно им очень, но в остальном язык за зубами держали. Оба боялись, что не только им, но и Федюньке с лихвой достанется. А если до родителей того хоть одно слово недоброе дойдёт, то пиши

пропало. У него ведь и правда мачеха злющая, а не родная матушка. Совсем друг пропадёт.

– Подарок они матери сделать удумали. Да я представляю, что будет с вашей матерью, когда она узнает, куда вы за ним отправились!

– Ой, не говорите, Ваша милость! Ой, не надо. Ой, пожалуйста! – взмолились братья.

– То есть вы мне такое скрыть от неё предлагаете? – рявкнул отчим. – Пособником меня своим сделать желаете?

Ох, ну до чего же противный этот Грызень! Ничего-то он не понимает. Ну ничегошеньки! Как объяснить, что стыдно любимой матушке подарка не принести, когда даже у бо-соной Алёнки ленточка, а припасена. Как рассказать, что иначе с завтрашнего дня на улицу носа лучше не показывать! Ведь не просто засмеют ребятишки, а свысока смотреть начнут и с пренебрежением. Как же, барчуки изнеженные, трухачи позорные...

У-у-у, как же поперёк горла отчим у них стоит! Что ни день, а всё попрекает. Так порицания из него и льются. Со-всем житья и сладу никакого с ним нет! И о каких «пособниках» он толкует? Да в мыслях у Витальки и Витьки быть не может, чтобы Грызню хоть в чём-то довериться! Он же чуть что, так уже бранится аки демон настоящий.

Между тем все трое подошли к массивным кладбищенским воротам. И тут маг вдруг замер, словно что-то неожиданное для себя углядел. А вскоре и уши детей из рук выпу-

стил, для другого они ему понадобились. Подошёл он ближе и стал задумчиво замок этих самых ворот ощупывать. А затем металл алым замерцал, да так и стёк на землю, частично крепкую дубовую древесину под собой выжигая. Палёным тут же сильно запахло. Настолько сильно и неприятно, что братьям аж чихать захотелось.

– Всё. Идём за мной. Быстро, – торопливо, но уже тихо и как-то подозрительно спокойно проговорил Грызень, а затем пальцем мальчишек за собой поманил, чтобы поскорее за ним через раскрывшиеся ворота шли и не мешкали.

Виталька с Витьком не думали на кладбище оставаться, а потому, конечно, пошли вслед за отчимом. Правда, из-за до сих пор болящих ушей они подвывали, и слёзы из глаз у них ручьями по-прежнему текли.

– Да тише вы, – шикнул на них Грызень и, взяв пасынков за руки, поволок за собой, ускоряя шаг. – Хватит реветь, сейчас всю округу всполошите.

«Вечно только о какой-то своей репутации думает. О нас бы хоть раз задумался», – горько прозвучало в голове Витальки, но, конечно, ничего такого он вслух не сказал. Напротив, действительно постарался успокоиться, так как отчим начал нашёптывать вещь, внимания стоящую.

– Так и быть, не хочу вашу мать расстраивать. Ничего ей о вашей выходке не скажу. И слугам строго-настрого запрещаю о том слухи разносить.

– Спасибо, Ваша милость. Ой, спасибо!

– Цыц! Только смотрите у меня, чтобы сами тоже молчали. Ни меня, ни вас на этом кладбище не было. Никогда! Всё вам ясно? – Грызень постарался заглянуть каждому из мальчиков в глаза, и те поспешно закивали, головёнки у них так и тряслись вверх-вниз. – Вот и хорошо.

После этого маг замолчал и до самого дома больше ничего не говорил. Ни словечка не сказал. Да и там он только велел им в свою комнату идти и всё. Так что мальчики поднялись к себе, переоделись да легли в кровати. Правда до самого утра не спалось им. Они то плакали, то жаловались друг другу. С рассветом только братья заснули. Но едва часы на первом этаже пробили восемь, их пришла будить миссис Анна Златова.

Судя по лицу женщины, о ночном походе ей было прекрасно известно. Однако, ничего она про то не сказала. Лишь, как будто рассуждала вслух, говорила, насколько безнравственны нынче могут быть дети. Витьке и Витальке от этого совсем совестно стало, но оба промолчали. Не виниться же? Не объяснять, коли самому Грызню тайну хранить обещались?

На завтрак мать не спустилась, ей по-прежнему было нехорошо. Мальчиков это встревожило, конечно, но в остальном они даже порадовались. Им намного легче было терпеть на себе пристальные и неприязненные взгляды болезненно бледного Грызня, нежели признаваться единственному родному человеку, что никакого подарка в такой день

у них так и нет. Даже на улицу теперь не выйти с клумбы какой-либо осунувшийся цветочек сорвать.

– Я долго об этом думал, – ближе к концу завтрака всё же сказал строгим голосом Грызень, – и решил – не могу я просто так кое-чего забыть и спустить вам с рук. Поэтому знайте, если в ближайшую неделю узнаю, что вы в моё отсутствие снова на улицы играть улизнули, то, даже если мать вам это разрешила, а хорошего ничего не ждите. Всё вам ясно?

– Да, Ваша милость.

– Тогда идите в учебную и скажите господину Тихонову, чтобы он первым делом спустился в мой кабинет. Мне думается, стоит углубить вашу учебную программу дополнительными уроками, и я хочу знать, насколько он способен вести их.

Новость была ужасная! Витальке и Витьке и так учебных занятий хватало. Часов по шесть они на них тратили. Ягодицы болели по столько времени-то на стульях сидеть, а мерзкий Грызень ещё чего-то выдумал! Издевается.

– Наверняка словесности будет больше, – печально вздохнул Виталик, но не угадал.

Отчего-то господин Тихонов, когда вернулся в учебную, заменил первый урок словесности на рисование. Оно не особо нравилось и давалось мальчикам, но сегодня братья уроку порадовались. Учитель предложил им научиться делать открытки своими руками.

Глава 6

Физические последствия трансформации давно прошли, но всё равно оставили в памяти Людвига неизгладимое впечатление. Ему даже пришлось взять несколько выходных по причине болезни. И хорошо, что не только обычная записка удовлетворила ректора, но и никто из коллег не вздумал его навестить. Состояние у него было очень дурное, а аура тела выдавала использование некромантии с головой. Так что Людвиг безвылазно сидел дома, стараясь исподволь наказывать пасынков за «Вознесенское» кладбище так, как только возможно. В эту неделю он к ним придирался во всём, искренне считая, что они этого заслужили.

Ещё бы, додумались могилы грабить!

А уж его тем на какое дурное дело подтолкнули. Вызов низшего владыки в собственном жилище это не шутка. Ох, хорошо, что инквизиторы уже как полвека пыл свой утихомирили и не шастают с дотошными проверками по всем улицам. А то отец, помнится, рассказывал, как в его молодости...

Некромантией семейство Верфайеров занималось уже не четыре поколения подряд как магией огня, а все пятнадцать. И слава всему существу, прадед Людвига оказался разумным человеком. Он, будучи ещё студентом, своевременно увидел

тенденцию в изменениях общественных взглядов и по этой причине после первого курса сменил специализацию. В глазах общества он стал пиромантом. Кроме того, наследника своего уму-разуму тоже научил. Так что к началу рассвета массовых репрессий к графскому роду у инквизиции претензий никаких не возникло. Ну, занимались предки чёрной магией, так тогда она разрешена была. Что с того? Ведь нынешнее поколение, полностью поддерживая политику государства, отнюдь не стремится с противоестественной ересью дел иметь. Таким образом все вероятные проблемы обошли Верфайеров стороной. Но это не значит, что они забыли про древнее искусство предков. Наоборот, тайно от отца к сыну опасное знание передавалось в полной мере. Причём досконально, чтобы не забыть ни одного древнего секрета. Делом чести стало сохранить в роду все крупницы знания! И оттого в некромантии нынешний виконт Даглицкий разбирался в разы лучше, чем в магии огня, хотя к последней его способности были значительно выше. Но о том знал лишь один единственный сторонний человек – его друг Сириус. Сложно скрыть что-то подобное от кого-то, обладающего столь чутким восприятием к чужой магии. Однако, других посвящённых в тайну не было. Даже сестра Шарлотта оказалась в неведении. Людвиг Старший не раскрыл дочери ни одного секрета, зная, что ей предстоит влиться в чужой род. А брат никогда не стремился с ней общаться. Тем более на такие опасные темы.

Грустно, но нынче Людвиг Пламенный жалел, что некогда гордился своей избранностью, что вызубрил назубок запрещённые книги, что вообще додумался вывезти из дома отца столь опасные предметы. Но что поделать? Сделанного не воротишь. Оставалось лишь жить с этим. И жизнь текла своим чередом, хотя Эдвард Рейц никак не желал отставать. Этот человек начал буквально-таки преследовать Людвига. Несколько раз в неделю обязательно находил возможность попасться магу на глаза. Даже в Академии магических наук появлялся. Ничего особо тревожного он, правда, не говорил, но любой умный человек понял бы, что это за намёк. Людвиг и понял. Вот только это осознание ему чрезвычайно не понравилось. Его нервы были на пределе. В голове регулярно звучало, что до середины июня Эдварду нужны два вампира из детей, что иначе будет плохо! Но он никак не мог пойти на такое. согласишься, сдашься в своём решении хотя бы единожды и тогда всё. Обратной дороги уже не будет.

«О, поскорее бы Сириус хоть что-то нащупал!» – с надеждой мечтал он, зная как много связей у друга.

Ну, а пока единственным светлым пятном в жизни Людвига Верфайера оставалось его удачное знакомство с Верховным судьёй – Стейном Оливером Де Конталонским, бароном Гедебрен. Состоявшаяся игра в карты стала замечательным шагом к началу более тесной дружбы. И не сказать, чтобы виконт Даглицкий так уж жаждал дружить с этим человеком бескорыстно. Ему это было необходимо. Без приня-

тия высшим обществом его супруги он сам становился изгоем. А это не просто преграда для получения достойных наград или премий, но и удар по его будущему ребёнку. Подобное недопустимо! Сын или дочь должны быть вхожи в свет. Его или её судьба не должна была быть исковеркана.

По этой причине лорд Верфайер уже дважды сходил с новым приятелем на скачки, посмотрел спектакль в одной ложе театра, побывал в доме его близких друзей. И, кстати, после последнего обрёл новых знакомых, оценивших Мари с хорошей стороны. Положительные отзывы сыграли своё дело. Чете Верфайеров поступило приглашение посетить домашний концерт от семейства, которое, как казалось Людвигу, навсегда отвернулось от него. За полтора месяца события развились очень стремительно и удачно. Пикник, что Верховный судья был намерен устроить в последнюю субботу мая, являлся ярким тому подтверждением. Ему предстояло стать не просто праздником окончания весны, а значимым событием. По слухам, приглашения на это мероприятие пришли только избранным, самым сливкам общества, и раз уж Верфайеров рискнули позвать, то это являлось важным знаком.

Повертев в руках красиво оформленный прямоугольник плотной бумаги, Людвиг понял, что именно не даёт ему покоя. Да. Именно это. В полном составе. Пикник подразумевал присутствие детей и было бы некрасиво не взять с собой пасынков, которые живут с тобой под одной крышей.

«Как же так? – с лёгкостью предполагал Людвиг ход мыс-

лей некоего гостя. – Жену всюду с собой водит, а их стесняется и прячет? Почему? Ах, как вы не понимаете! Это всё потому, что они чернь. Они происходят из низкого сословия. Их отец и мать дремучие крестьяне, и никакое благородное воспитание не изменит их дурной крови. Поверьте, даже будущий ребёнок виконта Даглицкого если и будет к чему способен, так это к ковырянию в грязи».

Нет, такого мнения нельзя было допустить. Дети Мари должны быть оценены высшим светом исключительно положительно, только так можно будет перейти на следующую ступень взаимоотношений с привередливой знатью.

Вот только как бы пасынки не загубили все старания на корню!

«Ладно. Надо будет всего лишь строго с ними поговорить. Полдня они смогут вести себя прилично», – кисло подумал маг и принялся одеваться.

Последние дни напомнили Виталику и Витьке события двухмесячной давности, уже начавшие стираться из их памяти. Тогда из-за сожжённой лаборатории Грызень им целую неделю спуска ни в чём не давал и ещё две недели кряду попрекал. Если не словом, то взглядом. Вообще никакого сладу с этим Грызнем не было и нет! Даже посмеяться в окошко оказывается нельзя, сразу зубы скалит. А в прошлый четверг вообще вона как грозил.

– Ах, играли вы. Весело вам так вместе, значит? – из-за какой-то неказистой вазочки, нечаянно разбитой во время салок (очень маленькой вазочки, между прочим), пристально глядя в глаза каждому из них, процедил отчим. – Так я вам устрою весёлую совместную жизнь. Вы мне навсегда, вы мне

до конца своих дней вспоминать будете, как урну с прахом моего прадедушки разбили! Тебя, – злющим взглядом указал он на Витьку, – в королевский интернат на мага учиться отправлю. А тебя, – это он уже Виталику, – в кадеты упеку!

Чего отчим тогда столь злился и вредничал, мальчики так и не поняли. Причём тут вообще какой-то прадедушка? Тем более умерший. Мёртвые они на погостах лежат. Под землицей. Кто ж их жжёт да в вазы засовывает? Надругался над телом прадеда родного, а с бедных детей спрашивает. У-у-у, Грызень какой! И ведь еле от гнева отошёл. Мать два дня простить их уговаривала, умоляла никуда не отправлять.

Простил-таки, никуда не отправил. Не сдержал своей угрозы. Но всё равно в доме одном жить с ним ещё тошнее стало.

– Никакого житья нам здесь с тобой нет, Витька, – грустно вздыхал Виталька.

– Никакого, братец. Никакого. Во всём сирот попрекают, – с тоской соглашался Витёк.

А за неделю до какого-то пикника дела ребят и вовсе плохи стали. Они-то дурни сначала обрадовались, когда им объяснили, что пикник такое. Давно хотелось им на природу, мяско на углях пожарить, белок погонять, а, может, и земляничку пособирать. Пусть не июнь, а май, но месяц жарким выдался. Вдруг для её сбора самое оно времечко? Главное палки подлиннее сыскать, чтобы если гадюка какая-либо выползет, так по голове её затюкать, чтоб не смелела так. Но

едва объяснили им, как вести себя придётся, так оба сразу скисли. Это ж лучше бы без них куда-то там родители поехали. Но никто мальчикам остаться дома не позволил. А Грызень ещё и все уши не хуже надоедливой мухи какой прожужжал, чего от них требуется.

В общем, незадолго до полудня карета двинулась из города к обозначенному месту. Ехать пришлось долго, почти с час. Всё это время смирно сидеть да в окно глазеть едва получилось. Где шепутным мальчишкам столько высидеть? Им хотелось то на козлы к кучеру, то на крышу заползти, но они даже между собой про это не заговаривали. Терпели и молчали. Галстуки удушливые и то не поправляли. Так что Грызень под конец пути даже улыбаться стал. А там карета всё же доехала до большой поляны, красиво огороженной витками атласной ленты голубого цвета.

Несомненно, изюминкой пикника являлось представление взрослым Леонарда ван Донатана, не так давно носившего позорную фамилию Фуго, присущую только бастардам. Этому черноглазому темноволосому человеку, отпрыску герцогского рода Винтерфлёр, а попутно на редкость талантливому в ментальном направлении магу, удалось доказать происхождение его предков от легендарного Алрика ван Донатана, не оставившего после себя законных потомков. Само собой, для Его светлости Георга Винтерфлёр это мало что значило, но для его тщеславного незаконнорождённого сына... Всего позавчера его прошение в Ковен увенчалось

успехом. Древний род магов было решено возродить и Леонард Фуго после нескольких лет мытарств, благодаря дарованному Ковену дневнику праматери, стал Леонардом ван Донатаном. В честь этого события Его величество даже даровал ему титул виконта, а все вокруг зашептались, что это было сделано не просто так, архимагами простолюдины никогда не становились.

Людвиг Верфайер тоже рассчитывал достичь вершины магической карьеры, а потому достаточно холодно поприветствовал своего будущего конкурента. Однако, это не помешало ему влиться в общество. Все условия для хорошего времяпрепровождения имелись в наличии. На поляне стояло несколько миниатюрных шатров-беседок и огромный белый навес, украшенный цветами и пышными бантами. Под ним в походных креслах устроились дамы. Они слушали ненавязчивую музыку, играемую живым оркестром, обмахивались перьевыми веерами разных цветов и мило беседовали друг с другом. Возле некоторых из них стояли кавалеры, но большинство мужчин столпилось возле дивного устройства, размером с лошадь. Они что-то восторженно обсуждали и посмеивались, поглядывая на выпускаемые агрегатом разноцветные мыльные пузыри. Несколько детей помладше пробовали ловить их ручонками. Остальные, видимо, довольны налюбовались новинкой и из-за этого продолжили игру в городки. Довольные тем, что дети заняты, наблюдающие за ними гувернантки тоже расслабились за беззаботным разго-

вором.

У Витальки с Витьком гувернантки не было. Мать от такой женщины в доме наотрез отказывалась, а потому присматривать за ними на пикнике был назначен господин Тихонов – хромой на одну ногу мужчина с сединой на висках. Его лицо с длинными усами напоминало крысиную мордочку, хотя никакой хитростью он не обладал. Это был прямолинейный спокойный человек, напрочь лишённый чувства юмора. Его уроки вводили детей в уныние, а потому и присутствие его на пикнике они восприняли только как ещё одно досадное подтверждение тому, что день будет не просто скучным, а до ужаса тоскливым.

И всё же, едва ноздри защекотал свежий воздух, мальчуганы оживились. Они без сожаления помахали рукой матери и позволили учителю познакомить их с другими детьми. Поначалу совместная игра даже задалась. Мальчишки долгое время ловко кидали биты, определённо выигрывая. Затем большей части детей проигрывать надоело. Они досадливо поджали губы и направились играть в перебрасывание мяча друг другу. Но несколько не менее удачливых ребят остались, намереваясь доказать своё превосходство. В крови соперников горел азарт.

– Давай, Виталька! Давай! – горячо подбадривал Витёк брата. Чтобы победить им надо было сбить всего на одну рюху больше.

– Сейчас, сейчас.

Брат аж высунул язык от усердия, но и на этот раз вышла ничья. Ровное число бросков. Ровное число выбитых городков-рюх.

Суть игры составляло выбить с поля битой деревянные цилиндрики, выставленные в какую-либо фигуру из пяти штук. Те, что отскакивали за черту, шли на очки. Игра шла в несколько ходов до пятнадцати очков. Вот только ровно такое число выбить сложно, поэтому бывало, что и на девятнадцати счёт завершался. Однако, соль не только в том, чтобы первым пятнадцать или более очков набрать да успокоиться. Такое срабатывало только для команды, начавшей кидать биты второй. Если же нужного счёта достигала первая команда, то вторая всё равно имела право свой бросок сделать. И если за этот ход больше очков выбивала, то выигрывала. А если ровно всё выходило – объявлялась ничья.

– Нет, так дело не пойдёт. Такого я просто так не оставлю, – гордо заявил Михаэль, младший сын одного из присутствующих графов, и уверенно приказал слугам. – Ставьте по новой фигуры. Быстрее!

– На этот раз мы победим, – высоко задирая нос, добавил Арно Де Воррингтон – напарник Михаэля. – Мы достаточно дали форы таким пентюхам, как вы.

– Что ты сказал? А ну-ка повтори, – тут же грозно осведомился Виталька.

– Я говорю, что тот, кто проиграет, кучка куриного помёта. Ха-ха!

Вызов был принят, а взрослые, увлѣкшиеся собственными разговорами, ничего не заметили. Холостой Игнат Тихонов, общество которого гувернантки сочли за манну небесную, так и вовсе едва успевал бросать взгляды на учеников. Такого насыщенного женского внимания к своей персоне он не имел даже в более молодые годы. Пожалуй, в курсе намечающегося грандиозного скандала оказались лишь слуги, но они благоразумно не вмешивались в дела юных господ. В конце концов, то были не их обязанности. Вот фигуры из городков составить это да, их работа. И её они выполняли исправно.

Первым к черте встал Арно. Это был светловолосый мальчик лет девяти. Его младшая сестра Лиза, стараясь поддержать брата, кинула ему под ноги сорванный ею алый цветок.

Итак, бросок.

Все пять рюх разлетелись.

– Молодец! – тут же воскликнула Лиза и энергично захлопала в ладоши.

– Мой черѐд, – вышел к черте Виталик.

То ли не рассчитал, то ли просто не подвезло, а всего три из пяти.

Затем была очередь Михаэля. Он сумел выбить четыре из пяти.

Витѐк приблизил счѐт к равному – четыре рюхи разлетелись за пределы площадки.

Потом снова Арно. Тоже четыре.

И тут Виталька не подкачал – пять городков! Счёт почти выровнялся. Тринадцать против двенадцати.

Перед новым броском биты Михаэль долго и придирчиво целился. Витька и Виталька старались его поддеть, чтобы он промазал. Но нет. Не повезло ребятам. Пусть не пять, но четыре рюхи ловко отскочили. Теперь, чтобы снова игру к ничьей свести меньше пяти очков получить нельзя было.

– Давай, промажь уже, – настала очередь Арно издеваться. – Я сразу слугам прикажу вам обоим по тарелке лошадиных яблок поднести, чтобы вы, чернь, своё место знали.

Бедный Витька был в этой компании самым младшим. От ответственности, возлѐгшей на него, он аж побледнел. Нельзя ему проиграть, никак нельзя! Тут иначе позора не оберѐшься. Хоть бегом куда без оглядки беги! А потому его ручонка подрагивала. В горле пересохло. На глаза аж слеза наворачивалась. Что с него взять, малыш же ещё совсем, шесть годков всего на прошлой неделе сравнялось. Тут и разреветься не так постыдно.

Да только не стыдно это при своих, а тут враги кругом!

Мальчонка встал к черте и примерился для броска. Очень неудачная ему фигура попалась, «часовые» называется. Тут под углом кидать как-то надо. Особая ловкость требуется.

– Справишься, Витѐк. Справишься, – сжимая кулаки в надежде, поддержал брат.

И Витька, решаясь на бросок, замахнулся. Сердце его отчаянно стучало, а там он сам не понял, а дѐрнулся зачем-то

вперёд. В этот момент пальцы отпустили биту. И, прежде чем сообразить, что это его кто-то в спину подло толкнул, мальчик на себя погрешил. Он в ужасе уставился на то, как криво бита летит, и взмолился, чтобы она каким-либо чудом, а рюхи всё ж таки сбила! Тык, она и сбила. Словно бумеранг развернулась в воздухе и все пять городков выбила. Целый год Грызень безрезультатно над Витькой бился, говоря, что может он объекты в пространстве перемещать, а только ничего у мальчишечки не выходило. А тут само собой вышло как-то.

– А-а-а! – первым яро завопил Арно. – Вы тут колдовать надумали! Кто же так бесчестно играет? Какая низость!

– Это мы бесчестно играем?! – с возмущением выкрикнул в ответ Виталька и гневно принялся закатывать рукава. – Да это твоя сестрица не просто так со спины подошла. Она Витька толкнула! Видел я, чай не слепой!

– Никого я не толкала, – фыркнула Лиза, но по глазам было видно, что врёт девчонка.

– Лгунья! Я тебя за волосы за такие дела оттягаю, чтобы брехать больше не смела!

Недолго думая, Виталька поспешил свою угрозу выполнить. Вцепился руками в роскошную шляпку и потянул на себя. Золотые шпильки, которыми аксессуар удерживался на голове, тут же посыпались в разные стороны. Девчонка истошно завизжала. Арно бросился с кулаками защищать сестру. А тут уж и Витька не утерпел. Мало того, что его толк-

нули, так ещё и брата не по справедливости бить надумали! Хоть и маленький, а Витёк ловко прыгнул на спину Арно, ухватил его одной ручонкой за шею, а другой колотить принялся. Михаэль его тут же оттаскивать начал. Ну, и завязалась куча мала. Прежде чем взрослые подросли, тумачков всем досталось. Даже Лизе. А уж дальше-то что началось...

Детей растащили и начали требовать разъяснений. Но куда каждый друг на друга вину перекладывает, где до истины докопаешься? Ещё и взрослые едва меж собой не полаялись. В общем порешили, чтобы сперва каждый со своими разобрался. И Грызень нервно теребящую кружева платя матушку к разговору даже близко не подпустил. Попросил присмотреть за ней супругу одного из друзей, а сам позвал за собой Витьку, Витальку и господина Тихонова за то, что последний всё на свете прошляпил.

– Как это понимать?

– Да он! Да она! Да они! – перебивая друг друга загалдели дети. – А потом ещё и колдунами обзываться начали, хотя сами-то, сами позорно толкают под руку!

От громких визгов Грызень поморщился и, дав приказ ближайшему слуге все биты и городки ему принести, грозно обратился к Игнату Тихонову.

– А вы куда смотрели?

– На них, Ваша милость. Вроде игра мирно шла. Пока драка не завязалась, так и не скажешь, что вмешиваться пора, – растерянно и виновато ответил учитель, а после добавил с

присущей ему основательностью. – Остальные ведь тоже ничего не поняли.

– Ладно, идите. Позже с вами поговорю как это на вашем жаловании скажется. Пока прикажите подготовить карету, не стоит оставаться здесь после такого скандала.

– Да, Ваша милость.

Игнат Тихонов ушёл. И стоило ему выйти из маленького шатра, в котором проходил разговор, как внутрь зашли держащий на подносе атрибуты для игры в «городки» слуга и смутно знакомый мальчишкам высокий плотный мужчина с лицом, изуродованным длинным сабельным шрамом. Рубец тянулся от уголка левого глаза через всю щёку до самого рта.

– Положите сюда, – указал слуге на стол Людвиг.

Слуга безропотно выполнил указание и бесшумно удалился. Маг тут же принялся вертеть в руках деревяшки. Высокий мужчина хмуро поглядел на его старания и криво усмехнулся, уверенно указывая ладонью на одну из бит.

– Неужели с первого взгляда не чувствуешь? Вот эта. Он её действительно пролевитировал, я сам видел. Почувствовал, что кто-то магию применил, и сразу куда надо поглядел.

– А толкали его или нет – это видел?

– Нет, этого не видел.

– Очень жаль, Сириус, потому что этим двоим я не очень-то верю, – Грызень пристально поглядел на каждого из пасынков. – Ладно бы сказали, что их кто-нибудь из мальчишек толкнул. Но девочка?

– Я думаю, что такого рода разбирательство лучше дома провести. Пикник не то место, где стоит заниматься подобным.

– Согласен. Я уже дал указание подготовить карету, – Людвиг тяжело вздохнул и посетовал. – Как жаль, этот день так прекрасно начинался.

– Быть может, тебя утешит обстоятельство, что Верховный судья и большинство других ни капли не расстроились. Они сейчас шутят на эту тему.

– Шутят?

– Леонард ван Донатан предложил в качестве развлечения устроить суд для детей. Чтобы как положено и адвокат, и прокурор, и присяжные.

– Пф-ф, какая чушь, – фыркнул Грызень.

– Да? А мне понравилась его задумка, – приподняв уголок рта, не стал скрывать Сириус и с сожалением добавил. – Увы, конечно, никто такого детского суда устраивать не станет. Если прозвучит публичное признание, что виноваты дети милорда Де Воррингтона, то это повлияет на заключение нового торгового соглашения. Как ты должен знать, Дональд Дэ Воррингтон министр по внешним связям, а на пикнике присутствует посол из Ритовии.

– Великолепно, теперь я оказался вовлечён в политические игры! – зло воскликнул Грызень и, глянув на детей, грозно поинтересовался: – Довольны?

Ни Виталька, ни Витёк довольны не были, а потому отри-

цательно замотали головами. Они были обижены. Их оскорбили, в спину толкнули, справедливо наказать обидчиков не дали, а теперь ещё и винят да ругают потому, что не верят им. Откуда тут довольными быть?

– А ну марш из шатра! – сурово приказал Грызень. – Чтобы вышли, прошли четыре метра вперёд и больше не шевелились. Не дышали даже! Ждите меня, домой поедем.

Мальчики так и поступили. Правда, отошли не на четыре метра, а на четыре шага. Сколько там в метре они не помнили, а потому остались стоять очень близко ко входу. Однако, плотная белая парусина, из которой был изготовлен шатёр, этого рассмотреть не дала, и никто не потребовал от детей отойти дальше. В результате они послушно стояли и молчаливо дулись на Грызню всё больше и больше, так как прекрасно слышали, о чём он разговаривает со своим другом.

А Людвиг, с тоской поглядев на приятеля, сказал следующее:

– Это невыносимо так жить. Я даже не знал, что бывают такие дети.

– Людвиг...

– Неужели это всё их крестьянская кровь? В их возрасте я был совсем другим.

– Уверен, что ты был другим, более примерного мальчика ещё надо было бы поискать. Наверняка, ты с утра до вечера читал мудрёные книги и, если и раздражал чем родителей, так это бесконечными вопросами о том, как устроен наш

мир. Но характер не от происхождения зависит. Они просто иные нежели ты. И кто знает? Быть может, если бы у тебя был брат-ровесник, а не старшая занудная сестрица, то ты бы стал не меньшим наказанием для Людвига Верфайера Старшего.

– Уверен, что нет. От меня далеки все их задумки. Ты же... ты же помнишь про кладбище? Это же ужас, что в головах у детей твориться должно, если они нормальным делом грабить мёртвых считают. И даже лжецом я никогда не был. А они? Они лгут на каждом шагу и потому мне не поверить, что Елизавета Де Воррингтон оказалась способна на столь подлый поступок. Они нагло врут. Оба. И глядя мне прямо в глаза. Ты, кстати, обратил внимание, как они смотрят?

– Да, обратил. Они не чувствуют за собой ни капли вины и это, конечно, проблема. Даже если всё так, как они сказали, то им стоило бы понять, как некрасиво стала выглядеть их семья в глазах всего общества.

– Вот именно, Сириус. Вот именно. Первые годы жизни в отсталой среде оказали сильное влияние на всё их дальнейшее развитие. Они не видят элементарного. Что своим поступком они, прежде всего, подвели меня и свою мать, – Людвиг снова взял в руки битку, ставшей первым достижением Витька, после чего повертел её так и сяк и спросил. – На своей нынешней должности ты стал часто общаться с детьми такого сорта. Скажи, многих из них удаётся перевоспитать?

– Именно по этой причине тех, кто старше восьми, мы ста-

раемся из нищеты не брать. Их разум уже не столь гибок, а любой выпускник королевского интерната это прежде всего образец для подражания. Он высокоморален, учтив, воспитан и только потом уже талантливый маг. Если бы тебя обучал не отец, ты бы понял, сколь жёстко проходит обучение. Иначе достигнуть необходимых высоких результатов невозможно.

– Быть может, мне стоит воспользоваться вашими методами?

– Боюсь, что это составит для тебя сложность. Наш подход не для домашнего обучения, а потому могу посоветовать только одно. Если требовать, требовать и ещё раз требовать, то и тупое животное научить трюкам можно. Главное, ограничь их контакт с неблагоприятной средой. Все уличные вылазки должны быть прекращены раз и навсегда.

– Поговорю с Мари, – решил Грызень и испепелил битую. – Она считает, что мальчикам полезно общаться с другими детьми и по этой причине отпускает их из дома одних. Но я полностью согласен с тобой и обязан донести до неё всю опасность ситуации... А даже если не выйдет донести, то на этот раз ей придётся подчиниться и принять моё решение. Такое общение портит их характер.

– Скорее всего, это её влияние в целом портит его. Из такого воспитания, как у вас, толку не будет никакого. Никогда. Ты их наказываешь, а она сразу жалеет. Это так не работает, Людвиг. Поэтому, в целом, если ты не передумал, то я

готов взять младшего в интернат. Старшего, думаю, найдёшь куда пристроить.

– Я недавно стал подумывать о кадетском корпусе. У мальчика хорошие физические данные, а через два года возраст будет подходящим.

– Прекрасный выбор.

На этих словах друзья попрощались, а Виталька и Витька кисло переглянулись. Затем одновременно хлопнули носами. Что они, собаки их дрессировать, что ли? Ненавидит их Грызень, вот и издевается! Для него они дети другого сорта. Позорят они его, понимаешь ли. Так это он просто не знает, как они ещё вести себя могут!

Мальчуганы невероятно злились. Они так и не поняли, что огорчило Грызню. Им довелось лишь почувствовать его пренебрежительное отношение к себе и новую смертельную обиду. Грызень их лжецами считает. До чего же это их, сирот, не любить надо, чтобы даже не поверить ни капельки. Сомнений в том, что они правду говорят, не испытать!

Глава 7

Путь домой проходил в тягостном молчании. Видимо, присутствие учителя заставило родителей держать свои поучительные комментарии при себе. Даже Мари ни о чём не спрашивала детей, боясь тем разжечь скандал по новой. Она видела, что муж уже поуспокоился и что-то для себя решил, а потому благоразумно ждала возвращения домой, чтобы выяснить все подробности. Однако, стоило семейству переступить порог, как Людвиг сурово наказал детям идти в свою комнату и носа оттуда до утра не показывать. Это означало, что их в очередной раз оставляют без ужина.

Витька и Виталька тоскливо поплелись в свою тюрьму. И только тогда, сочувственно глядя им вслед, Мари сняла шляпку и рискнула перейти к вопросам.

– Расскажи мне, пожалуйста, что там произошло. Что они тебе сказали?

– Не сейчас. Давай поговорим у меня в кабинете?

– Хорошо.

Женщина насторожилась. Может, Людвиг этого не замечал за собой, но она давно подметила – в кабинете он предпочитал вести именно неприятные разговоры. Для остального ему подходили иные помещения. И даже больше. Заниматься делами и делать научные заметки Людвиг Верфайер

мог где угодно: на балконе спальни, в гостиной, в библиотеке, в лаборатории, даже в учебной мальчиков – но редко когда в кабинете. Застать его там можно было нечасто. Однако, ей никогда не приходило в голову выяснять причину подобного или же рассказывать супругу о своём наблюдении. Мари предпочитала использовать обретенное знание с большим толком. Если муж направлялся в кабинет, то она знала – после надо обязательно сказать ему что-нибудь доброе для поднятия настроения.

Едва родители покинули холл, мальчики как по команде прекратили шагать вверх по лестнице. Им обоим пришла в голову мысль, что раз слугам ещё не запретили их кормить, то стоит наведаться на кухню и выпросить какой-нибудь пирожок или хотя бы кусок хлеба с сыром. Оба мальчугана под осуждающий взгляд дворецкого на цыпочках суетливо бежали вниз и устремились наперегонки через столовую в кухню.

В столовой царила суета. Узнав о более раннем возвращении хозяев, экономка дала указание накрывать на стол к полднику, а потому там всю суетились Марыська и Марина.

– Марысь, дай пирожка, а? – жалобно попросил Витька.

Полненькая помощница кухарки, сушая простушка, всегда хорошо относилась к господским детям, а потому вынесла им с кухни по пузатому колобку с овощной начинкой. А затем, косясь на недовольную её поступком горничную, пожурила:

– Вечно вам до обеда не дотерпеть. Бегите быстрее к себе, негодники! Вдруг, кто-нибудь увидит, так меня из-за вас ругать станут.

Большого мальчишкам не надо было, так что они, пряча еду за пазухой, тут же бросились обратно к лестнице и даже, перепрыгивая через ступеньки, почти добежали до второго этажа, но замерли, услышав, доносящиеся из кабинета громкие голоса. Родители ссорились. И прям не чуть-чуть, а серьёзно ругались. Дворецкий, так никуда и не ушедший из холла, заинтересованно прислушался. Откуда-то появилась экономка. Миссис Анна Златова тревожно затеребила одной рукой белоснежные кружева на воротничке.

– Нет, нет и нет! – кричала мать. – Слышать об этом не хочу!

Голоса Грызня было не слышно, говорил он значительно тише, но, судя по последующему восклицанию, сказанное им матери совсем не понравились.

– Ни за что! Даже думать об этом не смей. Не позволю!

– Ах, так вы здесь ещё? – вдруг заметила мальчуганов миссис Анна и недовольно упёрла руки в бока. – А ну живо наверх, бессовестные!

Эту женщину Виталик и Витька побаивались. Вот скажи такое дворецкий, то даже язык могли бы показать. А эту ведьму лучше слушаться. Поэтому они добежали до второго этажа, но в свою комнату так и не ушли. Остались стоять на месте, с которого бы их никто не заметил, и принялись под-

слушивать дальше.

– Мари! – наконец-то стало слышно Грызня.

Мать, видимо, злая донельзя, чтобы избежать неприятной для неё беседы, вышла из кабинета и быстрым шагом направилась к лестнице. Не иначе хотела спрятать своё зарёванное лицо в подушку и спешила в спальню.

– Да постой же!

Она поднялась где-то на пять ступенек, прежде чем всё же остановилась и замерла. Но её муж из-за этого испытал облегчение. Он тоже остановился и, нисколько не обращая внимания на слуг, проговорил:

– Мари, прими как есть, нам с ними не справиться. Так почему ты не хочешь меня понять?

– А почему ты не хочешь понять меня? – ледяным голосом поинтересовалась она, оборачиваясь. – Я не допущу, чтобы при живой матери дети сиротами были. Я не отправлю их ни в какие интернаты.

– Так будет лучше как для них, так и для нас. И это очень хорошие школы. Закончить их более чем престижно.

– Да хоть какие угодно хорошие, но всё равно это крайне неправильно! – в отчаянии воскликнула женщина. – В конце концов, если эти школы замечательнее некуда, то почему твой отец учил тебя сам? Почему туда набирают только талантливых бедных или способных богатых, оказавшихся ненужными своим родственникам?

– Ну...

Грызень замаялся, не зная, чего бы такого достойного ответить. Но его супруге этой заминки хватило. Она развернулась и снова начала подниматься всё выше и выше, пока не застыла на предпоследней ступеньке этажа. Витальке и Витьке пришлось спрятаться за пьедесталом со статуей, чтобы мать не заметила их. По-хорошему, им следовало бы уже удрать в свою комнату, но ноги словно приросли к полу. Им было нужно дослушать этот разговор до конца. Происходило что-то очень важное.

– Знаешь, почему ты говоришь так? – с ноткой истерики в голосе вдруг поинтересовалась женщина, вновь оборачиваясь. – Я могу тебе ответить. Потому что это не твои дети и своих у тебя ещё нет! Ты пока что не понимаешь какой ужас мне предлагаешь. Вот так запросто отказаться от своих родных детей это тоже самое как намеренно убить их. Ты хочешь, чтобы я выкинула из сердца моих мальчиков как какую-то ненужную вещь? Мне мерзко слышать такое!

– Нет-нет, Мари, я не об этом тебе говорю! – ужаснулся Грызень. – Я просто не знаю, как ещё нам быть. Если ты знаешь какой-либо иной способ, так прошу, скажи его мне!

– Способ только один. Попробуй сначала если не полюбить, так хотя бы подружиться с ними и понять, что у них в голове. Почему я каждый раз вынуждена разьяснять тебе отчего они поступили так, а не иначе? Ты всё от них требуешь, требуешь и требуешь, но, Людвиг, не думай, что это работает так!

– Нет, я, наверное, от таких советов скоро с ума сойду! – гневно выкрикнул маг, припоминая не так давно услышанные им рекомендации друга, кардинально не совпадающие с мнением супруги.

– Знаешь, милый, я мало в чём могу тебя упрекнуть. Ты действительно стараешься ради моих мальчиков, – куда как более спокойно сказала Мари. – Но попробуй хоть раз отнестись к ним не как к обузе. Просто сядь и представь, что это не дети, за которых ты взял на себя ответственность, а действительно твои родные сыновья. Попробуй вообразить, что ребёнок, которого я ношу, – она нежно погладила себя по животу, – не будет таким, каким ты его хочешь видеть. Как ты будешь себя вести? Опуститесь руки и отправишь его в интернат? Или всё-таки попробуешь достучаться?

Грызень молчал, и этого для Мари оказалось достаточно. Она развернулась, чтобы оставить последнее слово за собой и всё-таки уйти в спальню, но... случайно запнулась о подол платья. Нога её подвернулась и, не успев ухватиться за перила, женщина с визгом рухнула вниз. Она прокатилась кубарем до самого низа лестницы напрямиком на плиточный пол холла. Бросившийся ей на помощь муж, не успел её подхватить, хотя, со стороны выглядело, что супруга оказалась в его объятиях мгновенно.

– Мари, как ты? Всё в порядке, Мари?

– Не знаю, – растерянно пролепетала она.

Виталька и Витёк встревоженно приблизились и выгляну-

ли из-за балясин. По лицу матери текла кровь. Платье на ней было с короткими рукавами, всё же на улице было жарко как бывает разве что в середине лета, а потому кожа на локтях оказалась стёрта и тоже кровила.

– Ох, горе какое! – всплеснула руками миссис Анна и, заметив подсматривающих мальчуганов, тайком погрозила им кулаком, чтобы уходили подобру-поздорову.

Угроза сработала. Как бы ни было жаль мать, но Грызень уже взял её на руки и теперь спешил в спальню. А, значит, если в таком состоянии они ему на глаза попадутся, то точно клыки себе отрастит и загрызёт. Поэтому Виталик и Витька скрылись в детской, а вскоре услышали поворот ключа в замке. Кто-то их запер. Не иначе как вредная экономка.

– Что же с мамкой-то будет? – спросил перепуганный Витёк.

– Ничего, не будет. Упала, локти подрала. Мы с тобой тоже с этой лестницы валились. Ничего. Всё зажило, – уверенно сказал Виталий. Он и правда не особо встревожился.

– Было бы хорошо, коль так.

Затем оба мальчика замолчали и прижались ушами к двери, надеясь услышать что-либо из происходящего, раз увидеть больше не получалось. Но в доме где-то с час было совсем тихо. Ничего не происходило. И только потом началась какая-то тревожная суета, вылившаяся в то, что со стороны улицы донёсся взволнованный голос дворецкого.

– Беги, Пашка! – требовал он от лакея. – Веди целителя

скорее.

– Так если профессор Азир занят окажется?

– Пусть всё равно идёт! А нет, так к профессору Александру как на крыльях лети. А ты, Мариш, давай за повитухой. И не плачь! Хватит рыдать, я тебе говорю! Чтобы одна нога здесь, а другая там!

Глядя, как разбегаются в разные стороны слуги, мальчики встревожились не на шутку, но продолжили сидеть в своей комнате в полном молчании. Правда, тишина эта стала пугающей. И особенно зловещей она показалась, когда из подъехавшей чёрной кареты, вышли два человека в одеяниях целителей. Один приземистый, а другой очень высокий. В вечернем сумраке их чёрные одежды и маски на лицах до ужаса испугали мальчишек, и они начали сперва всхлипывать, а потом и плакать навзрыд. А там дверь в их комнату открыли. Внутри зашла Марыська, она принесла на подносе ужин, так как солнце уже совсем низко над горизонтом стояло. Было часов семь-восемь вечера. Не меньше.

– Марысенька, милая, скажи, что с мамочкой? – жалобно пролепетал Виталька.

– Леди... – начала было говорить женщина, но слёзы полились у неё из глаз с новой силой, и она, энергично обмахивая лицо рукой, словно нагоняла не хватающего ей воздуха, выскользнула за дверь и тут же закрыла её на ключ.

Дети снова остались одни. Но теперь им стало тревожнее нежели прежде. Однако, в животе давно бурчало от голода, а потому они всё же взяли каждый себе по тарелке и принялись за еду. Пальцами. Марыська впопыхах забыла положить столовые приборы, а ребята, не придумав ничего более подходящего, стали есть так. В соусе изгваздались, конечно, но хотя бы наелись. А затем за ними пришла горничная Мари-на.

– Пойдёмте, мальчики, – необычайно ласково сказала она.

– К маме?

– К ней доктор пока запрещает, ей плохо очень. Так что вы посидите тихонечко рядом с Ею милостью. Только смотрите, не шумите. А как доктор разрешит, так сможете и к ма-тушке зайти. Главное, не вздумайте плакать. Её нельзя сей-час расстраивать. Поняли?

– Поняли, – сказали оба мальчугана и поднялись на тре-тий этаж.

Как вы помните из описания дома, лестница выходила в

просторный коридор, расширяющийся в своей середине до настоящего округлого холла. В этом-то холле и сидел в одном из кресел, перенесённых из библиотеки, угрюмый отчим мальчиков. Ещё одно кресло и пуфик стояли несколько в стороне от него. На них мальчики и уселись, после чего принялись коситься то на дверь, из-за которой слышались стоны и плач мамы, то на то, как от этих звуков вздрагивает бледный как смерть Грызень.

– А когда нас к маме пустят? – через какое-то время осторожно поинтересовался Виталик.

Осунувшийся маг впервые с того момента, как дети пришли, поглядел на них. И взгляд его первым делом выразил недовольство.

– Вы опять все грязные, – заметил мужчина следы жирного мясного соуса на лицах и одежде. – Идите умойтесь и переоденьтесь! Раньше, чем вы это сделаете, к матери не подойдёте.

Слова были сказаны холодно и жестоко. Оба мальчугана тут же боязливо сжались в комочки. Им было страшно, что Грызень вот-вот разозлится так, что вовсе не позволит матушку увидеть, не даст узнать до утра как она и что случилось. А потому они без каких-либо пререканий сползли со своих сидений и поспешили выполнить указание. Пожалуй, так быстро в порядок себя ни один, ни другой не приводили. Даже костюмы надели самые новые, которые им для учебы верховой езде купили. Где сапоги от них они не нашли,

правда, а потому так в домашних тапочках и остались. Но зато Виталька волосы мокрой расчёской на пробор расчесал и Витьке так же сделал потому, что тот заревел, что тоже красивым быть хочет. Затем оба шлемы напялили и подумали, что без сапог всё-таки не солидно как-то. Сняли тапки и надели поверх штанов длинные белые гольфы, предварительно вымазав их в саже из камина в столовой. Гольфы стали совсем чёрные и даже заблестели, как лаковая кожа. Потом ребята пальцы тайком о скатерть вытерли так хорошо, что ни одной черниночки не осталось. И только после этого поспешили наверх.

Шагали они быстро. Столь быстро, что даже не заметили какие следы за собой оставляют. И никто не заметил. Прислуга, которая не была занята помощью профессорам в комнате Мари, давно разошлась по своим комнатам. Кроме того, так как по лестнице мальчики поднимались без обуви, то их никто не услышал. Даже тот страшный дядька, которого Грызень, Сириусом называл. Он шёл впереди ребят, и дети побоялись его обгонять. Поэтому, наоборот, шаг попридержали. Им подумалось, что пусть этот страшила со шрамом с отчимом хотя бы парой слов перекинется. Может разговоятся и их прихода те не заметят? Мысль показалась мальчикам хорошей. А потому они пошептались о том на площадке второго этажа и, выждав немного, только тогда направились в холл.

Вот только как дети ни старались, а приход их незамечен-

ным не остался. Отчим даже, едва завидел их, словно в стацию обратился и глаза округлил так, что они будто у кошки или совы сделались. А затем он ожил. Судорожно руку на лоб положил, как если бы голова у него разболелась внезапно, и другу своему с обидой сказал:

– Ты только погляди на них, Сириус. Ни к кому никакого уважения нет.

Такие слова показались ребятам очень обидными. И обидными вдвойне, потому что им было неясно, чем на этот раз Грызень так недоволен остался. Они же всё, как он сказал, сделали. Лица вымыли, переоделись, ещё и принарядились.

– Да-а, – между тем протянул Сириус. – Выпороть бы их за такой маскарад.

Виталька с Витьком вовсе сникли. Стоят вдвоём неприканные, головы опустили. Без вины виноватые. Снова. Опять. Чего только всё этому Грызню неймётся?

– Не время мне сейчас с вами разбираться. Садитесь, – строго велел отчим и знаком дал понять, чтобы мальчишки сняли шлемы.

Ребята послушно стащили с себя головные уборы и сели на места. Сириус остался стоять возле друга и о чём-то зашептался с ним. Так тихо, что не разобрать было, но, судя по всему, разговор касался матери. Что-то плохое с ней произошло. Очень плохое. А затем дверь родительской спальни открылась, и в холл вышел признанный маг-целитель высшей категории. Он сочувствующим взглядом обвёл всех присут-

ствующих и, плотно прикрывая за собой дверь, сказал:

– Мы старались в четыре руки, но всё напрасно. Ребёнок появился на свет слишком рано и не смог задышать самостоятельно. Я и профессор Александр опробовали разные методики, но...

Целитель печально развёл руками, не договаривая всю фразу до конца. Однако, Виталька и так всё понял. И, с опаской косясь на Грызня, шёпотом пояснил Витьке. Отчим же ненадолго опустил голову и замотал ею так, будто никак не мог поверить в услышанное. Так что спрашивать пришлось Сириусу.

– А его жена? Как она?

– Боюсь, леди не доживёт до утра. Я могу объяснить все подробности, но, думаю, будет лучше сделать это не в присутствии детей.

– Её можно увидеть? – слабым голосом произнёс Грызень.

– Дайте нам несколько минут привести комнату в порядок и вы, и дети сможете поговорить с ней. Она хочет видеть вас всех вместе, – целитель сделал паузу и с искренним сожалением добавил. – Мне очень жаль, лорд Верфайер. Ваша жена замечательная женщина. Крепитесь.

Он хотел было уйти, но отчим задержал его ещё одним вопросом.

– Погодите, профессор Азир, скажите. Ребёнок. Это был мальчик или девочка?

– Девочка.

На этих словах маг-целитель всё же вернулся в комнату. Сириус мрачно поглядел ему вослед. При этом лицо его выглядело особенно жёстким и оттого стало совсем некрасивым. Узкие губы были сжаты в одну черту, а от холодного взгляда, казалось, могли завянуть даже цветы. Однако, вопреки своему внешнему виду он сочувственно похлопал друга по плечу и произнёс.

– Он прав. Крепись, Людвиг.

– Это была девочка, – через горькие слёзы простонал Грызень. – Я ведь так хотел именно девочку. Девочки они нежные, любящие и спокойные. Она была бы такой же ласковой, как Мари. Не то, не то что эти...

Он не договорил кто, но обращённый к Витальке и Витьку полный ненависти взор говорил сам за себя. Речь шла именно о них. И, наверное, мальчики обиделись бы на такое сравнение, но они глубоко переживали собственное тяжёлое горе. У них не просто не появится сестрёнка. Нет. У них мама умрёт! И нельзя сказать, кто из двоих несчастных детей заплакал первым, но зарыдали они горько. Так, как только могут дети. А затем Витька не выдержал вести себя прилично и рванул со всех ног в родительскую спальню с криком:

– Мамочка! Мама!

Остановить его никто не успел. А Виталька удачно юркнул следом. Поэтому братья беспрепятственно бросились к кровати, где на простынях цветом блее первого снега, лежала не менее бледная и холодная мать. Мальчики даже не

заметили, что горничные едва успели сменить постельное, что окровавленная ткань лежит в тазах, которые прислуга вот-вот должна была унести. Они не заметили, что поодаль, повитуха пеленает омытое безжизненное тельце. Маленькое и хрупкое. Оба мальчика видели лишь маму, а не то, что сумел разглядеть, устремившийся вслед за ними, отчим.

– Мамочка! – присоединился к воплю брата Виталька и задал самый важный для себя вопрос: – Мамочка, они же не знают ничего, да? Ты же не умрёшь? Ты же не можешь умереть! Как я без тебя, мамочка?

– Мама, где у тебя болит? Давай я поцелую и болеть перестанет, – ласково щебетал Витька, расцеловывая ладони женщины.

Мари не выдержала и разрыдалась в голос.

– Уведите детей! – тут же грозно потребовал второй профессор – высокий мужчина с длинным орлиным носом.

– Мамочка!

Виталька крепко обнял мать. Ему было страшно, что его вот-вот от неё оттащат, и из-за этого он через свой испуг обрадовался, когда слабая мамина рука легла ему на плечо. Она же не отпустит его от себя! Удержит! А там мальчик почувствовал холодные родные губы на своей щеке и... на этом всё. Кто-то силой вырвал его из нежных материнских объятий.

– Уведите их! – снова потребовал тот же профессор.

Обоих мальчишек, как они ни порывались остаться, на-

сильно вывели. Вряд ли горничные так ловко справились бы, но им страшила Сириус помог. Он схватил Витальку поперёк туловища и вынес из родительской спальни так же, как порой крестьяне ловко таскают свиней.

– Пустите меня, пустите! – тут же заревел Виталик и, боясь отбиваться от такого жуткого человека, добавил неприемлемое деревенское: – Пустите, дяденька!

Но кто его слушал? Их двоих затолкали в комнату и снова на ключ заперли. Дети били, колотили по двери, умоляли выпустить их, дать маму увидеть, но замок никто не открыл. Лишь позже подошла экономка и через дверь отругала, что они матери не дают умереть с миром. Мальчишки так и застыли, не понимая, как же так? Да они же наоборот хотят вцепиться в неё и хищной смерти как раз-таки не отдать! Но никто их не желал слушать. И это тогда, когда этажом выше умирает мама. Чай не кошка соседская чужая, а мамочка родная, мамочка!

Дети заплакали ещё горше. Не менее горько было на душе Людвигу. По его лицу текли слёзы, как он ни старался не плакать. При этом он держал Мари за руку. Её ладони за два с половиной года так и не стали намного мягче. Тяжёлая крестьянская юность навсегда огрубела кожу, но мама это не заботило. Он поцеловал каждый палец женщины и постарался мягко улыбнуться ей, хотя сердце его сжималось от боли. Мари едва дышала. С огромным трудом ей давался каждый вдох, но губы всё пытались и пытались шептать лас-

ковые слова, обращённые к нему.

– Тише, – попросил Людвиг, понимая, сколь тяжело в состоянии Мари говорить. – Позволь теперь мне рассказать тебе, как сильно я тебя люблю.

– Нет-нет, погоди! – встревожилась женщина, словно очнувшись. – Сначала пообещай. Пообещай. Скажи, что позаботишься о моих мальчиках. Теперь у них остался только ты.

– Не беспокойся. Я позабочусь о них.

– Прошу, не обмани меня.

– Что ты, Мари? Разве я когда-либо обманывал тебя? Ты же мой ясный весенний день в зимние бесконечные метели. Ты та, кто подарила мне любовь. С тобой и только с тобой я узнал настоящую радость жизни. Как я могу обидеть тебя? Я люблю тебя, Мари... Мари? Мари!

Тело женщины обмякло. Жизнь уже ускользнула из неё, и Людвиг вдруг закричал, как безумный, словно крик мог исторгнуть из него всю боль. Но легче от этого ему не стало. Его жена, его любимая, умерла! В груди образовалась чёрная пустота, а в голове возникли чёрные мысли.

Это они виноваты. Только эти двое! Не будь их, никогда бы он не стал ругаться с Мари! Никогда бы она не упала с этой проклятой лестницы, сжечь бы её окаянную! Спалить бы весь дом дотла!

На миг перед глазами Людвиг возникла прекрасная картина – он, Мари и их милая маленькая девочка, в возрасте, подходящим для игры в куклы. Такая же светловолосая как

он, её отец. Ему привиделось, что он держит жену за руку, и они в порыве нежности вместе смотрят на прелестное дитя, беспечно улыбаются ребёнку.

А затем этот мираж заменило воспоминание о двух мальчиках. Нелепо одетые в жокейские костюмы, как будто в доме весёлый бал-маскарад, они ещё и гольфы изгваздали. Безжалостно испортили лестничный ковролин, а затем, ко всему прочему, растревожили криками мать. Без таких переживаний Мари могла бы прожить дольше! Пусть даже не на час, а всего на несколько минут, но... дольше!

От переполняющих его чувств мужчина снова неистово закричал.

Глава 8

Дети никак не могли заснуть. Они всё плакали и плакали, даже обессилели от слёз, но сон так и не пришёл к ним. Возможно, если бы хоть одна чуткая душа пришла в их комнату и попробовала успокоить, то Виталька и Витёк заснули бы. А так они ощущали себя бесконечно одинокими, и поэтому сидели возле друг друга, держались за руки и рыдали. Им чудилось, что если заснуть, то один из братьев исчезнет. Поэтому они не спали. Каждый из них тайком думал, что страшнее некуда остаться ему одному.

Правда, в какой-то момент Виталька отчего-то совсем расчувствовался и, вытирая нос рукавом, горько рассудил.

– Жалко Грызня. Он ведь тоже из-за мамки болеет.

– Жалко, – легко согласился куда как более чувствительный Витька.

– Я таким его ещё не видел.

Отчима оба мальчика не любили за вечные нравоучения, боялись его за строгость, но они прожили вместе с ним два с лишним года. С трёх и пяти лет. Ребята привыкли к этому мужчине. И хотя порой мечтали, чтобы он сгинул куда-нибудь окаянный, не могли не понимать, что Грызень мать любит. Сильно любит. Знали они, и что она его противного любит. Не менее крепко. Поэтому им сейчас жалко его стало.

Общее горе сблизило их с ним.

– А ты слышал, как он кричал? Я аж испугался. Сначала думал, что и не человек.

– Ага, я тоже, – пришла Виталькина очередь соглашаться, а затем он, преисполняясь сочувствия, решил по-мужски. – Надо ему как-то приятное сделать. Утешить.

– А как?

– Не знаю, надо подумать. Что ему нравится?

– А что ему нравится?

– На нас ругаться? – задумчиво почесал голову Виталька.

Не, так радовать Грызня он не хотел. Мало приятного, когда тебя наказывают. Витька, видимо, также рассудил, но оказался сообразительнее.

– А помнишь, как мы маме на праздник открытку сделали? Нас ещё господин Тихонов учил цветы и человечков красками рисовать?

– Помню. Мама тогда обрадовалась очень.

– Так, может, и Грызень порадуетя? Мы ему подарим, и ему легче станет?

Идея ребятам понравилась. Кроме того, до рассвета оставалось ещё не меньше двух часов, а, значит, вышло бы полёгкому проникнуть в учебную, где краски с кистями хранились. Поэтому Виталька вытащил из щели меж половиц отмычку и принялся ковыряться в замке. Опыт такого рода у старшего брата имелся уже преизрядный. Наказывали, оставляя без ужина, детей регулярно, а есть хотелось всегда.

Так что на кухню замок Виталик взламывал уже в два счёта. С этим тоже сложностей не возникло. А дальше дети тайком прошли вперёд по коридору, вошли в учебную и зажгли свечи, предварительно сунув в щель под дверью тряпку. Предыдущие промахи говорили, что так свет из коридора не виден будет.

Краски и кисти лежали на своём месте. Воды вот не было, но зато бутылка с лекарством учителя стояла на столе, забыл он её, видно. Была это такая добротная ёмкость размером с мужской кулак и жидкости в ней хватало. Поэтому ребята решили в неё кисти макать. Чай у красок вкуса нет (попробовали), не заметит ничего учитель. А на первый этаж идти боязно. Вдруг кто-либо из челяди уже проснулся? Или вдруг, как и они сами, не заснули?

Рисовали Виталька с Витьком тоже самое, что на открытке для матери. Цветов много и улыбающихся человечков уйму. Только что человечки, что цветы у детей выходили коряво. И улыбки выходили какими-то кривыми. Но это не беда, мама же оценила. Обняла каждого из них крепко и расцеловала. Приятно ей было, а, значит, и Грызню понравится. Главное цвета поярче и солнечнее, чтобы про горе хоть ненадолго забылось.

– Вот и всё, – довольно сказал Виталька, глядя на конечный результат.

– Хорошо вышло. Даже лучше, чем для мамы.

На этих словах дети прекратили своё занятие, по-быстро-

му убрали все инструменты и вышли в коридор. Открытку держал Виталька, потому что она ещё не высохла, а он был аккуратнее младшего брата.

– Ох, как же Грызень обрадуется, – довольно зашептал Витёк в предвкушении, когда они начали красться в сторону лестницы. – Он проснётся, увидит такую красоту и сразу повеселеет.

– Только осторожно подсунуть её надобно, – подумав, ответил Виталик. – Так, чтобы не проснулся из-за нас.

– Ага. А то, вдруг, сначала ругаться начнёт?

– Не, за такое не будет. Но лучше всё равно тихо.

– Ага.

– Кто это там? – вдруг раздался грозный голос Грызня.

Людвиг Пламенный никогда не жаловался на зрение и не любил ходить по дому с лампой. Ему не нравилось, когда что-то приходится держать в руках. Да и, тем более, в случае нужды всегда можно было создать магический светлячок. Обычно маг им не пользовался, конечно, нечего по дому как ёлочная гирлянда ходить. Но на этот раз сотворил заклинание. Из его ладони вырвался белый огонёк и повис над головой, так как в шепотках голоса детей Людвиг не признал. Он подумал это могут быть слуги или, того хуже, воры. Но свет открыл истину. Пасынки. Тайком крадутся куда-то. Снова задумали мерзость какую-то.

– Это мы, – в один голос сказали мальчики и начали щурить глаза от яркого света.

– Почему вы не в своей комнате?

– Мы это... это...

– Что «это»? – начал терять терпение Людвиг, но тут ему протянули картонку и с гордостью сказали.

– Подарить мы хотели. Вот.

Маг взял в руки бумагу и обомлел. Вот уж чего-чего он от этих паскудных детей не ожидал, так это поздравительной открытки!

«Вот же сволочи! Со смертью матери меня поздравляют», – с ужасом подумал он и не произнёс того же самого вслух только потому, что был слишком шокирован происходящим.

«Цветов красочных намалевали уйму. А рожиц... рожиц-то ехидно ухмыляющихся сколько!» – всю поражался мужчина.

– Нравится?

Кто именно из мальчиков задал вопрос, Людвиг не уловил, но всё же это поспособствовало тому, чтобы дар речи к нему вернулся.

– Зачем? – с холодным отрешением, безэмоционально проговорил он. – Просто объясните – зачем? Что я такого вам сделал, чтобы вы так надо мной издевались?

Оба мальчика округлили глаза, испуганно переглянулись и затравленно вжали головы в плечи. Их реакция, никак не совместимая со злобным демоническим смехом, что виделся убитому горем Людвигу, заставила его ощутить ярость.

Наверное, так дикий зверь ощущает преимущество перед слабой и немощной добычей. Молчать дальше было невыносимо! Теряя контроль, маг едва не погасил свой магический светлячок. Свет шарика стал тусклым, задёргался, а сам Людвиг, ухватив голову двумя руками, заорал словно сумасшедший.

– Да как вы так можете? Как?!

Он обвёл детей безумным взглядом... Хотя каких детей? Нет, это не дети. И правильно он некогда сказал Сириусу. Это даже не чудовища. Они нечто противоестественное, богопротивное и чуждое всему человеческому. Святые небеса, да как только Мари смогла родить и полюбить это?!

– Убирайтесь прочь с моих глаз. Немедленно, – процедил сквозь зубы маг, а затем, швырнув открытку на пол, наступил на неё ногой и создал в ладонях даже не жидкий огонь. Нет. Он сотворил в руках саму тьму!

Быть может, его проблема с Эдвардом Рейцем сейчас и решится? Он всё-таки создаст двух положенных вампиров и получит столь желанную отсрочку?

«Давайте же, дети. Всего одно непокорное слово и я избавлюсь от вас. Раз и навсегда», – окончательно решил для себя маг.

Мальчики правильно сделали, что перепугались. От гибели их отделял только тихий шёпот памяти Людвига. Этот слабый голос старательно напоминал о последнем обещании мужа своей жене. Но он был слишком тихим. Намного силь-

нее в теле мага клокотал гнев, а потому его голубые глаза пристально следили за каждым движением братьев. Вот они прижались друг к другу. Вечно как два воробушка! Вот медленно вдоль стеночки плетутся в свою комнату, боясь упустить его из виду.

«И это верно, мальчики. Опустите глаза, и моя совесть уснёт. Я перестану видеть в ваших взглядах серые нежные глаза Мари», – копошились злобные мысли в голове доведённого до бешенства Людвига.

Ещё секунда, и на этом бы всё закончилось. Конец истории. Сразу поутру виконт Даглицкий отправил бы пасынков в какой-либо приют для бездомной ребятни и никогда бы не терзался из-за этого. У него действительно хватало проблем из-за незаконного использования некромантии, чтобы ещё о таком задумываться. Сердца братьев, в общем-то хороших ребят, просто наивных и чрезмерно шепутных, навсегда бы ожесточились. Их пути с отчимом больше никогда бы не пересеклись.

Да, так бы оно и было.

Судьба была очень близка к тому, чтобы всё вышло именно так. Её отнюдь не беспокоили проблемы автора рассказа, внезапно столкнувшегося с отсутствием возможности написать достойный конец для своего повествования. Что ей до того? У неё имелся свой чёткий план, которому она следовала... Но вот миг. Всего один миг, а скрижали хода истории мира отчего-то изменились. Отчего? Почему? Никто и

никогда не узнает тайну подобного. Есть в таких внезапных переменах нечто такое, чему нет объяснения и на что никакая, даже самая серьёзная магия неспособна. Хотя ничего магического в этом нет. Никакого колдовства! Никакого чародейства! И быть может (быть может!) толика, только самая толика чего-то понятного человеку – аромат волшебства.

Старший из братьев уже юркнул за дверь детской. Виконт Даглицкий начал сворачивать готовое к активации заклинание. Принявшийся всхлипывать Витёк приподнял ногу, чтобы переступить порог комнаты и тут... тут и произошло событие, которого просто-напросто не должно было быть!

– Простите нас, Ваша милость. Простите, – вдруг жалобно протянул Витька, замирая на месте. – Мы думали вас то утешит. Вы ж мамку тоже любили и теперь тоже плачете.

Сказав это, мальчонка боязливо прижал ладошки к груди. А затем, страшась вероятного ответа отчима, поспешно скрылся в комнате. Дверь медленно и, чего до этого никогда не бывало, с протяжным скрипом закрылась. Людвиг смотрел на неё и не мог пошевелиться. А затем всё же наклонился, поднял брошенную им, словно мусор, открытку и, усилив свет магического светлячка, уставился на рисунок.

«Утешить? – светлым лучом пробилась в его сознание мысль. – Они утешить меня хотели?».

Действительно, с чего ему привиделось именно издевательство? Вот уж что-то, а не стали бы мальчишки над памятью матери глумиться. Над ним одним бы ещё могли, но

над Мари? Нет. Какими бы извергами он их не считал, но эта женщина являлась для них бесценным сокровищем. И, прежде чем сердиться, стоило бы вспомнить как на утро после истории с «Вознесенским» кладбищем он потребовал от господина Тихонова до конца недели выяснить ненароком – что же видится детям достойным подарком для матери и на что те способны ради него пойти.

В другой раз Людвиг не стал бы таким делом заниматься. Он привык, что все дополнительные разъяснения ему Мари доносит. Приукрашенные и домысленные, конечно. Не иначе. Но в этом случае степень грехопадения надлежало выяснить только ему самому. И действовать он решил через третьи руки.

Ответ учителя одновременно как расстроил, так и порадовал мужчину. С одной стороны, было облегчением слышать, что мальчики несказанно обрадовались предложенному варианту подарка и за делом легко выболтали, как нужен он был! Они элементарно ни до чего другого (и тем более такого хорошего) за целые сутки не додумались. То есть мальчики пошли на кладбище за какими-то бусами не из-за корысти, не из-за желания пороха понюхать – они другого выхода для себя не увидели. Но совсем плохо, что некто надоумил их на подлое деяние, а они не возмутились. Ничего в их душах не шевельнулось. С лёгкостью ухватились за опасную глупость, как за соломинку!

... И сейчас произошло почти тоже самое. Дети не знали,

как иначе донести то, что им хотелось донести. Им никто не подсказал правильного, куда как более подходящего ситуации решения.

Было ли чудом, что через всю свою ненависть к пасынкам Людвиг осознал такое? Наверное, да. И понимание этого, тот самый миг осознания навсегда изменил скрижали будущего.

Конечно, автор сейчас не напишет, что, преисполняясь сожаления, не кто-либо, а сам лорд Людвиг Верфайер, виконт Даглицкий, истинный аристократ, ворвался в детскую, обнял деревенщин-пасынков и сказал им: «Спасибо!». Нет, на такие яркие эмоции его осознание никак не тянуло. Ему всего лишь расхотелось, чтобы мальчики внезапно умерли самой жуткой смертью из всех возможных, а потому дело было так. Задумчиво повертев в руках рисунок, Людвиг недовольно покачал головой. Ему казалось нелепостью, что такие взрослые мальчики могут спотыкаться на столь элементарных вещах, и в результате он первым делом осудил их за недалёковидность и скудоумие. Только потом он испытал нечто сходное с уколom совести.

«Прояви они хоть немного интеллекта, могли бы что-то более достойное придумать. Не стал бы я тогда на них ругаться», – сделал Людвиг умозаключение, полностью удовлетворяющее его нежеланию признаваться детям, что он был не прав. И после этого новых размышлений, более глубоких, у него не возникло.

Ему было некогда и невозможно задумываться о таком в

тот момент. Мужчина вспомнил о своих обязанностях и принялся неторопливо спускаться по лестнице. Он полностью погрузился в мысли о том, как же мучительно больно переживать уход любимых. Смерть приносила умершим покой, но невероятные муки остающимся жить дальше. Ему хотелось прекратить своё существование, перестать мыслить (настолько тягостно это было), но он был вынужден взять себя в руки и направиться в кабинет. Следовало как можно скорее и правильнее составить список тех, кому будут отправлены карточки уведомлений о похоронах. Утром, сразу после разговора со жрецом, они должны были быть уже разосланы...

Последующие два дня прошли для Людвига как в тумане. Он окончательно сник, никуда толком не выходил из своего кабинета и почти никого не принимал. Сидел в полном одиночестве. Горничные время от времени приносили ему подносы с едой, но маг ни к чему съестному не прикасался. И даже Сириус Ван Отто, барон Шлейфтерский, не смог достучаться до виконта.

– Уйди. С моим разумом всё в порядке, я просто хочу побыть в одиночестве столько, сколько возможно. Завтра она ляжет под землю. Завтра в моём доме соберётся уйма людей, которых я никак не хочу видеть, и все они будут говорить об одном и том же. Дай мне покой хотя бы в оставшиеся часы! –

вот и всё, что он сказал лучшему другу.

Мальчики тоже из своей комнаты почти не показывались. Дом, где всё убранство преобразил чёрный цвет, казался им чужим. Да и вокруг воцарилась такая тишина, что даже тиканье напольных часов стало для них зловещим. Кроме того, если Людвиг Пламенный желал почувствовать себя одиноким, то детей одиночество окружало плотной завесой. И даже больше. Их никто не донимал своим вниманием. Напротив, они ощутили себя никому ненужными. Господин Тихонов не приходил. А учитель, хотя и казался братьям унылым старым ворчуном, а всё же по-своему был близок мальчикам. Слуги тоже к ним старались не приближаться, и оттого Виталик и Витька думали, что те винят их в смерти матери. И Грызень их винит. Как же иначе? Все винят их в страшном грехе, а раз все – то, может, и правда виноваты? Может, и нет им места в мире живых? Может, лучше им умереть и отправиться вслед за матушкой? К ней бы родимой хоть в смерти прижаться!

Так эти дни и проходили. Мрачные. Безмолвные. Лишь изредка звонил дверной колокольчик, и тогда в дом приходили страшные люди в чёрных скорбных одеждах: жрец, на которого легла обязанность провести погребальную церемонию, гробовщик, скульптор... С последним Людвиг вынужденно беседовал даже дольше, чем с прочими. Он понимал, что если сейчас не уделит достаточно внимания этому человеку, то на могилу любимой жены и дочери встанет совсем не

тот монумент, что ему виделся. А ему хотелось нечто лёгкое и простое – такое, какой женщина была при жизни. Решением стал пьедестал, на котором должна была размещаться композиция – мадонна с младенцем. Помощник скульптора снял посмертные маски с умерших. Смотреть на его работу Людвиг не смог. Он вернулся в свой кабинет и подумал, что никак не может приблизиться к тому, что было когда-то Мари. Холодное тело имело её черты, но ею не было. На лице застыло выражение, которого мужчина никогда за своей женой не замечал. Раньше она часто улыбалась. Постоянно улыбалась! А теперь уголки её нежных губ утратили яркость и навеки тревожно опустились вниз.

– Вы позволите? – потревожил его скульптор.

– Да. Требуется что-то ещё?

– Совсем немного. У меня нет даты рождения вашей покойной супруги и имени младенца.

Год, когда Мари появилась на свет, Людвиг сам не знал. Крестьяне не следили за такими мелочами. Ему было лишь понятно, что жена немногим младше его. Это с пасынками получилось проще. Оба их дня рождения пришлись на праздники, а потому удалось заполнить их новые метрики более точно.

– Оставьте вместо первой даты прочерк, – подумав, решил он. – А по поводу имени ребёнка... Пусть будет Адель Мари. Адель Мари Верфайер.

– Как скажете.

Скульптор ушёл. Людвиг тут же плотно закрыл шторы в своём кабинете, потушил все огни и сел за стол, положив ладони на столешницу. И так и сидел. Долго. Неподвижно. До тех пор, пока усталость не пересилила его. Тогда он плавно опустил голову на твёрдую дубовую поверхность и заснул крепким сном без сновидений. А утром нового дня, первого дня лета, навсегда утратившего свои яркие краски, миссис Анна Златова разбудила его, долго теребя за плечо.

– Ваша милость, вам пора привести себя в порядок, – мягко произнесла женщина, когда увидела, что он наконец-то открыл глаза. – Через часа два-три могут прийти первые соболезнающие.

Глава 9

Виконт Даглицкий не мог даже мысли допустить, чтобы на похоронах жены выглядеть помятым или взъерошенным. Поэтому, пусть некоторые из присутствующих отмечали его крайнюю бледность, никто не смог придраться ни к чему больше. Мужчина выглядел элегантно, вёл себя более чем достойно и в целом вызывал откровенное недоумение, отчего по городу разнеслись какие-то слухи об его помешательстве.

Если же говорить о причине подобного обстоятельства, то им послужило не только затворничество лорда, о котором не могли не начать шептаться слуги, но также и то, что с момента смерти и до самого дня своих похорон леди Марья Верфайер не покидала пределов дома, хозяйкой которого была. А такое в обществе было неприято. Положенные три дня телу надлежало покоиться в храме и прощание с покойной тоже должно было проходить в храме. Это была традиция, которую не следовало нарушать. Категоричный отказ одного из высших чинов жречества принять усопшую в залы аристократии не для всех выглядел достойной причиной своеволия и потому по городу то тут, то там слышалось, что решение лорда Верфайера вызвать для положенного молебна более сговорчивого жреца в свой собственный дом настоящее сумасшествие. Однако, намного больше оказалось тех, кто наоборот горько вздыхал и признавал: «Этой женщине достался замечательный супруг. Даже смерть не помеха ему бороться за достойное отношение к любимой».

Но вернёмся к моменту настоящему. Постепенно людей в доме Людвига становилось всё больше и больше. Дверной колокольчик беспрерывно трезвонил. Едва ли не каждую минуту кто-то новый входил в холл, снимал с себя верхнюю одежду, а затем, следуя подсказке горничной, шёл в гостиную. Там, на невысоком пьедестале, стояли украшен-

ные множеством белых цветов два гроба. Один большой, а другой совсем маленький. Очередной посетитель ненадолго подходил, скорбно смотрел на безжизненные лица, иногда касался края обивки или что-либо тихо говорил, а потом приносил слова соболезнования супругу усопшей. Людвиг принимал их, и гость, считая свои обязательства выполненными, присаживался либо здесь же в гостиной, либо в переоборудованной столовой. Разговоров было мало, да и все они велись исключительно шёпотом. А вскоре и вовсе прекратились, так как в гостиную вошёл Людвиг Верфайер. Старший.

Отец и сын не зря носили одно и тоже имя. Они были очень похожи внешне. Оба светловолосые до белизны. Оба голубоглазые. Носы одинаково аристократично тонкие и с горбинкой. Оба всегда держались горделиво, даже высокомерно... Вот только общество каждого из них воспринималось по-разному. Стоило графу переступить порог, как всё пространство наполнило тревожное ожидание. Это был очень строгий и жёсткий по характеру мужчина. В его присутствии невозможно было расслабиться или беззаботно говорить на отвлечённые темы. Пусть и отставной, но обер-камергер королевского двора, прослуживший в своей должности более пятнадцати лет, он до сих пор являлся значимой фигурой. И нынешнее предпочтение оставаться в уединении в родовом замке ни капли этого не меняло. Всего несколько строк, отправленных им оттуда, могли кардинально изменить судьбу королевства. И регулярно меняли.

Лицо Людвиг Пламенного на миг выразило удивление. Само собой, он отправил сообщение отцу, но никак не думал, что тот явится. Да ещё в срок. Даже если предположить, что ехал отец не в карете, а верхом, то на путь до столицы у него должно было уйти не менее трёх дней. Но вот он здесь. Да ещё сестру Людвиг держит под руку. Шарлотта жила всего в двух часах езды от своего брата, но за два с лишним года ни разу не прислала ему даже записки.

«Наверное, отец воспользовался экспериментальным порталом», – догадался Людвиг и внутренне съёжился. Арки телепортации изобрели всего пять лет назад, и они пока ещё не всем магам казались безопасными устройствами. Пусть Ковен после испытания готовился дать постановление начать сооружать их во всех крупных городах, но лично ему, Людвигу, было страшно распасться на миллионы частиц и вдруг не собраться из небытия вновь. Те уникамы, кто сам себя телепортировал мог, хотя бы как-то процесс перемещения контролировали, а тут от чужого мастерства полностью предстояло зависеть.

Но страхи страхами, а события в гостиной продолжились развиваться. Граф склонил голову, выражая так уважение ко всем присутствующим. Шарлотта сделала книксен. А после этого они вдвоём подошли к пьедесталу, но надолго задерживаться возле него не стали, хотя пальцы Людвиг Старшего всё же коснулись гроба крошечной Адель Мари. Вместо долгого прощания с усопшими они предпочли уделить боль-

ше времени хозяину дома.

– Мне жаль, Людвиг, – нежно сказала Шарлотта и утешающе коснулась руки брата.

– Спасибо.

– Я бы хотел найти слова, способные хоть как-то облегчить твою боль, но знаю, что таких слов не существует. Лишь время сможет сгладить тяжесть этого момента, – тихо произнёс отец, сочувственно покачав головой. – Поверь, я понимаю тебя как никто иной. Я тоже хоронил любимую жену и новорождённого ребёнка.

Мать Людвиг умерла, когда ему было немногим больше полутора года. Рождённый ею младенец прожил всего на два дня дольше. Поэтому мужчина понимал, что отец действительно знает о чём говорит, и по этой причине ощутил необычайную близость с ним. На глаза от внезапно нахлынувшего чувства семейного единения едва не навернулись слёзы. Маг крепко поджал губы, чтобы не дать им пролиться. Но Людвиг Старший, конечно, заметил тяжёлое состояние сына и так же, как Шарлотта, ненадолго коснулся его руки. А затем граф и его дочь отошли в сторону, но всё новые и новые люди продолжили приходить. В доме стало совсем тесно, и Людвиг с нетерпением ждал окончания всего этого.

– ... если желаете, я могу сгладить ваши воспоминания.

Фраза выбивалась из общего потока выражения соболезнований, а потому Людвиг словно очнулся. Маг с удивлением уставился на стоящего перед ним Леонарда ван Донатана,

чьи непроглядно чёрные глаза походили на глаза демонов. Они были настолько темны, что зрачок едва различался. Да и сам взгляд – холодный, оценивающий, был неприятен до мурашек.

– О чём вы?

– Я ментальный маг. В моих возможностях сделать вашу боль не такой острой.

Мимика и интонация выражали искреннее желание помочь, но этот взгляд... Что-то недоброе было в нём. Что-то такое, из-за чего Людвиг вздрогнул.

– Благодарю, этого не требуется, – уверенно отказался он.

Леонард ван Донатан, казалось, ничуть не расстроился, но ни с того ни с сего обострившаяся интуиция подсказала Людвигу, что собеседник ощутил глубокую досаду. Этот маг очень желал покопаться в его голове, чтобы... чтобы что-то там исправить.

– Ещё раз мои соболезнования.

Лорд ван Донатан откланялся, а Людвиг вздохнул свободнее. Ему очень не понравился этот человек ещё там, на пикнике, и поэтому он надеялся, что больше никаких дурных гостей судьба ему не преподнесёт.

Увы, фортуна не была благосклонна к нему – в комнату вошёл Эдвард Рейц.

– Какая жалость, что такая смерть состоялась, – тихо настолько, чтобы его мог слышать только Людвиг, сказал он. – Для меня эти двое были бы полезнее живыми.

– Да чтоб вас Тринадцатый к себе прибрал. Убирайтесь из моего дома. Вам нет здесь места, – одними губами процедил маг.

– Ну-ну. Я понимаю, вы расстроены. Но не забывайте, что либо в ближайшую дюжину дней я получаю своих вампиров, либо начинаю злиться.

– Вы низкий и подлый человек. Оставьте меня в покое хотя бы до конца первого траура.

– Конец этого траура приходится на конец отведённого вам срока. Вы словно нарочно так с женой подсуетились, – едко произнёс Эдвард и, не говоря ни да ни нет, сухо продолжил: – Вы услышали меня, я услышал вас. А теперь прощайте. Ничего ведь, что я не останусь на сами похороны? Они навевают на меня тоску. Жалкое зрелище и бесполезное занятие.

Людвиг был готов вскипеть от гнева, но с достоинством промолчал. Ситуация для публичного скандала была неприемлема. Так что его собеседник наигранно вежливо склонил голову и безнаказанно пристроился в углу комнаты. Почти сразу раздался громкий бой часов.

Два часа дня. Пора.

Одетые в одинаковые ливреи наёмные слуги вошли в гостиную и подняли гробы, чтобы вынести их на улицу и поставить на катафалк. Впереди процессии пошли те, кому предназначалось раздавать милостыню. Хотя Людвиг знал, что не может позволить себе таких трат, для организации похорон

он взял новую ссуду. Он желал проводить Мари в её последний день самым достойным образом. Так что за раздающими милостыню мерно ступали девочки с корзинками. Они щедро разбрасывали лепестки белых цветов, посыпая дорогу. За ними следовали жрец и катафалк, покров которого придерживали за углы лакеи. Далее шагали уже сам Людвиг и миссис Анна Златова, зорко следящая за поведением пасынков, которых до последнего не выпускали из их комнаты. Рядом с ними ступали граф Даглицкий, его дочь Шарлотта, а также Сириус Ван Отто, барон Шлейфтерский. Остальные двинулись следом. Все они при этом держали по одной белой розе.

Конечной целью стало «Вознесенское» кладбище. Людвигу Младшему ужасно хотелось, чтобы его жена и дочь заняли достойное место в часовне родового замка. Он хотел, чтобы они были кремированы так же, как большинство его предков. Он горячо желал, чтобы урны с их прахом стояли на положенных для этого местах (демон его, что ли, под руку дёрнул взять с собой на память прадедушкину – Оттона Верфайера, человека, мемуарами которого он зачитывался в детстве?), но Людвиг знал – несмотря на то, что отец проявил уважение, придя на похороны, о такой уступке с его стороны не могло идти никакой речи. Поэтому тела Мари и Адель Мари погрузились в землю, в которой до этого не лежало ни одного близкого им человека. И горькая мысль об этом никак не отпускала Людвига на протяжении всей речи жреца. Он даже едва понял, что уже всё, что настала пора в знак

прощания бросить роскошную белую розу на лакированные гробы, помещённые в предназначенную для них одну яму на двоих.

Больно. Было больно прощаться. Ему ужасно не хотелось верить, что настоящее реально, а не жуткий ночной кошмар. Но вот ноги Людвига сделали пару шагов ближе к могиле, пальцы разжались, и прекрасный нежный цветок оказался глубоко внизу.

– Мама. Мамочка! – тут же тоскливо завыл младший из братьев.

Маг лишь на миг перевёл взгляд на пасынка, а затем со скорбно опущенной головой вернулся на место. Горе поглотило его настолько, что перед глазами стоял туман.

– Виктор, ведите себя прилично, – между тем одёрнула мальчика миссис Анна и совсем тихо приказала. – Идите, бросьте свой цветок и немедленно возвращайтесь ко мне. Никаких душещипательных сцен.

Как ни странно, но детям Мари удалось ничего не напортачить. Людвиг даже выдохнул спокойно. Мысль о том, что похороны всенепременно будут испорчены какой-либо их выходкой, долгое время не выходила у него из головы.

После того, как все родственники выразили дань памяти почившей, бросать цветы начали остальные присутствующие. При этом они ненадолго возвращались туда, где стояли, а после подходили к Людвигу и, принося новые соболезнования, прощались. Граф Даглицкий с дочерью, чтобы

этому не мешать, отошли поодаль. Миссис Анна тоже отвела детей в сторонку. К мальчикам почти никто не подходил, чтобы сказать им слова поддержки, но Людвиг этого не заметил. Он с трудом воспринимал происходящее и очень радовался, что Сириус Ван Отто всё время стоит возле него. Своим присутствием верный друг пусть немного, но облегчал для него горечь дня.

... А затем ни с того ни с сего прозвучали слова.

– Вот и всё, – произнёс Сириус, и вместе с тем Людвиг к своему удивлению осознал, что на кладбище из приглашённых остались только самые близкие. Жрец, как раз попросившийся с ним, оказывается был последним сторонним лицом, и землекопы мялись в стороне уже готовые зарывать могилу. Отец и Шарлотта нетерпеливо поглядывали друг на друга. Из всех слуг осталась только Анна Златова, позволившая мальчикам подойти к самому краю ямы.

– Расскажешь, что будешь с ними делать?

Тихие слова Сириуса заставили Людвига недоумённо посмотреть на друга. Пусть его внимание вернулось к реальности, но суть вопроса из-за погружённости в тягостные мысли он так и не уловил.

– Что делать? О чём ты?

– Я спрашиваю о мальчиках. Ты ведь уже пришёл к решению, что будешь делать с ними?

– Решил, что делать с ними? – Людвиг даже растерянно захлопал ресницами.

Если не считать случайной встречи в коридоре, когда па-сынки вручили ему открытку, то за все три дня, прошедших со смерти любимой, ему ни на миг не довелось задуматься о дальнейшей судьбе детей. А потому он искренне растерялся и признался шёпотом:

– Не знаю, Сириус.

Друг легонько нахмурился, а затем ненадолго перевёл взгляд на детей Мари. Братья, держась за руки, стояли перед могилой матери так, что, казалось, ничего не видят и не слышат из-за слёз. Это побудило Сириуса продолжить разговор.

– Людвиг, – совсем тихо сказал он, – никто не осудит тебя, если ты отправишь их даже не в пансион, а в сиротский приют. Им там самое место.

– Наверное. Более ужасных детей не существует на всём свете, но... – тут Людвиг запнулся и, вскинув голову, посмотрел другу прямо в глаза. – Перед тем, как Мари ушла из жизни, я пообещал ей позаботиться о них. Это мой долг сдержать слово.

– Эх, и угораздило же тебя родиться таким честным, – с раздражением негромко воскликнул Сириус и кисло поморщился, прежде чем начал шептать. – Я знаю десятки людей, которые ни за что не женились бы на такой женщине как Мари.

– Сириус! – не сдержал своего возмущения Людвиг. – Думай, о чём говоришь.

– Погоди гневаться, – охладил его порыв друг. – Я не го-

ворю о том, что Мари была этого недостойна. Она действительно оказалась не только красавицей, но и редким сокровищем. Не один я завидовал тебе из-за супруги. Другое дело, что до этого момента я молчал. Ты знаешь, не в моих правилах дважды судить за прошлое или регулярно припоминать его. Надо справляться с настоящим, а не тратить время на упрёки. Но сейчас мне видится, что ты свои ошибки никак не анализируешь.

– О чём ты? – стараясь задать свой вопрос как можно спокойнее, осведомился Людвиг, но в голосе его всё равно сквозило глубокое недовольство. Аналогично звучала и речь Сириуса.

– О том, что всегда можно было жениться на достойной аристократке и жить с ней в одном доме вместе с любовницей – той женщиной, что действительно любишь. Это рационально и никого не удивляет в наше время. Но вот тебе честь такое не позволила. Не позволила тебе честь и про детей забыть. Ты же сразу мог отправить их в какой-либо пансион и жить спокойно. Но разве ты сделал так? Нет! Тебе понадобилось всенепременно принять их. Да ещё официально.

– То, что теперь после их имени стоит моя фамилия не делает их моими наследниками и истинными Верфайерами. Они по-прежнему никто, и я ничего им после себя не оставлю. Ты это сам знаешь, – сквозь стиснутые зубы проворчал Людвиг, но уже без прежнего энтузиазма.

Он всегда воздерживался от более глубоких комментари-

ев на эту тему и потому за годы молчания знакомые сами интерпретировали тишину в нечто их устраивающее. Им даже в голову не приходило, что такое поведение связано с тем, что... Людвиг сам считал свой поступок откровенной глупостью! Так что, зная его благородный мягкий характер, ближайшее окружение нашло своё собственное объяснение – честь. Желание повести себя максимально достойно с недостойной женщиной из-за глубоких чувств к ней. Но на деле всё было иначе. Нет, несомненно, предложить Мари роль тайной любовницы у Людвиг самого язык не повернулся бы. Но в остальном-то он чего так начудил?

На протяжении практически трёх лет мужчина не раз и не два спрашивал сам себя, как он мог некогда поступить так опрометчиво? Неужели любовь настолько разум его затмила? Неужели столь страшно было тогда представлять, что Мари никогда не станет его навеки и что её отберут от него? Ведь подумай он тогда хоть на день или даже на час дольше, то понял бы – есть уйма более удачных выходов из создавшегося положения. Можно было подвести ситуацию к тому, чтобы достойно договориться со всеми сторонами. Мари любила его не меньше, чем он её. И будучи не требовательной ни к чему иному, кроме того, чтобы он продолжал любить её всей душой, она приняла бы любое его решение. Но тогда у него не было времени на толковые размышления.

Стоило Людвигу переехать с Мари из её глухой деревни в ближайший городок и обжиться там, как он получил пись-

мо, в котором отец строго-настрого потребовал от него прекратить порочащие честь отношения. В самых суровых выражениях граф Даглицкий велел сыну перестать публично появляться в обществе женщины низкого сословия (здесь на самом деле не раз и не два было использовано крайне оскорбительное слово), и оттого юный влюблённый ощутил отчаяние. Однако, ещё горше ему стало от последних строк, в которых грозный родитель сообщал о намерении приехать как можно скорее, чтобы лично разобраться с происходящим. Если бы не эта фраза, то события могли стать совершенно иными. Увы, из-за них Людвиг тогда перепугался до смерти и запаниковал. Зная своего деятельного отца, способного со свету сжить даже повелителя демонов, он в порыве чувств сделал Мари предложение. Ему виделось, что только брак способен уберечь его женщину от каких-либо лихостей со стороны Людвига Старшего. И так как его глубокая тревога передалась Мари, неудивительно что во время поспешной дороги в храм (невеста не успела даже омыть с рук мыльную пену) всё время звучал вопрос: «А дети? Ты хочешь защитить меня, но как же дети?!».

Что ему было ответить любимой на такое?

Едва изумлённый жрец, икающий из-за недавно выпитого им креплёного кваса, вписал в книгу регистрации новые имена и поставил свою печать, как глаза у него по новой на лоб полезли.

– Мне за вас написать или вы сами? – только и смог вы-

молвить служитель. Вопрос он задал по привычке. В этой округе грамотных людей было немного, та же невеста вместо своего имени оставила только отпечаток пальца. И таких «росписей» книга была полным-полна.

– Сам. Хочу, чтобы остался виден мой почерк. Текст только подскажите.

Людвиг повернул книгу удобнее и принялся быстро писать идеально ровным почерком стандартные фразы. «В связи со смертью отца детей», «в настоящем заключён брак с матерью», «имею возможность и право на воспитание», «желаю принять опеку», «прошу с настоящего момента считать моими детьми». Жрец пробежал глазами по строчкам и сразу ниже записи о браке дописал, что такие-то дети вдовы таковой-то отныне считаются детьми, тут он скопил глаза на лорда, и вывел длинную предлинную именную запись. Затем поставил печать и решил, что, как только останется один, непременно напьётся вусмерть.

– Эту книгу сегодня же заверьте ритуалом, – потребовал Людвиг.

– Так ведь ещё места много, страниц...

– И даже прямо сейчас заверьте, – настойчиво повторил маг, не желая, чтобы у отца появился шанс сжечь прямое доказательство брака. После ритуала подобное являлось бесполезным занятием. Все записи были бы мгновенно дублированы. Им предстояло возникнуть в архивных книгах, хранящихся аж в пяти разных соборах пяти различных коро-

левств.

А потом... А что потом? Потом, не страшась использовать экспериментальные порталы, прибыл отец. Он разговаривал с сыном наедине, и к своему ужасу Людвиг Младший быстро осознал, что, оказывается, можно было просто-напросто договориться. Граф выплеснул все эмоции в письме и приехал, будучи в более спокойном расположении духа. Нет, сначала он, конечно, злился, но после череды грозных ругательств и угрюмого молчания собеседника в ответ окончательно успокоился. Даже с усмешкой рассказал, как два года назад, когда он ещё не покинул должность обер-камергера, решал аналогичную ситуацию для племянника короля. Затем сообщил, что понимает внезапную слабость сына и даже начал вести речь о том, как лучше дальше поступить, но...

– Я женился на ней.

– Что? – не поверил своим ушам граф.

– Я женился на ней и признал её детей.

Вот как-то так оно и было. И если и говорить о том, что именно понимание того, что конкретно скрывается под словом «честь» связало безродную красавицу Марию и лорда Верфайера, то только после этого момента. Несмотря на все старания Людвига Старшего донести до сына, что подобное ещё можно скрыть, он отвечал одно и то же: «Она моя жена, отец, и я от неё не откажусь».

Сириус нервно поправил цилиндр на голове и, ничего не зная о чередности воспоминаний, пронёсшихся в голове друга,

произнёс:

– Я знаю, что они никогда не получат прав твоих настоящих детей. И все это знают. Поэтому я и сказал, что никто не осудит тебя, даже если ты отдашь их в сиротский приют. Но можно остановиться и на более приличном пансионе. Хватит брать на себя больше, чем ты должен на себя брать.

– Пансион? Такое заведение, конечно, мечта для крестьянских детей, но на деле оно ненамного лучше обычного приюта. Там никто не следит образованием. А чтобы кто-то с фамилией Верфайер не научился счёту и не овладел навыками письма?

– По-моему, ты утрируешь, – отреагировал скептицизмом на его горячее заявление друг. – Конечно, знания там дают не на том уровне, что способны дать частные учителя, но некий минимум своим воспитанникам они всё-таки обеспечивают.

– О нет, для меня подобное неприемлемо. Кроме того, это бы очень расстроило Мари, а я обещал ей, Сириус. Обещал позаботиться об её детях достойно.

– Я был уверен, что ты скажешь именно так. Но да... да, я должен был попытаться, – грустно вздохнул Сириус, а затем поджал губы и с долей иронии вымолвил: – Если столь простое и приемлемое решение тебя никак не устраивает, то предлагаю отправить одного из мальчиков в королевский кадетский корпус, а другого ко мне в интернат. Полагаю, у тебя не возникает сомнений, что это более чем благородный поступок и более чем достойное образование?

– Разумеется нет, – грубо ответил Людвиг. Он не был готов к такому повороту разговора. И вообще к разговорам он не был готов. Ему хотелось стоять в тишине и смотреть на белые цветы в могиле.

Всё на этом!

– Согласен, устроить подобное для таких, как они, очень великодушно, – степенно добавил присоединившийся к разговору граф Даглицкий, и его дочь не сдержалась, язвительно прошептал:

– Даже слишком великодушно.

– Сириус, я не хочу говорить о таком здесь и сейчас. Давай позже? – взмолился несчастный Людвиг. – Пойми, ты говоришь много правильных вещей, но... но я не хочу сейчас думать обо всём этом. Даже иначе. Не могу. Прежде чем думать о ком-то, я хочу побыть в одиночестве и подумать о себе.

– Момент действительно малоподходящий, но иначе никак, – жёстко ответил друг. – С младшим проще. Я могу забрать его в любой момент, но два дня назад я разговаривал с Верноном Де Капруа, руководителем королевского кадетского корпуса. Несмотря на возраст твоего старшего пасынка, он выразил согласие принять его к себе с августа, то есть тогда, когда начнётся набор нового учебного курса. Однако, ты должен подойти к нему и написать заявление не позже полудня завтрашнего дня. Иначе придётся ждать ещё один год.

– Погодите-погодите, – нахмурил лоб Людвиг Старший. –

Что-то изменилось в правилах приёма? Насколько я помню, последним днём приёма заявлений считается первый день лета, то есть сегодня.

– Вы всё верно понимаете, Ваше сиятельство, и правила приёма не изменились ни в одной букве, – с уважением кивая головой, ответил Сириус. – Но я попросил Вернона Де Капруа о личном одолжении. Он отправит в королевскую канцелярию список будущих кадетов не сегодня вечером, а завтра в полдень. Такие временные рамки он в состоянии выдержать.

– Что же, в таком случае я приношу вам свою признательность, – сказал граф, понимая, что сын ничего не ответит. Людвиг Пламенный смотрел только на могилу, и взгляд его опять заволокла туманная дымка.

– Благодарю, для меня честь услышать такие слова от вас, – голос Сириуса действительно звучал довольно, но после повисла тишина. Даже всхлипы мальчиков стали едва слышны – это миссис Анна отвела их в сторону, посчитав, что длительное нахождение у могилы матери может губительно сказаться на детской психике. Так что теперь они стояли поодаль, возле большой каменной чаши, и экономка что-то негромко говорила им. Может, рассказывала какую-нибудь подходящую притчу, а, может, просто поучала. По лицу строгой женщины было этого не понять. Голос её едва доносился.

– Сын мой, – положив руку на плечо Людвигу Младше-

му, наконец, проговорил граф. При этом он встал так, чтобы смотреть убитому горем мужчине глаза в глаза. – Я знаю и вижу, как ты опечален, но тебе только что дали ценный совет.

– А? Что?

– Людвиг, мне понятно насколько тебе тяжело, но постарайся сейчас услышать меня.

– Я всё услышал и завтра схожу к директору кадетского корпуса.

– Быть может, тебе лучше сделать это прямо сейчас? Увы, но такие бумаги по почте не отправишь, а я бы хотел, чтобы сегодня к шести вечера ты был готов отправиться вместе со мной через портал. Тебе стоит вернуться домой и заняться медитацией в нашей часовне. Одни сутки в ней излечат твою душу быстрее года и не стоит с этим затягивать.

Людвиг знал, как прав отец. И прекрасно понимал, что именно тот предлагает. Небольшой простой ритуал некромантии. Такой, какой можно назвать даже светлым. Обряд позволял почувствовать близость своего рода, впитать в себя чужой опыт, ощутить поддержку и разделить боль. Однажды Людвиг уже проводил его, хотя причина тогда была совсем никакая. Всего лишь разрыв помолвки с девушкой, которая предназначалась ему в жёны с семи лет. Пожалуй, только в шестнадцать можно счесть трагедией, что кто-либо, кого ты даже ни разу в своей жизни не видел, выходит замуж за другого. Но какой бы нелепой ни казалась та грусть

на сегодняшний момент, из часовни вернувшись к жизни он вышел всего через час. Людвиг помнил, как утративший краски мир вдруг перестал быть серым. Как он удивлялся и радовался, хотя считал, что счастье утеряно для него безвозвратно. И теперь воспылал желанием повторить свой опыт. Это было именно то, что ему необходимо! И нет, не только потому что самому уже хочется дышать полной грудью, а этого всё никак не сделать. Нет! Не забыть про наглые глаза Эдварда Рейца. Со дня на день начнётся война против мятежного некроманта и подойти к ней следовало с холодной головой.

– Я очень хочу это сделать. Я обязательно приеду, отец, – горячо заверил маг Людвиг Старшего. При этом его глаза даже засияли надеждой. Он осознал, что ему не просто протягивают руку помощи – его простили за прошлое. А об этом ему мечталось на протяжении почти трёх лет!

Однако, было нечто (причём совсем не боязнь перед экспериментальной телепортацией), что заставило его произнести:

– Жаль, что отправиться этим вечером я никак не смогу.
– Другого сеанса не будет целых две недели, Людвиг. Я знаю расписание портала на месяц вперёд и поверь, даже мои связи в этом плане не безграничны. Задержки не будет ни на минуту, так как это нарушит завершающий этап сбора данных. Никто из-за тебя не поставит столь перспективный проект под угрозу.

– Завтра в полдень я выеду из города своим ходом и через четыре, максимум пять дней буду дома, – упрямо поджав губы, сказал Верфайер Младший. Лицо его отца тут же выразило не меньшее упрямство:

– И что заставляет тебя задерживаться?

Взгляд Людвиг Пламенного переместился на могилу и вновь стал отрешённым. Губы его тихо проговорили слова, которые с каждым новым предложением становились всё жёстче и жёстче:

– Тело даже землёй не покрыто. Мари лежит и всё слышит. И, вместо того чтобы узнать, как я скорблю по ней, вынуждена внимать вашим речам. Кладбище не место для решения бранных дел. Если вам в тягость находиться здесь, так уходите! Дайте мне уже проститься с женой!

Свирепая речь возымела действие. Она действительно усовестила людей, желающих Людвигу только добра. Они вежливо попрощались с ним и ушли. Вслед за ними виконт отправил и Анну Златову с детьми, а сам остался стоять на месте и смотрел, как всё новый и новый слой земли наполняет глубокую могилу.

Глава 10

Пожалуй, это последняя глава, где события будут развиваться так медленно. Всем уже интересно узнать, как поведёт себя Эдвард Рейц и его наниматель, пока ещё неизвестный нам. И всё же в настоящий момент важнее написать про другое. Поэтому временно оставим без внимания обстоятельство, что Эдвард Рейц не только сообщил через стоящего над ним человека о просьбе Людвигу не тревожить его до окончания глубокого траура, но и необыкновенно быстро, ещё до наступления вечера, получил ответ – все положенные дни мага-аристократа не трогать.

По возвращении в особняк Людвиг был готов снова запереться в своём кабинете. Прогулка от кладбища до дома, конечно, порядком успокоила его дух. Сыграло свою роль и прощение отца, и предстоящая поездка в замок, где ему довелось родиться и вырасти. Но мужчина знал, что завтра его ждёт очень тяжёлый день и хотел оставшиеся часы провести в одиночестве. Однако, дворецкий сообщил, что у него гость. В кабинете его ожидал Сириус.

– Простите, Ваша милость, – обеспокоенно прошептал слуга. – Я бы проводил его в гостиную, но она ещё не подготовлена для приёма гостей. И столовая тоже.

– Не страшно.

С этими словами Людвиг встряхнул головой и вошёл в кабинет. А затем не очень-то дружелюбно поприветствовал своего визитёра.

– Я думал мы уже попрощались.

– Верно, поэтому я вскоре уйду, – ответил друг. – Мне просто показалось необходимым попросить у тебя прощение за свои слова на кладбище. Это действительно было очень недостойно с моей стороны. Я ведь хотел сообщить в другое время, раньше. Правда. Но до похорон ты отказывался разговаривать со мной, а тянуть дальше было невозможно.

– Я понимаю, – горько вздыхая, признал Людвиг и вдруг обрадовался, что друг сейчас здесь. Его недавнее раздражение моментально прошло. Наверное, появившиеся в голове планы на завтрашний день помогли понять, что такое событие очень к месту. И в результате он куда как более приветливо спросил:

– Не хочешь выпить?

– Да, с удовольствием. Только прости, долго быть с тобой я не смогу. В интернате возникла проблема, требующая моего внимания. Я и так задерживаюсь.

– Все хотят от тебя решения проблем, – даже печально улыбнулся Людвиг и, позвонив в колокольчик, сказал: – Не беспокойся, мне нужно всего несколько минут. Я должен рассказать тебе про Эдварда Рейца, он приходил сюда сегодня.

– Да?

– Да. Постарайся вспомнить. Перед тем, как Мари и Адель вынесли из дома, ко мне подошёл черноволосый мужчина в сером сюртуке.

Сириус наклонил голову и нахмурил лоб.

– Обычно я наблюдателен, но... Нет. Не припомню.

– Жаль, если бы...

На этих словах дверь в кабинет открылась и внутрь вошла горничная. Она сделала книксен и застыла, ожидая указаний.

– Принесите вино и сыр.

– Сию минуту, Ваша милость.

Горничная ушла, а маг продолжил, откашлявшись.

– Я бы привлёк твоё внимание, но часы как раз пробили два. А когда мы вышли на улицу, то я его уже нигде не увидел.

– Действительно жаль, что я упустил его из внимания. Он что-либо говорил или только принёс соболезнования?

– Ни о каких соболезнованиях не было даже речи, – произвольно пальцы Людвиг сжались в крепкие кулаки. – Напротив, он вёл себя очень хамски. В такой момент посмел напомнить, что я так и не создал двух вампиров.

– Мерзавец, – с ненавистью процедил Сириус и сощурил глаза. – Неужели нельзя было понять, что в час скорби тебя лучше не трогать?

– Я сказал ему об этом напрямую и вроде бы сумел донести мысль, но... но я не уверен. И поэтому мне нужна твоя

помощь.

– Говори, – ровным голосом потребовал друг, но тут снова появилась горничная. Девушка поставила на стол поднос с принесённой снедью, открыла штопором вино и хотела было разлить его, но Людвиг сказал:

– Я сам. Можете идти.

Горничная снова сделала книксен и ушла. Людвиг взял в руки один из бокалов, задумчиво повертел его в руке и поинтересовался:

– Сириус, ты не против, если я не буду пить? Если честно, мне что-то совсем не хочется.

– Тогда и мне не наливай. Меня ждёт серьёзное дело.

– Да, прости. Я забыл, что тебя задерживаю, – тут же смутился маг и продолжил прежнюю тему. – Так вот. Я знаю, что в целом момент неудачный, но завтра сразу после визита к директору кадетского корпуса я намерен покинуть город на недели полторы. Мне обязательно нужно побыть дома хотя бы дня два-три. И говоря о доме, я имею в виду мой настоящий дом, замок Арраур, а не всё это, – даже с какой-то ненавистью обвёл взглядом помещение Людвиг.

– Я слышал твоего отца и полностью его поддерживаю. Чего я не поддерживаю, так это того, что ты не принял его предложение путешествия через портал. К полуночи ты бы уже был в замке. Подумай, время ещё есть. Навести Вернона Де Капруа прямо сейчас и...

– Нет, Сириус. Я много раз совершал поступки опромет-

чиво, слишком часто действовал сломя голову и, поверь, ни одно из этих деяний не привело ни к чему хорошему. Я не готов поступать так же сегодня.

– Разве у тебя есть сомнения?

– Нет. Я просто не хочу никуда спешить в день похорон жены. Или мне одному кажется это каким-то безумством? – с вызовом осведомился он.

– Хорошо. Ты не хочешь торопиться, я тебя услышал, – развёл руками друг, выражая таким образом нежелание продолжать бессмысленный спор, в котором он считал себя абсолютно правым.

– Сириус, отправлюсь я сегодня или завтра моя основная проблема останется той же. Я не знаю, как могут отреагировать на мой отъезд люди. И ты понимаешь о каких людях я сейчас говорю.

– Понимаю. И ещё понимаю, что весть о том, что ты отправился через портал, к которому заметь, далеко не у каждого мага есть доступ, достигла бы их ушей быстрее нежели твой завтрашний отъезд, – всё же наливая себе вино, убедительно сказал Сириус. – И для тебя так было бы гораздо лучше. Это стало бы означать не столько побег, сколько что ты, ни от кого не скрываясь и не прячась, использовал свой шанс к примирению с отцом. Ну, или потешил самолюбие, получив возможность опробовать столь яркую диковинку. А так, кроме Его сиятельства, миледи Шарлотты и меня, пока никто не знает куда ты собрался уезжать и насколько. Скажу

больше, зачем и для чего в этой тесной компании понимают вообще только трое, – выразительно глянув на собеседника, Сириус торопливо отпил из бокала. – Другими словами ты не оставляешь необходимых слухов. И что эти люди смогут подумать? Сел в карету и уехал в неизвестном направлении?

– О боги, как я не хочу над всем этим думать! – воскликнул Людвиг и, подойдя к окну, отодвинул штору да уставился на безмятежное вечеряющее небо.

– Я знаю, что ты не хочешь думать, но я думаю над этим постоянно. И ниточки к тем, кто пытается манипулировать тобой, мне пока не найти. Увы, но мне видится лучшим вариантом пойти им на уступку в создании вампиров. Сделай как они тебе говорят, а затем уезжай.

После этих слов Людвиг обернулся. Его бледное лицо выражало бесконечное страдание.

– Да неужели этому миру мало смерти Мари? И почему? Ну почему я должен думать о таком в день её похорон?

– Потому что твоя жизнь ещё продолжается, – подняв бокал словно в тосте, произнёс Сириус, но на этот раз пить не стал, а поставил бокал обратно на поднос. Глаза его не отрываясь смотрели на друга, начавшего нервно ходить туда-обратно.

– Нет, прямо сейчас я никуда не отправлюсь, – наконец, решительно сказал Людвиг. – Я сказал об этом отцу, так что пусть будет так, как оно будет. Быть может, по дороге к Вернону Де Капруа мне удастся встретить наиболее болтливых

знакомых. Пусть разносят сплетни... Да и слуги у меня в конце-то концов на что?

– Тоже выход, – равнодушно пожал плечами Сириус и заметил. – Ты так и не говоришь, в чём тебе нужна моя помощь.

– Присмотри за мальчиками.

– Я не могу взять в интернат их обоих.

– Пока этого не требуется, – нахмурился Людвиг. – Просто проследи, чтобы с ними всё было в порядке. Заходи время от времени ко мне, пока я буду отсутствовать. Хорошо?

– Почему бы тебе не разрешить вопрос с ними прямо сейчас? – напрямик спросил Сириус с присущим ему хладнокровием. – Я всё равно направляюсь в интернат и могу забрать с собой Виктора. А с утра ты успеешь посетить не только кадетский корпус, но и какой-либо пансион. Не будешь же ты опекать старшего ещё два месяца до начала набора? Серьёзно, Людвиг, твоя проблема с мальчиками больше не проблема. Неужели тебе некуда деть детей?

Не согласиться с тем, что друг предлагает ему весьма рациональное решение, мужчина не мог. Подобная логика и сухость всегда были свойственны Сириусу Ван Отто, барону Шлейфтерскому. Людвиг знал этого человека с десяти лет и не раз удивлялся и восхищался его прагматизму. Увы, сам он не обладал подобным достоинством. Во всяком случае правильные мысли частенько заглушала в нём совесть. И от сказанного она выпустила острые колючки да язвительно про-

шептала очень простой вопрос: «Разве можно куда-то девать детей?».

С несколько секунд виконт Даглицкий отчего-то прокручивал возникшие в его голове слова, показавшиеся ему крайне неправильными. «Девать детей». Что это вообще за словосочетание такое? «Девать» и «детей». На миг он даже вспомнил совет Мари отнестись к её мальчикам как к своим собственным и попытался представить, что Сириус говорит не о пасынках, а о крошечной Адель, доживи она до таких лет. Он сразу осознал для себя крайне неприятный факт, который позволил предельно честно ответить самому себе: «Нет, детей нельзя куда-то девать. От них можно только избавиться».

«Так неужели тебе не избавиться от моих мальчиков, Людвиг?» – холодно поинтересовалась совесть голосом Мари. Причём с интонациями, при жизни женщине никак не присущими.

– Сириус, я уже объяснил тебе почему не готов отправиться домой через портал. И ответ на этот вопрос будет таким же. Я не хочу каких-либо поспешных действий даже в том, в чём уверен. Поэтому присмотри за мальчиками, пожалуйста. Для меня невыносимо представить, что с ними что-то случится из-за меня.

– Хорошо, – по новой развёл руками Сириус, а затем выражение его лица изменилось. Оно стало предельно серьёзным, и взгляд его даже ненадолго виновато опустился к по-

лу. – Знаешь, Людвиг, ты удивительный человек.

– Разве?

– Да. Только в твоём обществе я начинаю вспоминать о том, что у меня есть совесть. Ты всё делаешь как-то неправильно. Так, как я сам никогда бы не поступил. И обижайся или нет, но я частенько мысленно называю тебя глупцом! – Сириус нервным движением взял бокал с подноса и сделал глоток. – И всё же... Всё же когда я слышу всю эту чепуху про любовь, про достоинство, про честь из твоих уст, то порой начинаю ощущать глупцом именно себя. Мир был бы лучше, принадлежи он таким добрякам как ты.

Людвиг замер, не зная, что ему ответить. А Сириус поднялся, подошёл ближе и положил руку ему на плечо.

– Я искренне сочувствую тебе, друг. Мари была одной из тех немногих женщин, что действительно заслуживают жизни, и на самом деле ты прав. Ни за что нельзя в день её похорон погружаться в суетные дела. Это бесчестно не отдать ей дань уважения скорбью. Поэтому ещё раз прости меня за мой визит и лёгкой тебе дороги в будущем.

Собственно, о переживаниях лорда Людвиг Верфайера, виконта Даглицкого, было сказано уже очень много, чтобы и дальше писать только о нём. Поэтому предлагаю заглянуть ненадолго в замочную скважину детской комнаты и подсмотр-

реть, что же происходит там.

Итак, выходим вслед за Сириусом Ван Отто из кабинета, но идём не к выходу из дома, а поднимаемся по мрачной лестнице, драпированной чёрной тканью, поворачиваем направо, проходим мимо вазы с белыми розами, пропускаем первую дверь и... вот она – комната мальчиков.

Удивительным образом воспринимают взрослые маленьких детей. Отчего-то им кажется, что если ребёнок стоит неподалёку и смотрит в другую сторону или занят своим делом, то он ничего не слышит. Дитя становится неким пустым местом, на которое время от времени надо поглядывать во избежание различного рода катастроф и только.

Не согласны?

Тогда представьте себе, что на расстоянии от двух до пяти метров от вас находится взрослый человек. Например, ваш коллега по работе или такой же студент. Станете ли вы обсуждать его с приятелем вполголоса? Нет. Как минимум, вы отойдёте подальше в сторонку и приметесь шептаться. Но если это ребёнок, да ещё, скажем, башенку из кубиков строящий, то что будет в этом случае? А? Где тут элементарные понятия вежливости?

Так вот, если вы сами так с супругом или с супругой своего ребёнка не обсуждали (честь вам и хвала), то вернитесь ненадолго в собственное детство. Наверняка вы припомните то горькое чувство едкой обиды, когда близкие вам люди прямо при вас говорят вещи, от которых у вас всё нутро пе-

реворачивается. А ведь, скорее всего, дело касалось лишь каких-то мелких неурядиц. Ах, какой у меня неаккуратный малыш растёт, ковёр от пластилина теперь не отчистишь! Или – вот другие дети могут два плюс два сложить, а этот вечно ошибки в вычислениях делает, не дурень ли он у нас? А как вам – как подарили планшет, так и сидит с ним психически ненормальный, никаких увлечений в жизни больше нету. В общем, гадостей ребёнок за свою жизнь, вот так невзначай, слышит немерено. Но что, если взрослые ещё и не бытовые трудности обсуждают, а действительно речь о важном ведут? Что если вам всего шесть или восемь лет, вы потеряли единственного человека, что любил вас всем сердцем и берёг – маму, а ненавистный отчим прямо над её телом говорит о вас с пренебрежением, обсуждает вашу судьбу и намерен разлучить с тем последним, что у вас осталось – с братом?

Совсем невесело, правда? А если ещё и до этого вам несколько дней кряду запрещали выходить из комнаты? И после в силу возраста так и не подпустили к гробу матери?

Повторюсь, удивительным образом воспринимают взрослые маленьких детей. Иногда со стороны кажется, что они в упор не видят, что перед ними пусть маленькие, но люди. Человечки со своими, да, коротенькими и простенькими, но мыслями. И мыслями, возникшими не на ровном месте. Они основаны на логике. Детской, но логике. И у этих детей есть ощущения (и намного более яркие, чем у вас)... Не стоит забывать об этом. Ни на миг! Потому что иначе между роди-

телями и детьми, изначально души не чающих друг в друге, может вырасти такая Великая Китайская стена обиды, возникшей из-за недопонимания и недосказанности, что однажды это сможет подвести семью к самой настоящей трагедии.

Братья сидели, держась за руки, прямо на полу, возле кровати одного из них. Пусть вокруг было достаточно мебели, чтобы присесть куда-либо более прилично, но они интуитивно устроились именно так. Нет, вряд ли, войди кто-то в комнату, они бы как мышки юркнули под кровать и затаились там, но страх, обида и отчаяние, в которые они погрузились, подсказали устроиться вот здесь. На полу. Возле кровати.

Виталька уже не плакал, и это было страшно. Страшно, когда у ребёнка кончаются слёзы, а боль так и грызёт, не отпускает. Он сидел словно взрослый, поджав губы, и горько таранился на темноволосую макушку младшего брата. От горя его глаза выглядели опухшими, а пальцы подрагивали. На лбу даже морщинки появились. В восемь-то лет!

– Не плачь, – мягко попросил он маленького Витьку и погладил его по шелковистым волосам.

– Не хочу! Не хочу без тебя!

– И я не хочу.

Одни и те же фразы слились в какой-то бесконечный водоворот. Они по кругу повторялись друг за другом и уносили ребят на самое дно, в самую глубокую бездну отчаяния. Однако, всё пережитое ими за последние дни вылилось по

итогу в то, что мальчики обессилили напрочь и, продолжая цепко держаться друг за друга, заснули мёртвым сном. Крепко-накрепко. Они были настолько эмоционально истощены, что ни рассвет, ни приход горничной не разбудили их.

– Ваша милость, мальчики ещё спят, – и во второй раз не решаясь разбудить детей сообщила Марина, когда спустилась в холл.

– До сих пор спят? В такое-то время? – удивился маг. На часах была половина десятого.

– Им тяжело даётся утрата.

«Как и мне», – вскользь подумал Людвиг, но вслух сердито сказал:

– Я не могу больше ждать и обязан поговорить с ними. Через полчаса я должен быть в кадетском корпусе и после визита туда в дом уже не вернусь!

– Простите, Ваша милость, я сейчас...

– Нет. На это уже нет времени, – по новой глянув на напольные часы, с раздражением произнёс мужчина. – Я не могу ждать, пока они будут приводить себя в порядок. Это слишком долго. Сам поднимусь.

Виконт Даглицкий направился к лестнице, попутно замечая, как начала суетиться горничная. Её беспокойный вид показался ему странным, но сама Марина так ничего и не сказала, а ему некогда было размышлять над причинами её странного поведения. Хорошенько подумать вообще частенько времени не хватает. Многим. Однако, вскоре он сам

понял, что к чему. Оказывается, дети не просто спали. Они спали на полу, забившись в самый дальний угол, и жались друг к другу, как зверёныши. Более худенький младший при этом крепко прижимал к себе игрушечного щенка, сделанного из фетра. Никакого спокойствия на детских лицах не было. Все их черты выражали тревогу, напряжение. Виктор даже дёрнулся словно в попытке куда-то бежать и всхлипнул, на миг судорожнее сжимая пальцами игрушку.

Вид мальчиков тронул Людвигу Пламенного до глубины души. Такие потерянные и беспомощные они не вызывали у него всех тех неприятных эмоций, что царили в нём доселе. Он мгновенно устыдил себя, что за все дни ни разу не пришёл к ним, будучи погружённым в собственное горе. Они вот открытку ему нарисовали, утешить хотели, а он... а он даже не вспомнил про них. Да и сейчас пришёл только чтобы известить о своём отъезде и строго-настрого наказать вести себя подобающим образом.

– Простите, Ваша милость. Я хотела сказать... – начала шептать Марина, теребя в руках белоснежный накрахмаленный передничек.

– Выйдите.

Горничная беспрекословно послушалась. Людвиг тут же ухватил за спинку один из стульев, находящихся в комнате, приставил его ближе к детям и сел. Локти при этом он опустил на колени, а спину изогнул так, чтобы комфортно было упереть руками подбородок. В такой позе вопросительно-

го знака мужчина сидел долго, не менее нескольких минут, и при этом внимательно смотрел на детей. В голове у него проносились сотни мыслей и десятки воспоминаний, которые могли помочь ему решить куда повернуть на тяжёлой развилке жизненного пути. Выбор был способен изменить его жизнь на долгие годы.

Что ему делать с пасынками?

Кому-то это обстоятельство может показаться странным – что тут обдумывать, если всё уже решено? Но в таком случае вспомните, что вопрос Сириуса ван Отто: «Ты решил, что будешь делать с мальчиками?», прозвучал крайне несвоевременно для столь чувствительного человека как виконт Даглицкий. И реши друг задать его не во время похорон, а хотя бы сегодня утром, то Людвиг объяснил бы, что тревоги ни к чему. Он как раз намеревался отправиться в какой-либо пансион, интернат или тот же кадетский корпус. А всё из-за того, что к мысли, как ему поступить, подошёл бы... он сам. Теперь же все эти учреждения (тем более, что помимо его желания уже существовала даже договорённость) казались ему навязанными со стороны. А как реагирует упрямый человек на всё навязанное? Отторгает. В результате лишь после долгих минут размышлений и существенных колебаний лорд Верфайер вышел из комнаты. Часы на первом этаже как раз пробили десять.

– Будьте любезны, – обратился маг к экономке, ожидающей его в холле, – сообщите мальчикам за меня, что я уехал.

И не будите их. Пусть проснутся сами.

– Да, Ваша милость, – сделала книксен женщина.

– Это не всё. Возможно, я не успею вернуться так быстро как намерен, поэтому передайте господину Тихонову, что я велю ему приступить к занятиям сразу по окончании глубокого траура. Также, пусть он использует время до этого дня с толком. Для мальчиков необходима новая учебная программа. С наступлением августа Виталий отправится в королевский кадетский корпус, а Виктор в королевский интернат магии. Я бы хотел, чтобы они проявили себя достойно с самого начала обучения.

– Да, Ваша милость.

– В таком случае, всего хорошего. Если с детьми возникнут какие-либо проблемы, адрес лорда Сириуса Ван Отто у вас есть.

Оставив такие распоряжения, Людвиг Пламенный мельком глянул на часы и хотел было выйти из дома, как вдруг зазвенел дверной колокольчик. Он с удивлением перевёл взгляд на дверь. Кто бы это мог быть?

Дворецкий, как и положено, впустил гостя. Но от вида человека, решившего его навестить, лицо мага выразило искреннее удивление.

– Ваша светлость? – глядя на мужчину, лет эдак сорока, даже выговорил он помимо своей воли. Но тут же опомнился и, следуя этикету, произнёс. – Моё почтение.

Кого-кого, а милорда Дональда Дэ Воррингтона – маркиза

Астонского и вкуне с тем министра по внешним связям Орланды, Людвиг Верфайер никак не ожидал увидеть. Они были малознакомы. Честно говоря, кроме краткого представления на пикнике у Верховного судьи и последующего затем обмена не самыми вежливыми фразами, никогда ни до, ни после они не общались. На похоронах Мари этого человека не было.

– И вам моё почтение, лорд Верфайер, – вежливо отозвался гость, после чего насторожился. – Я вижу, вы собираетесь уходить, но могу я попросить вас уделить мне самую малость вашего времени?

– Разумеется. Прошу вас.

Он указал ладонью на дверь кабинета. Маркиз снял с себя высокий цилиндр и, опираясь на изящную дорожную трость, последовал куда было предложено. При этом взглядом он обвёл убранство дома и едва заметно поморщился. И всё же на дальнейшей его речи впечатление от увиденного им жилища никак не отразилось. В кабинете милорд Дональд Дэ Воррингтон хорошо поставленным голосом произнёс:

– Прежде всего, позвольте мне принести мои соболезнования. Потеря близких – это всегда тяжёлая утрата.

– Благодарю вас, – коротко ответил Людвиг, которого от подобных слов уже не подташнивало, а прямо-таки тошнило. – Желаете присесть?

– Нет, спасибо. Дело, по которому я здесь, не позволяет мне воспользоваться вашим гостеприимством в полной мере. Видите ли, после событий на пикнике я до последнего был уверен в невиновности своих детей и оттого позволил себе публично не очень-то лицеприятно высказаться о вас и ваших мальчиках. Даже не единожды. И всё же вчера мне стал известен истинный ход событий, – признание явно да-

валось маркизу нелегко. Он буквально-таки вынуждал себя произносить каждое слово, и Людвиг с интересом прислушался. – Это ужасное... недопустимое для воспитанного человека деяние! Не знаю, будет ли вам легче от того, что Арно и Елизавета наказаны должным образом не только за своё отвратительное поведение, но и за ложь, которой они намеревались прикрыть свои бесчестные поступки, но я в любом случае прошу вас принять мои извинения за произошедший скандал.

Подобное признание глубоко шокировало Людвигу. До сей поры он ни разу не усомнился, что в событиях того дня были виноваты исключительно его пасынки. Поэтому ему было сложно не спросить.

– Погодите, ваша Елизавета действительно толкнула Виктора в спину?

– Да, – аж побледнел маркиз от того, как ломал свою гордость. – И Арно в самом деле первым начал недостойно обзывать их.

– Я потрясён, – признался Людвиг и тут же поспешно пояснил. – Простите, я не имел в виду, что потрясён поведением ваших детей. Я просто... просто считал это событие последней каплей. Из-за него я едва не отправил мальчиков в пансион. Благие боги, если бы не смерть моей жены, так бы уже и было!

Он не выдержал потрясения и сел в кресло. Ведь правда, вина пасынков виделась ему неоспоримой. Это же отвра-

тительные, мерзкие, невоспитанные крестьянские мальчишки! Только такие как они могли додуматься до таких поступков. А оказывается, что нет. Оказывается, что благородное семейство Де Воррингтон могло вести себя ничуть не лучше.

– В таком случае, я вынужден просить вас принять мои более глубокие извинения.

– Что вы? Я благодарен, что вы рассказали мне правду.

На этой ноте мужчины попрощались. Милорд Дэ Воррингтон вышел из кабинета и в холле, прежде чем надеть высокий цилиндр, вытер белоснежным платком пот со лба. Ему всегда тяжело давались признания собственных ошибок, но обратного не дозволила совесть. Он был обязан прийти сюда и теперь чувствовал облегчение.

Если же говорить о Людвиге, то он открыл верхний ящик стола, вытащил из него открытку и принялся внимательно рассматривать рисунок на ней. Яркие цветы, добродушно улыбающиеся рожицы.

«Они меня утешить хотели», – крутилась в его голове мысль, а затем мужчина вздрогнул – раздался бой часов.

О нет, уже одиннадцать!

С мыслями о том, как бессовестно может ускользать время, виконт Даглицкий наконец-то покинул дом, сел в давно подготовленную для него карету и двинулся в сторону королевского кадетского корпуса. Это здание располагалось в другой части города, но дорога до него не стала особо долгой. А там, спеша по коридору, Людвиг достиг кабинета ди-

ректора.

– О, я вас очень ждал, – после приветствия сухо сказал Вернон Де Капруа. Причём по лицу и голосу этого человека было не понятно недоволен ли он или ему всё равно. Но его посетителю вот уж точно всё равно не было.

– Простите, но так иногда бывает. Порой одна минута кардинально меняет всю цепь дальнейших событий, – с улыбкой произнёс Людвиг, вспоминая про свой вчерашний отказ действовать поспешно. Жизнь и правда становится совсем иной, если не действовать сломя голову.

– Я бы с радостью обсудил с вами эту тему, но до двенадцати я обязан отправить все заявления в королевскую канцелярию, – добродушно усмехнулся Вернон Де Капруа и протянул в сторону виконта лист. Однако, Людвиг уверенно отодвинул его обратно.

– Причиной моего визита сюда является желание выразить вам благодарность за готовность проявить участие в жизни моего семейства. И всё же мой старший мальчик ещё не достиг подходящего возраста, так что я принял решение отложить его поступление в кадеты до следующего года.

Глава 11

Как удивительна и парадоксальна бывает жизнь! Пока Людвиг Верфайер, виконт Даглицкий, выезжал из столицы на тракт и мягко улыбался, разглядывая пёструю открытку, что держал в руках, в его доме царило совсем иное настроение. Нет, никто там не чувствовал себя окрылённым и спокойным. Никто не ощущал, чтобы с его души свалился огромный камень.

О, если бы только в своей спешке Людвиг не забыл или вообще подумал сказать Анне Златовой о новом решении оставить детей при себе минимум ещё на один год!

Но Людвиг так торопился. Его тревожило, что Сириус Ван Отто из-за него побеспокоил стороннего человека. Для него было невозможно не прийти к Вернону Де Капруа своевременно и не объяснить. И оттого только Вернон об этом его решении и узнал. А человек это был военный, малообщительный и совсем не болтливый. Так что... о том, что привело в благоприятное настроение Людвига знал только сам Людвиг. И никто кроме него.

Так вот, стоило лорду отъехать от дома, как дети проснулись. Они вяло поднялись с пола. Тела их затекли и в целом они чувствовали себя неважно. Головы у них кружились, их подташнивало, есть им ничего не хотелось. Витька даже чих-

нул и вытер рукавом нос. На ткани осталось влажное пятно.

– Простыл? – обеспокоился Виталик.

– Не-а, – ответил Витёк и снова чихнул. Сопли аж на метра два отлетели и попали прямо на подол платья миссис Анны Златовой, как раз вошедшей в комнату.

Экономка сурово поглядела сначала на свою одежду, потом на детей, потом снова на одежду и высказала:

– Вам уже следует знать, что при чихании рот и нос прикрывают платком.

Витька тут же сконфузился и начал рыться по карманам в поисках платка. Экономка смотрела на его старания с некой безразличностью. Причём такой, какую при жизни леди Мари никогда бы себе не позволила. Эта женщина уважала свою почившую хозяйку, но к детям полностью переняла отношение лорда Верфайера. Последнее было связано именно с её прагматичным умом. В какие-то моменты ей, конечно, становилось жаль сирот, хотелось защитить их, но она всегда помнила, кто оплачивает её труды. И самый лучший способ остаться у дел в любой ситуации это полностью разделять мнение своего господина, а не поучать его жизни. Разумная точка зрения в общем-то. Но мальчикам от этого не стало бы легче, даже пойми они всю подоплёку поведения Анны.

– Вы сегодня очень долго спали. Уже двенадцатый час, – с порицанием начала говорить женщина. – Его милость ждал, что вы проснётесь и проводите его как положено хорошим сыновьям. Он очень хотел попрощаться с вами и дать напут-

ствия, но вы так и не вышли из своей комнаты.

– Его милость уехал? – пролепетал Виталька.

– Да. Но он вернётся к десятому июня или около того.

Мальчики переглянулись, подумав об одном и том же – Грызень уехал, чтобы их, убийц, не видеть!

Они не слышали той части разговора на кладбище, когда Людвиг Верфайер Старший приглашал сына домой, и сделали свой собственный вывод. Им было привычно, что отчим всё ставит им в вину. Вот они и посчитали, что в смерти ма-тушки он винит именно их и их дурное поведение. И мно-го чего братья могли бы сказать в своё оправдание, запла-кать слезами на землю свои объяснения, но... уже некому. Грызень уехал. И их бросил. Их просто утешают, что он ещё вернётся. Не вернётся он. Не нужны они ему.

– А мы? Мы где будем? – прошептал Виталик, желая узнать, что же с ними сиротами дальше станется.

– Если ничего не изменится, то до августа останетесь в этом доме. После этого вам предстоит обучение в двух са-мых престижных заведениях нашего королевства. Так что в будущем не забудьте поблагодарить лорда Верфайера за его великодушие, – Анна обвела мальчиков строгим взглядом. – А сейчас приведите себя в порядок и идите в столовую.

Женщина вышла из детской. Её сухость стала новым уда-ром по нервам мальчуганов. Им теперь даже дышать стало боязно! А ведь это не всё. Под вечер их ещё и страшила Си-риус заставил спуститься к нему в гостиную. Чего ему толь-

ко от них надобно было? Дети вовсе не понимали. Но ледяной взгляд, которым он их окинул, не предвещал ничего хорошего. Затем, вскользь задавая какие-то вопросы, мужчина ошупал детские руки и плечи, уделяя особое внимание худенькому Витьку. Малыш от этого аж заикаться стал, а более старшему и крепкому Витальке пришла в голову мысль, что их рассматривают как баранов на базаре. Ему было крайне неприятно и противно. Настолько, что, когда братья остались наедине в детской, он прошептал:

– Бежать нам надо, Витёк. Бежать.

– Эх, была бы жива матушка, братец! – воскликнул Витька и едва снова не расплакался.

– Да. Была бы она жива, – подтвердил Виталька и задумался. – Вить, а Вить?

– Что?

– А некромантия это что такое? Мёртвых вроде как оживлять?

– Ага. Пакость непомерная. Грех. Ты что, жреца на службе никогда не слушаешь?

– Да трещал бы он чего там разумное али вразумительное! – кисло поморщился мальчик и поразился. – Вот скажи, какой же это грех мёртвого живым сделать? Это же чудо! Жития святых о том говорят.

– Не знаю. Вроде как некроманты не просто оживляют, а какими-то жуткими тварями мёртвых делают. А чего ты вопрошаешь?

– Как чего? Вспомни, как мы опосля огня в лаборатории за морковкой на кухню крались, – для большей значимости Виталька поднял указательный палец. – Помнишь, Грызень Страшиле тайник свой показывал?

– Ага, помню. Мы ж его на другую ночь расковыряли. Па-кость там такая лежит, тьфу-тьфу-тьфу!

– А если нам, – загорелись идеей глаза мальчика, – матушку оживить?

– Маму? – с надеждой произнёс Витёк, но засомневался. – А чего Грызень тогда такого не сделает?

– Потому что Грызень он проклятуший. Вот почему! – уверенно заявил Виталька. – Ему бы всё нас мучить. Ради такого и матушки не пожалел.

Вот так. Оба мальчика зашушукались, а после полуночи с предельной осторожностью спустились на первый этаж и, открыв тайник, достали книги. Их было немного, всего две. Зато страшные и злые. Одна из них была маленькой, в обложке из чёрной чешуйчатой кожи, причём холодной как лёд, и застёгивалась на замочки в виде когтистых лапок. Вторая выглядела значительно массивнее, внешне чем-то походила на ненароком сожжённый трактат Грызня. Вот только на книге отчима не было никаких костяных вставок. И не удерживала её закрытой человеческая кисть.

– Фу-у, какая она сухая, противная, – потрагивая пальцем мумифицированную плоть, с неприязнью сказал Виталька.

– Мне моя тоже не нравится, – испуганно шепнул Витёк. –

Давай их обратно положим, а братец? Мне кажется, эти лапы скребут меня, когда я книгу к себе прижимаю.

– Не распускай нюни! – пригрозил Виталик и даже кулак показал. – Сейчас тайник закрою и пошли наверх. Вдруг Грызень всё же вернётся? Пока не приехал, надо нам найти заклинание верное. А там ничего он нам не сделает. Матушка как узнает, что он её воскрешать не захотел, заберёт нас с собой и уедем мы.

– Куда?

– А хоть в соседний город. В Барговерц. Слышал же Серого? Федюнька туда ушёл вроде как. А в дурное место наш Федюня не пойдёт.

Старший из братьев закончил ковыряться с тайником, но, перед тем как взять книгу, ещё раз гостиную внимательно оглядел – никаких следов не оставлено? Вроде никаких. Так что оба мальчугана, прижимая к себе древние книги, быстрым шагом направились в детскую. Там они покрывалом щель под дверью заткнули, зажгли свечи, сколько нашли, и принялись рассматривать свою добычу.

И что тут можно сказать? Хорошо, что на такие серьёзные магические фолианты всегда защита наложена, чтобы чей-либо любопытный нос на страницы не сунулся ненароком.

Однако, то ли насмешка богов тому причиной была, то ли демоны произдевались, а с попытки десятой у Витеньки открыть свою книженцию, тоненькую и небольшую, получилось. И вряд ли кто-то из рода Верфайеров хоть раз также

открывал Чёрную Книгу Дракона. Они-то, мужи мудрёные, целый ритуал проводили в определённую фазу луны. А шестилетний малыш без обрядов всяких так справился.

– Ну же. Откройся. Откройся же ты! – умолял Витька, стараясь изо всех сил. Аж пальцы покраснели от стараний. – Как же ты не понимаешь, глупая книга, мне маму воскресить надо. Мамочку!

Невидимый дух-хранитель книги, до этого беззаботно играющий на коврике, наострил ушки и змейкой юркнул на шею мальчонке. Ему было удобно там, ведь из себя этот невесомый дух представлял зелёного дракончика размером со взрослую кошку. Пользуясь хаосом Войны Драконов, некогда маги умертвили его прямо в яйце, а после навсегда привязали к книге.

«Мурм-мурм?» – даже попробовал сочувственно произнести дракончик, но его, конечно же, никто не услышал.

– Да неужели у тебя сердца нет? – продолжал чихвостить ни в чём неповинную книгу Витька. – Грызень же нас загрызёт совсем! Только матушка нам, сиротинкам, защита.

«Мурм», – печально произнёс призрачный малыш, с ужасом вспоминая, как его тельце разбирали на составляющие для книги. Выкрашенная в чёрный цвет шкурка на обложку ушла. Из лапок замочки сделали. Ах, как же ему мамочки тогда не хватало! Она бы его сохранила, сберегла.

– Ну откройся, прошу тебя. Пожалуйста!

После этих горячих слов Витька попробовал зубами креп-

ления разжать, а те вдруг взяли и расцепили свои коготочки. Дух-дракончик ласково потёрся о щёку мальчика.

«Мурм».

– Виталь, глянь только. Вышло!

– Угу, – с досадой буркнул старший из братьев.

Виталик был старшим и искренне считал, что ему первым открыть свою книгу полагается. Он же потому себе и выбрал этот огромный томище, а не мелкую чёрную тетрадку, чтобы потом перед младшим братом горделиво петухом ходить.

– Смотри как я её зубами. Больно, наверное, стало, так она и открылась! – продолжал восторгаться мальчонка, а потом жалко ему книжицу стало. Погладил он её ласково по обложке и сказал. – Прости, коли обидел. Я ж только заглянуть внутрь хотел. Мне ж не для интересу, а мамочку вернуть надо.

«Мурм», – понимающе произнёс дракончик и сбежал вниз с плеча, чтобы дальше на коврике резвиться.

– Я так свою не буду, – наотрез отказался Виталька, мрачно поглядев на мумифицированную руку Лариона-Мертвеца. – Она ж даже воняет никак. Совсем тухлая. И заразная, верно. Не иначе Грызень её в какой-нибудь сточной канаве отыскал и сюда прилепил.

Дух-хранитель книги, являющийся некогда одним из самых великих некромантов сего мира, оскорблённо насупился и возмущённо скрестил обрубки рук на груди. После чего, не иначе как решив, что пусть кое-какому дураку с длин-

ным языком достанется на орехи, злорадно шепнул что-то. Мёртвая плоть тут же разжала хватку и фолиант, начав сам собой перелистывать страницы, остановился на нужной.

Оба мальчугана тут же уткнулись носами в записи, время от времени пихая в бок друг дружку.

Кстати, что-то мы упустили из виду Эдварда Рейца, а ведь это очень важный персонаж для нашей истории. Правда, персонаж всё равно второстепенный, но жаль, что сам он об этом никогда не узнает. Почему жаль? Да потому что несмотря на свои честолюбивые планы, человек это был самовлюблённый. Он считал себя умнее, смыслёнее, обаятельнее, ловчее и даже красивее всех, кто его окружал. И, как вы понимаете, считал напрасно. В сущности, это был весьма недалёковидный мужчина, который если и был в чём хорош, так это в создании благоприятного мнения о себе. Все свои ошибки он умело перекладывал на другие головы, зато чужие удачи с лёгкостью приписывал своему профессионализму. Именно эта его особенность привела к тому, что работать над Людвигом Верфайером Младшим поставили его, а не кого-либо другого, более достойного. Обманулись там выше.

– Плохие новости, шеф, – подошёл к нему Семён и цокнул языком.

– Говори.

Эдвард посмотрел на помощника с таким неодобрением, как будто тот лично был виноват в этом чём-то нехорошем. Но на деле единственной виной бородатого мужичка-служки являлось, что он обратился к шефу, когда того плохое настроение мучало. Эдвард понимал, что провалил возложенное на него задание. Он искренне рассчитывал, что попытки завербовать Людвиг Пламенного принесут положительный результат, но... нет, ничего не вышло. И, наверное, надо было послушать одного из друзей, посоветовавших ему не совать нос в это дело. Тот с лёгкостью рассудил, что нечего подполью виконту Даглицкому предложить. Деньги, на которые тот клюнул, были временным стимулом. Титулом соблазнить? Так он и так, как батька помрёт, графом будет. Поэтому его неким переворотом искушать бесполезно. Это прискорбно честный, верноподданный гражданин своего королевства. Про власть нашептать? Так не рвётся он к ней, иначе бы давно по стопам отца пошёл. Бабой заманить? Есть уже у него жинка, да такая, что сразу понятно, новая любовь виконта не интересуется. Мечь приплести? Нет, не держал ни на кого Людвиг Пламенный обид смертельных, да и вообще характер ему достаточно мягкий достался. Такому целая беда врагов создать...

Вот именно фраза про мягкий характер и натолкнула Эдварда на мысль, что он справится. Но на деле вышло иначе. Шантаж – единственный выход, что оставался. Однако, Эд-

варда сразу предупредили, что шантажом другой человек заниматься будет, и чтобы в эти дебри он ни в коем случае не лез. Вот так. Значит, кому-то другому все сливочки достанутся, а ему позорно провал терпеть. Даже свалить вину на этот раз не на кого!

Смутно Эвард ещё надеялся, что, передав просьбу Людвигу об отсрочке, сверху к нему придёт категоричный отказ. Тогда, быть может, вышло бы у него провернуть первый ход в принуждении силой самостоятельно. И показав всем, какой он мастер, Эдвард стал бы работать над Людвигом далее. Не хотелось ему к прежней должности возвращаться... да ещё имея грандиозный провал за душой. Долго потом не возвысят.

– Ну-с, мы, как и полагается, значит, наблюдали исподтишка, – начал говорить Семён. – Так что можете писать подтверждение, был он в кадетском корпусе.

– И чего тут плохого?

– Здесь ничего, но потом он из города уехал.

– Как уехал? – обомлел Эдвард так, будто лорд Верфайер клятвой на крови обязался лично уведомлять его обо всех своих планах.

– Вот я и говорю. Плохие новости. Через прислугу его поработали, так они говорят будто он в родной Арраур поехал недельки на две. Поэтому, может, и правда вернётся, кто знает? Но что-то мне слабо верится. По всему выходит, что мальчишек он договорился рассовать куды надобно, а

сам... – зло выговорил помощник и замолчал, давая собеседнику самому додумать фразу.

– А сам к отцу под крылышко схорониться задумал, – заскрежетал зубами Эдвард.

Ох, как же дурно мужчине стало! Ведь не справился с добровольным сотрудничеством. Не справился даже с тем, чтобы маг вампиров нужных создал! Весь месяц Людвиг только по мелочёвке самой работал, пока Эдвард подходы к нему нащупывал. А теперь вот такое... Не-е, он этого вредного самоуверенного типа не отпустит! Это же как его начальство взгреет, если узнает, что некромант из города сбежал, а Эдвард только сообщить о том может!

– Мы его вернём, – заявил он.

– Да как же мы его вернём? Он в полдень уехал, а уже вечер.

– Я сказал вернём, значит вернём! – погрозил мужчина пальцем прямо перед глазами собеседника.

После этого он накинул на себя сюртук и, плотно сжав губы до узкой черты, отправился на улицу. В доме было душно, а для мыслей ему требовался свежий воздух. Размышлять ведь над вещью жуткой проходило. Тут либо пан, либо пропал. Коли совсем лорду Верфайеру плохо сделаешь, так начальство его самого сживёт со свету. Уж больно оно в этом гаде заинтересовано. Да и то верно, некромант это хороший. Вообще некроманты редкость, а этот всамделишный специалист. Такого вампира из той бабы сотворил, что залю-

буешься! Магическая охрана её присутствия напрочь не чувствует. При жизни-то грязная попрошайка какая-то была, а теперь убийца такая, что ого-го! И поводок правильный на неё навесил. Такого Рейц никогда не видывал. Вампирша рычит, зубы острые скалит, а возьмёшь вольт в руки и управляется легче лёгкого. Эдварду разок дали попробовать поуправлять. Он долго хохотал, что такая опасная тварь по его приказу по полу ползает и доски языком лижет. Смешно было... Да только не также смешно будет, коли больше ни одного вампира не сможет создать лорд Верфайер!

Эдвард ведь почти сразу понял зачем начальству дети-вампиры. Загадка, как у него на такое размышление мозгов хватило, но он угадал. А потому обладал почти что достоверным пониманием, как сильно нужен их тайному обществу Людвиг Верфайер. От того, пойдёт ли он на сотрудничество, зависело многое. А, значит, и действовать сейчас мужчине следовало с умом.

Отпустить? Вдруг вернётся?... А вдруг не вернётся? Как тогда его из родового замка выцепишь? Не пасынками же ему ненужными?

Попробовать вернуть? Почувствовать вкус славы? Получить благодарность и давно желанную награду?

... А если провалится задумка?

«А если провалится, – решил незадолго до рассвета Эдвард Рейц, – чего дурного мне с того будет? Я уже проиграл. Я ничем не рискую».

Размыслив так, этот человек принялся клепать донос в инквизицию, не забывая снабжать записи достоверными и убедительными репликами. Семён говорил верно, самостоятельно у Эдварда Рейца дотянуться до Людвига уже не выходило, поэтому он предпочёл действовать через третьи руки. И, стоит отметить, не единожды такие писульки Эдвард строчил, чтобы не быть прекрасно осведомлённым, что же будет дальше. Уж его-то послание как наговор никто не выбросил бы в мусорную корзину.

«Само собой, первым делом инквизиторы обыщут дом, – хладнокровно рассуждал мерзавец. – И не бывало ещё, чтобы в доме мага никакой подозрительной атрибутики не нашлось. Так что они быстро сообщением какой-либо карательной команде близ родового замка Верфайеров отправят. А дальше эта команда Людвигу Младшему устроит допрос, но он выкрутится. Непременно. Чай не сельский колдунишка, а всамделишный лорд, да ещё профессор Академии магических наук. В конце концов, как иначе в присутствии Людвига Старшего-то? Однако если ему захочется до конца очиститься, то придётся ему в столицу вернуться и лично Великому Инквизитору по каждому предмету пояснения свои дать... и вот тут-то он и попался гадкий аристократишка!».

Эдвард Рейц даже довольно потёр ладошки. К нему ни на миг не подкралась мысль, что такой солидный человек, как Людвиг Верфайер, виконт Даглицкий, не додумается ни до чего лучше, окромя как всю компрометирующую его атри-

бутику под домашним камином держать. На такое, как намекал другу некогда Сириус Ван Отто, даже глупец из глупцов никогда не решился бы.

Но вот беда. Не знал Людвиг, где ещё хранить книги. Он вырос в огромном замке с уймой секретных лазов и потайных комнат, а потому ему элементарно не приходило в голову более удачное место нежели собственный дом. Ему чудилось, что если он попытается спрятать своё имущество где-то ещё, то таинственное далёко всенепременно посетят воры или же кто-нибудь случайно наткнётся на достояние его предков и утащит. А потерять рукопись Лариона-Мертвеца или Чёрную Книгу Дракона виделось некроманту в пятнадцатом поколении жутким позором!

А между тем духи-хранители этих самых книг с ехидным интересом наблюдали до чего могут докопаться два малолетних профана, один из которых к магии вообще непригоден... Ладно. Вовсю наслаждался своей каверзой только один из них – Ларион. Зелёный дракончик всё также беззаботно бегал по комнате и вовсю пытался играть с Витьком, никак его не видящим и не чующим.

Хм. Простите за отступление, мои дорогие читатели. Автор же про Эдварда Рейца толкует.

Так вот, мужчина дописал свой донос, но благоразумно положил его во внутренний карман сюртука. Людвигу Младшему требовалось пять дней, чтобы доехать до своего замка, и, значит, кое-какое послание должно было отправиться

в инквизицию только на третий из них. Не раньше. Ни к чему, чтобы карательный отряд всполошил графа Даглицкого несвоевременно. Иначе бывший обер-камергер найдёт способ предупредить сына, и некромант избежит ловушки. А Эдварду нужно было иное.

От предвкушения победы мужчина даже повеселел.

– Чего-то надумали, шеф? – тут же полюбопытствовал Семён.

– Нет, – солгал он. – Так, разнюхал кой-чего. Вернётся Людвиг и без моего участия.

В конце концов, мало ли кто донос написать и отправить мог? Чего на себя-то всё сразу валить? Вон, на этого дурака-помощника спихнуть можно будет.

Глава 12

Думаю, вы прекрасно способны представить до каких великих изысканий могут докопаться двое нетерпеливых мальчишек, скудно-бедно выучившихся читать. Кроме того, не забывайте, что фолианты изобиловали архаизмами и... о, кстати, да. Отличный пример! Кто не знает, гляньте по шустрому в словарик, что означают архаизмы и представьте, что такого рода слова (в смысле, ни единым слогом не понятные) встречались мальчишкам по нескольку раз кряду на одной строке. Так будет доступнее получить представление, какая беспросветная каша творилась в голове братьев, из которых только один, единожды, сумел пролевитиовать битую для игры в городки и с тех пор никак и ни в чём не повторил свой подвиг.

– Братец, что-то мне страшненько так, – боязливо жался Витёк к Витальке.

– Тише ты! – шикнул старший брат на младшего. – Бояться раньше надо было. Поздно теперь.

С этими словами мальчуганы, пригибаясь, покинули коридор и выглянули из-за балясин лестничной площадки. Как они и предполагали, в холле маячила Анна Златова. Экономка торопила горничных, чтобы те завершали все свои дела поскорее, хотя время было не позднее – всего семь вече-

ра. Так она просто-напросто проявляла организаторский талант, собирая женскую часть прислуги в столовой. В отсутствие хозяина и хозяйки работы было совсем немного, челядь только изображала бурную деятельность, в основном просто слоняясь без толку. И экономке это до ужаса надоело. Она решила усадить женщин расшивать скатерть, чтобы и лени не предаваться, и при этом приятно побеседовать. Горничные, однако, от такой затеи искренне расстроились, кухарка выразительно промолчала, но дура-Марыська обрадовалась и уже поджидала остальных, выбирая из коробочки самые красивые нити. Не меньший энтузиазм проявил и дворецкий, который не возжелал остаться в стороне от предстоящего мероприятия. Переговорив с миссис Анной, он выбрал в хозяйской библиотеке томик с каким-то популярным рассказом и уже ходил взад-вперёд по столовой, прочищая горло – намеревался долго и выразительно читать вслух. Не отстал от компании даже лакей Павел, которого Людвиг не стал брать в дорогу (магу виделось, что, возможно, он в какой-то момент покинет карету и продолжит путь верхом). Павел сидел перед камином на пуфике и готовился слушать. Читать он не умел и ему было интересно, что там может быть в господской книге.

В общем, прислуга намеревалась заняться культурным досугом. А чтобы дети не мешали, их, как положено, накормили да после заперли на ключ, наказав не шуметь. Мальчишки слова не сказали против. Вообще, со стороны было уди-

вительно сколь послушными и тихими они стали после похорон леди Марьи Верфайер. Но слуги рационально списали это на тяжёлые переживания, а совсем не на боязнь, что кое-кого могут застукать за изучением книг по некромантии. Поэтому к концу третьего дня отъезда лорда челядь прониклась к мальчуганам искренним сочувствием и даже чёрствая Анна Златова старалась ласково улыбаться сиротам. Собственно, даже разговор у прислуги первым делом зашёл о мальчиках.

В любой другой вечер Виталька и Витька непременно бы постарались подслушать болтовню о себе, но на сегодня у них имелись иные планы. Ещё вчера ночью они соорудили два кривых наплечных мешка и принялись наполнять их всем, что только лежало в тайнике отчима. Дух-дракончик игриво пихал лапками каждый вытащенный предмет, но, будучи нематериальным, поиграть у него так и не получилось. Призрачный Ларион в то же самое время старательно прикрывал свои глаза сгибом то одной, то другой калеченой руки. Дело в том, что едва он это делал, как всё равно опускал обрубок не в силах оставить без внимания происходящее. После чего страдальчески поднимал взгляд кверху, словно умолял кого-то услышать его, не веря крутил головой и снова старался сделать так, чтобы не видеть творящегося безобразия.

– Вить, а нам точно всё это брать надо? – глядя на разложенные перед камином предметы, похолодел Виталик. Дох-

лая крыса, которую он некогда напоказ смело держал за хвост перед другими мальчишками, и близко не стояла с тем, что он видел теперь.

– Понадобится, – с уверенностью профессора магических наук солгал младший брат. Ему просто-напросто не хотелось признаваться, что он так и не понял о каких предметах в книгах идёт речь. Вроде бы, таких здесь вообще не было.

– Ну ладно. Тащим всё.

Так вот и вышло, что дети приготовились к побегу самым замысловатым из возможных способов. Они были одеты, обуты, несли за спинами мешки, за содержимое которых некоторые люди продали бы свою душу, но так как ноша стала ужасно тяжёлой, то из еды мальчишки захватили только самую малость. А ещё в кармане у одного из них лежали отмычка и нож. Другой захватил цветные восковые мелки и игрушечного щенка.

– Пора, – шепнул Виталька.

Дети быстро и бесшумно спустились по лестнице. Затем, не мудрствуя особо, вышли через главный вход, открыв дверь так, чтобы не зазвенел колокольчик. Ну, а дальнейшая дорога на «Вознесенское» кладбище была им уже знакома. В эту ночь она даже приятной им показалась. Было не так темно, не так холодно, да и не за чётками малахитовыми чай подались – маму, мамочку родную из лап смерти вызволять.

Глупо ли это было?

Да, глупо.

Но зато это такая глупость, на которую далеко не всякий отважный взрослый пойдёт. Силы духа не хватает. Веры не найдётся. И поэтому даже Ларион-Мертвец тяжело вздыхал, глядя на двух маленьких дурней. Ведь и правда верили. Искренне верили, что чего-то у них получится. И при этом ни богатство, ни власть, ни могущество их не манили, а всего лишь желание. Самое обыкновенное и самое простое желание на свете – почувствовать тепло ласковых объятий.

Вот так. Да, всё именно так и никак иначе. И Ларион-Мертвец с высоты прожитых им столетий внимательно смотрел на спешащих к кладбищу улыбающихся мальчишек, крепко держащихся за руки, и горько думал: «Страшно. Страшно, когда дети ищут такое у мёртвых, а не среди живых».

Сириус Ван Отто, барон Шлейфтерский, спешил так, что не удержался и, выглянув из окна кэба, грозно потребовал:

– Гоните быстрее!

– Но, господин...

– Двойная плата! Тройная!

Извозчик был жаден до денег, поэтому экипаж значительно ускорил ход. Он буквально-таки летел по мостовым. Колёса стучали о камни и, казалось, вот-вот сорвутся с оси. Прохожие оборачивались кэбу вослед. Подобная скорость была

неприличной, возможно, следовало уведомить жандармов.

– Ещё быстрее! – требовательно стуча тростью по потолку, выкрикнул Сириус.

Если бы лошади не мчались так быстро, то извозчик позволил бы себе удивлённый взгляд назад. Что там у его пассажира случится такое могло? Не преследуют же их вроде. Но поступать так в настоящий момент было чистой воды безумием, а потому глаза его смотрели только вперёд.

– Тпру! – наконец-то смог он придержать животных.

Господин, намеренно столь сильно накренивший шляпу на лицо, что оно было совсем не видно, как только вышел из кэба сразу швырнул извозчику самый настоящий золотой. После чего суетным движением поправил лежащий на сгибе руке синий плащ и приказал категоричным тоном:

– А теперь прочь отсюда! Вы меня никогда не видели.

Собственно, ничего-то возница в самом деле не разглядел. Да и не хотел разглядывать! Жизненный опыт заставил его взять поводья и уехать с улицы не менее быстро, чем он доехал до сюда.

Если же писать про Сириуса, то, едва кэб отъехал, барон сунул свою трость себе подмышку и до неприличия быстро дошёл до ближайшего поворота. А там он, прямо на ходу, применил заклинание, ненадолго рассеявшее его силуэт до смутных очертаний. После чего, используя мгновения с толком, поспешно накинул плащ изнаночной серой стороной наружу и, как только повернул за угол, сразу умерил шаг. Те-

перь трость Сириуса мерно стучала по мостовой, и признать в нём столь странно ведущего себя мужчину стало крайне проблематично. Так что до дома Людвиг Верфайера директор королевского интерната дошёл никем не уличённый в безобразном поведении.

А дальше, останавливаясь у порога, Сириус Ван Отто резко дёрнул за шнур звонка. И ещё раз где-то через минуту, но слуги отчего-то задерживались с приветствием. Поэтому он позволил себе войти внутрь так. Обстоятельства требовали перестать тратить время на пустые ожидания.

Внутри холла оказалось пустынно, лишь со стороны гостиной спешили экономка и дворецкий.

– Простите, Ваша милость, – торопливо произнёс последний. – Мы совсем не ожидали гостей в такое время.

– В таком случае вам следовало запереть дверь! – грозно рявкнул барон и прислуга недоумённо переглянулась. Они-то знали, что дверь была заперта.

Сириус тем временем снял с себя шляпу и потребовал:

– Немедленно принесите большой саквояж или что-то наподобие его и оставьте у дверей гостиной.

– Что-то произошло? – забеспокоилась Анна Златова.

– Полагаю, вскоре вы узнаете, что произошло, но, надеюсь, вам хватит ума держать язык за зубами.

Он так холодно поглядел на экономку, что та мгновенно сникла. А затем женщина, сделав книксен, поспешила выполнить странный приказ. Удовлетворённый её суетой Си-

риус направился в гостиную. Там он плотно закрыл двери как в столовую, так и в коридор, да подошёл к камину. По счастью, в отсутствие лорда прислуга камин не разжигала (время было летнее, им не виделось в этом нужды), и из-за этого барону не пришлось обжигать руки. Он был магом воздуха, и огонь не был с ним так ласков как с Людвигом. Однако, каково было удивление мужчины, когда возникший перед ним тайник оказался полностью пуст!

– Ничего нет? – ошарашено произнёс он.

С несколько секунд постояв неподвижно, словно статуя, Сириус Ван Отто напряжённо размышлял – мог ли друг забрать с собой свой опасный секрет? И логика подсказывала, что никак нет. Виконт Даглицкий был для этого излишне беспечен, недаром даже накануне сознался, что никуда не перепрятал атрибутику.

– Проклятье, Людвиг. Тринадцатый тебя раздери! Да что тут у тебя произошло? – в отчаянии воскликнул Сириус и, приведя тайник в порядок, решительно направился к выходу из гостиной. При этом, прежде чем выйти в коридор, он в бешенстве чрезмерно резко распахнул двери и тем едва не сшиб с ног Анну Златову, тревожно прижимающую к себе большой саквояж.

– Где мальчики?! – рявкнул он.

– У себя. Спят.

Сириус со всех ног бросился вверх по лестнице. Экономка поспешила за ним.

– Погодите, Ваша милость! Они заперты. Ключи у меня.

Ему пришлось дожидаться женщину, и они вместе направились к детской. Комната оказалась не заперта.

– Ах они... – не договаривая воскликнула миссис Анна Златова, понимая, в какую проблему выливается такое обстоятельство. У неё была прекрасная память. Она сама закрывала на замок эту дверь и видела, как дворецкий запирает входную!

– Да. Вот вам и они, – задумчиво проговорил Сириус, в кой-то веки на собственном опыте понимая, что имеет в виду Людвиг говоря, что сроду таких проблемных детей не видел. Детская была пуста. Все атрибуты по некромантии исчезли.

– Немедленно обыскать дом! – грозно потребовал вмиг побледневший барон, а сам на ватных ногах спустился в холл и, сев там в кресло, сцепил руки в замок на уровне лица.

«Итак, кроме детей и прислуги опустошать тайник никому. Это никак не мог быть Людвиг, – принялся рассуждать директор королевского интерната. – Попробуем пока исключить детей. Могли ли воспользоваться моментом отсутствия хозяина эти бездельники?».

Обведя глазами пространство, Сириус размыслил: «Нет. Забрав такое из тайника, ни один человек в здравом уме не останется на месте. Он сбежит. А вся челядь сидела в столовой и хорошо проводила время. Я видел горничных, вышивающих скатерть, дворецкий вышел встречать меня в холл

с книгой в руках, а, значит, они здесь ни причём. Это дети. Именно дети».

– Ваша милость, на первый взгляд дом пуст! – с испугом в голосе сказала Анна Златова, получив сообщение от последней из горничных. Вся прислуга, пребывая в полной растерянности, собралась в холле и ждала, чтобы им хоть что-нибудь объяснили.

Сириус не отреагировал на слова, а продолжил думать: «Похитители – мальчики. Но зачем детям столь опасные атрибуты? Они сбежали и хотели их продать? Их заставили их вынести? Или... Да, скорее всего именно это! Они потеряли мать. Надо исходить из этого».

– Когда вы в последний раз видели мальчиков?

– Марина забрала их подносы с ужином незадолго до семи вечера.

Барон перевёл взгляд на часы – без пятнадцати восемь. Видимо, он опоздал всего на несколько минут, но... почему опоздал? Его целью было избавиться от улики, а их сейчас нет в доме и это хорошо. Вряд ли по дороге к кладбищу с детьми что-либо приключится, этот квартал тих и спокоен. А, значит, можно смело идти туда, чтобы наказать паршивцев со всей надлежащей строгостью!

– Хорошая новость, – вслух сказал Сириус и поднялся с кресла. – Тогда сделаем так. Когда к вам в дом явятся незваные гости, то на отсутствие мальчиков вы скажете им, что они сбежали и вы незамедлительно отправили мне сообще-

ние с просьбой о помощи. Для этой цели я заходил сюда и уже ушёл.

К концу этой фразы директор королевского интерната надел на себя цилиндр и был готов вот-вот выйти из дома, но тут его глаза через щель в занавесях уловили движение стоящего по ту сторону улицы человека, одетого в приметный бело-красный плащ инквизитора.

– Простите, Ваша милость, но объясните, пожалуйста, что случилось? – взмолилась Анна Златова.

Он не ответил, а вернул цилиндр обратно на полку, повесил плащ и уставился женщине прямо в глаза. У него в мыслях не было пугать её, но ему надо было сосредоточить хоть на чём-либо взгляд, чтобы соотнести ситуацию с дальнейшими действиями.

«Так, до конца обыска меня отсюда не выпустят, – определил первое обстоятельство Сириус и продолжил размышления. – Во что это может вылиться? Я могу упустить след детей на кладбище... О нет, если я сообщу, что дети пропали, то инквизиция может сообщить об этом жандармерии или, ещё того хуже, начнёт поиск сама! Ни в коем случае причиной моего присутствия здесь не может быть их внезапное исчезновение!».

– Карточку для сообщений. Быстро!

– Ваша милость, я прошу вас сперва...

– Быстро, если не хотите попасть на допрос к инквизиции!
Анна Златова тут же приподняла юбки и со всех ног бро-

силась в кабинет Людвига. Реакция женщины впечатлила Сириуса, и он пообещал себе в будущем внимательнее присмотреться к этой особе. Но покамест у него других проблем хватало с лихвой.

– Если не хотите лежать на раскалённой решётке или почувствовать, что такое четвертование, то слушайте и слушайте меня внимательно, – пристальным взглядом обводя присутствующих, процедил директор королевского интерната. – Сегодня вы получили сообщение от Его милости и согласно ему в три часа по полудни отправили детей вслед за ним в родовой замок Верфайеров. В Арраур.

– Но такого сообщения не было! – воскликнул дворецкий.
– Уже есть.

Взяв протянутую экономкой карточку, Сириус провёл над ней ладонью, старательно выжигая буквы почерком друга. Как хорошо, что они столь часто переписывались во время его странствий! Ему был прекрасно известен каждый завиток. Кроме того, именно так предпочитал составлять письма Людвиг Младший. Виконт Даглицкий не особо любил чернила. Ему было проще писать огнём.

... Это бедный маг воздуха аж вспотел от усилий!

– Держите и положите так, чтобы было понятно – вы не только что её получили, – протянул он карточку миссис Анне. Женщина снова ненадолго скрылась в кабинете.

– Лорд Верфайер просил меня присмотреть за его домом, и сюда я прибыл именно по этой причине. Скажем, вы, – он

снова поглядел на экономку, – обнаружили кражу и вызвали меня. Пусть сейчас же пропадёт что-либо ценное! Тот, кто спрячет это у себя, получит сорок золотых монет и место прислуги в моём родовом имении!

– Я! – тут же вызвался лакей и растеряно осведомился. – Только что брать-то?

– Хватай золотую статуэтку из кабинета и прячь! – первой додумалась горничная.

«Видимо, давно её себе присматривала», – с недовольством вскользь подумал Сириус.

– Теперь последнее указание. Чтобы вам ни говорили, чтобы ни пытались донести, чтобы ни обещали, помните – всего одно неосторожное слово и все мы здесь отправимся на допрос.

– Всем ясно как себя вести? – грозно осведомилась вместо него Анна Златова, и вся челядь одновременно утвердительно кивнула. Это устроило Сириуса, и он сказал:

– На этом всё. Ведите себя как можно естественнее.

После этих слов он подошёл ближе к двери в кабинет, по новой обвёл всех присутствующих ледяным взглядом, и, едва успел принять более-менее подходящую для возмущения позу, как входная дверь рывком открылась. Холл сразу наполнился уймой людей в бело-красных плащах. Горничные испуганно взвизгнули, дворецкий прижал руку к сердцу, а бледный лакей, чудом успевший вернуться из комнат для прислуги, прижался к стене.

– Что здесь происходит? – нахмурил брови Сириус.

– Я Аврель фон Риверц, старший инквизитор, спрашиваю вас о том же? Кто вы и что это за собрание? – грозно спросил мужчина с сединой на висках. Глаза его горели фанатичным блеском.

– Я лорд Ван Отто, барон Шлейфтерский, – представился Сириус.

– А, директор королевского интерната магических искусств! Очень интересно, что вы тут делаете.

– Оказываю услугу своему близкому другу лорду Верфайеру, – ровным голосом и даже с недовольством ответил он. – Лорд Верфайер просил меня присматривать за его домом в его отсутствие, и сегодня здесь произошла неприятность.

– Какая?

– Кража.

– Кража чего? Говорите подробнее, лорд ван Отто!

– Золотой статуэтки. Экономка сообщила мне о происшествии, и я прибыл сюда выявить виновника. В тот момент, как вы вошли, мне как раз довелось собрать всю челядь в холле для опроса.

– Берёте на себя обязанности жандармерии? – свысока продолжил расспросы Аврель и вполголоса дал указание осмотреть дом на наличие иных персон.

– Я бы сказал, не желаю выносить на публичное обозрение столь деликатную проблему. Кража, совершённая собственным слугой, может служить поводом для неприятных толков

в обществе.

– И с чего вы уверены, что это был кто-то из слуг? – подозрительно сощурил глаза старший инквизитор.

Вот тут Сириус растерялся. Он не знал челядь Людвиг настолько хорошо, чтобы делать достоверные предположения, но тут на помощь ему пришла Анна Златова.

– Кража была совершена в промежуток между полуднем и пятью вечера, а в этот период в доме не было никого постороннего.

– Назовитесь, – жёстко потребовал Аврель фон Риверц.

– Я Анна Златова, экономка.

– И как вы столь точно определили время кражи?

– Около полудня пришло известие от лорда Верфайера, чтобы мы незамедлительно отправили его мальчиков вслед за ним. Поэтому я...

– Дети дома? – перебил её инквизитор, обращаясь к обследующим дом блюстителям чистоты магии.

– Вроде бы нет, сэр!

– Хорошо. Продолжайте.

Анна Златова недовольно поджала губы и продолжила:

– Я сразу положила карточку с указом в кабинет лорда Верфайера и точно помню, что статуэтка стояла на месте. Я ещё подумала, что сегодня день солнечный и оттого видно, как на ней лежат пылинки. Подобное неприемлемо для порядочного дома.

– Но указаний на уборку вы не давали до пяти вечера, –

скептически произнёс Аврель фон Риверц.

– Разумеется, – не приняла его тона экономка. – У нас маленький штат прислуги, а за короткий срок предстояло собрать в дальнюю дорогу двух молодых господ. Мне было важнее сперва позаботиться о них. Так что только после их отъезда и положенного по времени обеда я подозвала горничных, чтобы указать им на халатность, – голос Анны был сухим и выражал крайнее неодобрение. – Но статуэтки уже не было! Поэтому я незамедлительно отправила сообщение лорду ван Отто через почтового мальчишку, а сама собрала весь персонал в столовой. Чтобы никто не покинул дом, все мы сидели в одном помещении и в ожидании лорда вышивали скатерть. Вы можете сами увидеть. Наша работа ещё не убрана.

Дальнейший осмотр полностью подтверждал сказанное. Мальчиков не было, записка обнаружилась, скатерть присутствовала, а статуэтка, напротив, отсутствовала. О том, что она вообще там стояла, указывало лишённое пыли пятно на полке. И пусть оно было едва очерчено, но, глядя на него, Сириус окончательно убедился в непричастности прислуги к исчезновению опасных атрибутов по некромантии.

Стоит отметить, барон Шлейфтерский по пятам ходил за Аврелем фон Риверцем из комнаты в комнату, а потому увидел, что лакей глупо спрятал статуэтку под подушку. Вот почему он так быстро вернулся.

– Именно сюда? – искренне удивился Аврель.

Лакей Павел стыдливо опустил взгляд и плаксиво сказал:

– Да, господин. Ведь не умею я красть. Не умею! Сам вот не знаю, что в ту минуту нашло. Не иначе Тринадцатый мысли попутал. Словно нашептал, мол положи сюда и сбеги по ночи.

– Отправить его в жандармерию!

– Нет, – возмутился Сириус. – Давайте продолжим осмотр, а позже я сам накажу этого человека. Кража не дело инквизиции, а жандармов я сюда намеренно не вызывал, чтобы не делать это происшествие публичным. Дайте мне разобраться со всем более тихо.

– То есть присутствие инквизиторов вас не смущает? Именно кража волнует? – искоса поглядел на него Аврель.

– Разумеется. Мне довелось познакомиться с лордом Людвигом Верфайером, виконтом Даглицким, в тринадцать, и с тех пор мы с ним лучшие друзья. За долгие годы дружбы подозревать его в запрещённом искусстве у меня не было ни единого повода. За всё это время – ни разу.

– Даже за четыре года его странствий?

– Тем более за время странствий. Вам известно, что именно тогда его стали называть Людвигом Пламенным? И вы понимаете, о чём это говорит? Ни Поднимающим Мёртвых, ни Тёмным Властелином, ни Призрачным Червём... Простите, у меня даже воображение отказывается придумывать такие нелепые прозвища! – едко выговорил Сириус. – Он профессор стихии огня. Опытный талантливый пиромант, которо-

му пророчат будущее архимага. Я не понимаю, как можно подозревать его в такой низости как некромантия.

– Что же, посмотрим, что в других помещениях.

Доскональному досмотру подлежало всё. И тайник Людвига был выявлен. Пустой тайник. А потому он, к счастью, инквизиторов не заинтересовал. Наиболее дотошно рылись служители чистоты магии в лаборатории. Но уж там-то после пожара двухмесячной давности вообще ничего ценного не было. Сириус сам видел последствия. Всё выгорело так, что оставалось удивляться, как не сгорели и не угорели дети. А потому из всех непонятных предметов (и вот тут барон Шлейфтерский был готов проклинать друга!) обнаружилась лишь шкатулка. Она хранилась в ящике кабинета и наполняли её пряди волос, перевязанные грубыми нитями (вытащенными из погребальных саванов, так, между прочим).

– И вы хотите сказать, что это не атрибут чёрной магии? Лишь некроманты хранят подобное для своих мерзких ритуалов.

– Что вы? – невинно хлопая ресницами, разыграл удивление Сириус. – Лорд Верфайер всего лишь очень сентиментальный человек. Он хранит волосы всех дорогих ему людей. Поглядите, здесь и моя есть, – безошибочно ткнул он пальцем на каштановую прядь. – Я сам срезал её ему на память, перед тем как он отправился странствовать. Как раз после его выпуска из Академии.

После этих слов барон Шлейфтерский с ностальгией

вздыхнул и с умилением, какое вообще было только возможно для его сурового, исковерканного шрамом лица, поглядел в строгие глаза Авреля фон Риверца.

– Представляете, ах, он до сих пор бережёт её.

Часть

II

. Одни на свете

«Земля стонала и кипела. День превратился в ночь, и он тяжёлым стал. Болит так тело! Изранено оно давно, но боль души намного горше. Из стаи мало кто в живых остался в этот судный час.

– Прошу вас, выслушайте нас.

Стояли маги полукругом. Вперёд вдруг выступил один. Он не достиг ещё седин, но знать хорош был по заслугам, раз столь уверенно смотрел. Вот только смерть его удел. От смога солнца нет давно. Люди погибнут всё равно, не важно есть у них там смелость.

Однако, проявив надменность, дракон не стал мага жалеть.

– Что нам желаешь сообщить? Мы тратим время на тебя. Ты погляди, вокруг война...

– И в ней никак не победить!

– Никак ты смеешь...

– Я смею выбор предложить! Наш мир построен на костях тринадцати великих магов, их сущность тесно сплетена с тем, что вокруг. Но струны мира совсем иначе натянуть возможность есть. И тогда сила их оградит всех

нас от мук. Я говорю об артефакте, что сможет это совершить, его с народом вашим вкупе вполне возможно сотворить.

Дракон Архиаг не стал сжигать за наглость стоящего перед ним червя. Он захотел сперва размыслить, а потому сказал:

– Слова, слова. Такое было бы решением. О да, то ключ к решению бед! И потому я сожалею, но мысль ваша, маги, бред! Однако, всё же поясните. Мне интересно. Невтерпёж услышать чудо-аргументы, что верить заставляют в ложь.

И маги долго говорили. И долго им Архиаг внимал. А после языком он цокнул.

– Ваш план превыше всех похвал, – признать пришлось владыке неба. – Но жертва будет неравна. Ценою силы моей стаи станет стена возведена.

– А мы лишимся своих жизней. Призвать Тринадцать нелегко.

– Решайтесь! – маг его сподвигнул. – Не то умрём все.

...

– Хорошо.

Рукопись барда Энтони Дэ Воррингтона, найдена при обыске в 3 году от Становления Закона Божия.

Уничтожена по причине ереси

Глава 1

Шкатулку инквизиторы забрали с собой, и это было плохо.

«Значит, следствие пойдёт дальше», – угрюмо заключил Сириус.

Ему было неприятно признавать, но теперь Людвиг, что говорится, засветился. И пусть у барона Шлейфтерского не было сомнений, что друг сумеет сбросить с себя внимание инквизиции, но было бы лучше, чтобы шкатулку никто и никогда не видел. Пройди обыск безупречно чисто, виконт Даглицкий получил бы официальные извинения от блюстителей чистоты магии и имел бы куда как более безупречную репутацию нежели прежде. Но теперь, даже после признания невиновным, на него в случае какой-либо оказии могли косо глядеть и спрашивать про себя: «Не связан ли с этим делом лорд Людвиг Верфайер Младший?». А подобное, мягко говоря, было нежелательно.

– Что нам теперь делать? – тихо поинтересовалась Анна Златова.

– Делайте тоже, чем занимались до этого. Выполняйте свою работу и ожидайте возвращения лорда Верфайера, – начиная накидывать плащ, ответил он и пристально поглядел женщине прямо в глаза. – Или что? Разве в этом доме

что-то недопустимое или недозволенное когда-либо вершилось? Что вам мешает выполнять свои обязанности?

– Ничего, Ваша милость... Но как нам быть? Что теперь с мальчиками?

– Мальчиками я займусь сам и о произошедшем с ними сообщу лорду Верфайеру тоже сам. Вы получили сообщение, отправили детей и больше ничего об их судьбе не знаете. Сумеете это донести до остальной прислуги?

– Да, Ваша милость, – кажется, Анна Златова поняла, как ей следует вести себя с этим господином. Её лицо вернуло маску беспристрастности, а голос был лишён любых эмоций. В нём звучала только покорность.

– В таком случае, всего вам доброго, – Сириус на миг коснулся полей шляпы, а затем поглядел на лакея Павла. – Вас, молодой человек, я жду у себя в интернате завтра ровно в час пополудни. Вы получите своё вознаграждение, и мы обговорим ваше новое назначение.

Лакей понятиливо склонил голову. Сириус напоследок взглянул на напольные часы. Чтобы ни происходило в этом доме, они стояли на своём месте, мерно тикали, а стрелки их продолжали свой ход. И сейчас показывали, что время близится к одиннадцати вечера.

«Только бы на этот раз успеть, – пронеслась ледяная мысль. – Если дети Мари уйдут с кладбища, то найти их будет совсем непросто. Точнее, совсем непросто будет найти их так, чтобы никто лишний не узнал, что именно они вы-

несли из этого дома!».

На этом Сириус Ван Отто, барон Шлейфтерский, вышел на улицу и, прижимая к телу трость, поспешил на «Вознесенское» кладбище.

Как ранее писалось, сторож сего места вечного покоя был человеком старым и работу свою по холодному времени выполнял плохо. Но начало июня выдалось на редкость жарким, а потому эту ночь он рассчитывал провести как полагается. На рабочем месте. И первым делом старик, закончив обход во время которого не заметил двух скрывающихся от него мальчишек, принялся закрывать замок на воротах. Замок этот был новый, но простой, ибо сторож покупал его на свои кровные сбережения. Не хотелось ему получить увольнение и в последние годы жизни куска хлеба не иметь, вот и скрыл, что некто над воротами поглумился. Сам купил железяку мудрёную, сам ночью врезал. Пока вроде бы никто особо по поводу разницы не ворчал. А там... А там будь что будет!

Вот так, размышляя о бурной беззаботной юности и нынешней старческой дряхлости, сторож запер ворота и довольно упёр руки в бока. После чего положил ладонь на эфес тупого меча и устало присел на лавочку возле часовенки. Чего зря ноги туды-сюды таскать? Сейчас десять вечера. Новый обход через часа два-три сделать можно. А, пока, подремать бы.

Сторож прилёг и очень быстро засопел. Ему и думать не

думалось, что кто-то спешит в это место вечного покоя. А Сириус Ван Отто очень спешил. И ещё он знал, что ворота на кладбище будут закрыты. Однако, идти через территорию храма к калитке было для него глупее некуда – слишком уж личность барона была приметна для тамошних глаз. Воспользоваться путём уличных мальчишек, перебираясь через статую при входе, ему возраст и солидность не позволяли. Плавить замки, как Людвиг, он не умел. Но это не значит, что в арсенале мага воздуха ничего достойного не имелось. Едва мужчина убедился, что замок накрепко заперт, он осмотрелся по сторонам. Вокруг было пустынно. Поэтому Сириус перекинул через ворота свою трость и, не услышав иного шума, сложил ладони на уровне груди, словно молился, да ради лучшей сосредоточенности прикрыл глаза. Его силуэт тут же сделался полупрозрачным и постепенно принялся терять свои краски, пока полностью не исчез. Одновременно с этим по другую сторону ограды возникал контур человека, всё больше и больше походящего на директора королевского интерната. Астральное перемещение на небольшие расстояния давалось этому магу чрезвычайно легко.

Оказавшись внутри кладбищенской территории, барон Шлейфтерский первым делом осмотрелся, и взгляд его сразу уткнулся на тихо посапывающего на лавочке сторожа. Старик улыбался во сне. Но даже тени улыбки не было на лице Сириуса. Его необыкновенно чуткое восприятие магических энергий дало ему понять, что мальчишки как раз приступили

к какому-то тёмному обряду. У мужчины аж челюсть свело от испытываемых им ощущений. Поэтому он подошёл ближе к сторожу и замер.

«Если дети поднимут шум, то этот дурак не просто услышит их, он прибежит на крики и будет пробовать вмешаться. Или ещё хуже. Тайком понаблюдает издалека, чтобы запомнить меня, а после позовёт на помощь храмовников. Недопустимое обстоятельство! Скрыться от храмовников, забрав детей и вещи Людвиг у меня выйдет, но что делать с могилой Мари? Надо обязательно успеть привести её в должный вид, иначе проблемы с инквизицией станут глубже!... Нет, жизнь этого старика не та щедрость, что я могу себе позволить».

Сделав такой вывод, Сириус нажал на потайную кнопку своей трости. Из основания её тут же выпрыгнуло острое лезвие. Оно сверкнуло в лунном свете и вошло в шею дряхлого сторожа, только и успевшего что вздрогнуть да приоткрыть глаза. В следующую секунду тело его обмякло. Рука опустилась с лавочки и коснулась пальцами земли.

Виталька с Витьком пришли на кладбище раньше необходимого. Они, конечно, понимали, что не дело до закрытия ворот ритуалы проводить, но уж очень хотелось им улизнуть из ненавистного дома пораньше. Кроме того, они знали, что

прислуга будет занята и долгое время не выйдет из столовой. Момент был удачный, чтобы никто не хватился или случайно не застал их в холле. Так что ребята улизнули. Сразу, как только возможность появилась. Только вот где им ночи дожидаться? Куда им идти? Некуда. Одна перед ними дорога лежала, на кладбище.

На «Вознесенское» братья юркнули незаметно. Время было позднее, и только какая-то бабка при входе всё ещё продавала цветы. Она с улыбкой поглядела на мальчиков, оценив их добротную одежду, подивилась мешкам-рюкзакам, но, так как внимания они на неё не обратили, отвернулась. В поле её зрения появился иной кандидат на покупку. На улице завернул какой-то молодой человек, идущий под руку с хихикающей девушкой в соломенной шляпке.

– Купите барышне цветы! Свежие! – взмолилась торговка.

Не особо свежими цветы уже были. Вечер всё-таки, не утро. Но джентльмен не стал придирааться, а порадовал спутницу подарком. Та тоже изъяна словно бы не заметила, а широко улыбнулась. Влюблённая пара пошла дальше. Торговка, получив монету, тоже начала собирать свои пожитки. Вряд ли бы сегодня ей достался хоть ещё какой-нибудь клиент.

Виталька и Витёк тем временем ушли далече. Они почти обошли кладбище по периметру, пока не вернулись к часовне. А там пригнулись и зашушукались, наблюдая, как сторож закрывает ворота за посетителем. Не на замок ещё, а так на крючок. Просто чтобы открытыми настежь не стоя-

ли. С улиц порядочный человек уже не сунется, а задержавшийся в скорби сумеет выйти. После этого старик огляделся по сторонам, но взгляд его никого не заметил. Мальчишки даже дыхание затаили, но всё обошлось. А дальше хитрый дед пристроил травяной колосок меж створок так, чтобы сразу узнать, открывал кто-либо ворота в его отсутствие или нет, да пошёл на обход. Витька и Виталька поглядели ему вослед, обошли часовню по кругу и после направились к месту, где на широком пространстве между двух склепов, вдали от основных троп, находилась могила матери. Земля на ней была оранжево-красной, ещё не осела и не поросла зелёной травой. В изголовье стояло каменное надгробие, которое в последний день глубокого траура заменила бы скульптура. Букет свежих роз, которые муж покойной приказал менять каждый день, стоял в расписной вазе. И первым делом мальчишки отставили его в сторону, чтобы он не мешал им делом заниматься.

– Вить, – скидывая с себя заплечный мешок, задумчиво проговорил старший, до которого только сейчас кое-что дошло. – А как воскрешать будем? Копать надо?

– Не знаю, – растерялся свежее испечённый специалист по некромантии – трудно быть подкованным во всех вопросах, когда ты ростом чуть выше стола и шесть лет тебе всего-то.

– А кто знать будет? – сурово насупился Виталька. Он-то даже читал через пень колоду, а потому все тяготы познания фолиантов возлегли на младшего брата. И Витька, дабы не

терять лицо перед менее опытным коллегой, вовремя взял себя в руки и уверенно заявил:

– Не надо копать. Там же в книгах как сказано? Вкруг мёртвого. Значит, вокруг могилы всё расставлять надобно.

Ларион-Мертвец согнулся пополам от беззвучного смеха.

– Это хорошо. А то, где тут лопату-то сыщешь? – прям сильно-сильно обрадовался Виталька, но тут его радость и померкла – он углядел сторожа. – Тише. Ложись давай.

Оба мальчика распластались на земле так, что действительно незаметны стали. Траву на кладбище хоть и скашивали регулярно, а июнь, жара, так и растёт, так и тянется к солнышку. Укрыла она мальчигов. Лишь, журуя, пощекотала их щёки немного да местами осталась на камзолчиках. Прилипла.

– Ушёл вроде, – не сводя глаз с места, где он в последний раз видел сторожа, сказал Витька. Дракончик, шустро юркнув на его темноволосую макушку, встал на задние лапки. Призрачный малыш принялся внимательно вглядываться туда же, куда мальчишки, но его звериные глазёнки тоже ничего не углядели.

– Ушёл, – согласился Виталька и, с оглядкой приподнимаясь, спросил: – Ну что? Приступаем?

– Ага. Выручим мамочку.

– Как же она нам обрадуется, когда нас увидит!

– А потом и сестрёнку оживим. Ещё счастливее станем, – вошёл в раж Витька, уже представивший себе, как же здоро-

во будет такой большой семьёй жить.

– Агась. И сестрёнку. Аделюшку, – ласково произнёс Виталька и улыбнулся. Хорошее у сестрички имечко. Тёплое. Родное. Аделя.

Витька, ощущая себя героем из-за важности возложенной на него миссии, вытащил из рюкзака-мешка несколько листов бумаги. Это он всё самое главное на странички себе выписал. Записи были полны клякс и зачёркиваний, так как перерисовывать начисто показалось мальчугану излишней морокой. Чай господин Тихонов не стоял над душой, ничего не требовал. А ему самому и так всё яснее некуда. Вот. Сюда вот этим порошочком посыпать, чтобы линия получилась. Сюда вот...

– Лист лови!

Шаловливый ветерок унёс одну из страниц, положенную на землю. Невидимый дракончик насторожил ушки и с тихим рычанием бросился догонять беглеца. Даже обогнал Виталика и ухватился цепкой лапкой за бумагу, но... не мог он так просто воздействовать на объекты материального мира! А потому лист и дальше в воздухе закружился, покуда не запутался в ветвях орешника. Тут уж братья его сцапали и на место вернули. А чтобы не сбегал более, двумя камушками придавили. И принялись дальше узоры на земле выводить. Кривенько так. Ну, да как получалось. В конце концов, не говорилось в книгах, что на это специальные инструменты какие-либо имеются. На людей сведущих чтиво рассчитано

было. На таких, что и градусы из геометрии понимают, и по звёздам стороны света определить могут. И если умаявшийся дракончик прилёт на травку да беззаботным калачиком свернулся (ни дать, ни взять спит!) то предельно сосредоточенный Ларион-Мертвец с каждого движения ребят угрюмых глаз не сводил. И, наконец, не выдержал.

Дух-хранитель давно уже утратил тягу к тому, чтобы ехидно и по полной насмеяться над малолетними дурачками. Даже зачерствелому душой мастеру-некроманту смотреть на такую наивность в тяжесть стало. Ведь своими собственными руками мальчишки себе могилу роют. Всё неправильно делают! Всё не так! И ладно бы младший такой же как старший бесталанный был, но есть в его крови отголосок силы и силы правильной. Откликнется на его зов ворожба, и сама хозяйка-смерть за детьми явится. Умрут ни за что ни про что глупые! Да ещё такое тихое кладбище расшालят. Как же тогда в руки рода-смотрителя знания вернуть? Ведь уничтожат нынешние маги неразумные самое ценное для него. Мудрость, что он всю жизнь по капелюшечке копил, за секунды в прах обратят. А ведь ради сохранности их он даже свою плоть не пожалел и душу отдал.

Ларион-Мертвец скорбно покосился на рукопись, которую обязался оберегать всю свою вечность посмертную, и решил немного злоупотребить долгом. Превысить полномочия. Защитить ведь записи разными способами можно, может ему это и не аукнется?

Призрачный маг подошёл ближе, встал ровнёхонько над своей рукописью и стал поджидать подходящего момента. Такого, чтобы навсегда тягу колдовать без пройденного ученичества у дуралеев отбило.

Виталька и Витька между тем закончили расставлять предметы. Те, что покрасивше им показались. Не черепа же и кости, рунами расписанные, на матушкину могилу класть? Они и посимпатичнее вещицы выискали. Такие, что руками не так боязно трогать. А затем Виталька ножик достал и по пальцу провёл. Но жалко ему себя стало. Кожу так и не разрезал.

– Ты чего, Виталь?

– погоди. Боязно, – сознался мальчик и поджал губы.

– Нам же о душе знание надо. Тут без крови никак, надо капнуть. Ну хоть немножечко! Вот, давай я покажу как?

Витька смело взял нож из рук брата, но... сразу затрясся и передумал, сказав:

– А давай ты мне? А я тебе.

Препирались так ребята долго. То один хотел храбрость показать, то другой. А только резать себя ой как страшно. Кто решится, тот тут же передумает. Ведь ладно там ненароком бывает, когда палочку стругаешь поранишься. А тут не шухры-мухры – самому себя ножом полосовать. И потому мучительно долго бедный Виталька тёр себя по коже туповатым лезвием, пока всё ж не порезался. Ойкнул он тогда. И чтобы капель побольше на землю выдавить, стал палец мять,

а потом и в рот его себе засунул.

– Всё. Хватит этого, – сразу решил Витька.

– Не-а, ты тоже давай. А то вдруг мало, и матушку не вызволим из-под землицы?

Ничего не поделаешь. Надо, так надо. Вот только едва Витька руку за ножом потянул, как второй ладонью (сидел он) об осоку тиранулся до крови. Больше, чем у Витальки вытекло. Его аж гордость сразу взяла.

– Теперь уж точно достаточно.

Оба мальчика приподнялись на коленках, на луну посмотрели, а опосля ладошки свои на линии узора положили. Приготовились ворожить, значит.

– Начнём, Вить?

– Давай, братец.

Несколькими секундами ранее Ларион-Мертвец, не сходящий со своего места, принялся бубнить нечто вполголоса. Дракончик от звука его речи дёрнулся, зашипел, но ничем другим недовольства своего не выказал. А Лариону-Мертвцу до этой твари малоразумной дела не было. Не покушался он на его Чёрную Книгу. Свою оберегал. А этот змей пусть как хочет доверенное ему добро хранит!

Витька и Виталька аж рты пооткрывали от того, что вокруг твориться стало. Земля вокруг них вздыбилась, стенами колючими поднялась. Склепы задрожали и вороны, что там гнёзда вили, хрипло закаркали да в небо взвились. Травяной покров под телами ходуном заходил. Ни дать, ни взять кто-

то на покрывало мальчуганов посадил, да, взяв его за углы в четыре руки, в воздух приподнял и раскачивать принялся.

– Ой-те, братик, что-то не так, – залепетал Витька. Личико его от страха плаксиво сморщилось.

– Как не так? Мы же всё правильно делаем?

– Правильно. Но не так оно выходит чего-то окаянное!

У Витальки зуб на зуб не попадал. А тут ещё другая беда. Землица из матушкиной могилы водоворотом ввысь подниматься стала. И много её так. Так и вьётся в воздухе земляной вихрь! А меж песчинок розы вялые летают. Лепестки белые с них осыпаются. Могильным дождём падают.

Жуть.

– Ой, кто-нибудь помогите! – сразу заверещал Витёк.

– Мама! Мамочка! – заголосил Виталька.

А затем оба братца попытались на карачках пятиться. Да только где там? Земля шатается. Они назад, а она вперёд их бросает. Вот-вот в могилу забросит! А та уже вся раскопана силой неведомой.

– Витька, братец, спаси меня! – умолял Виталька.

– Помоги мне, Витальюшка! Помоги, родименький! – не менее слёзно просил младший брат.

Мешки их наплечные тем временем прямо в ямину покатились. И всё то, что старательно раскладывали они на ритуальном узоре, тоже туда провалилось.

– А-а-а! – пищали оба брата, но тут один из них – Витька, громче верещать стал. Что-то его цапнуло и потащило

за ногу. Оглядываться он побоялся, мало ли зверь какой-либо страшный вроде того, что видел он с Виталькой на «Вознесенском» однажды? А потому мальчик яростно отбрыкиваться принялся.

– А ну замри! И чтобы оба сейчас же кричать перестали! – грозно рыкнул на них кто-то знакомым голосом.

Тут уж Виталик и Витёк оглянулись. А лучше бы не оглядывались. Там такая рожа Сириуса-Страшилы злющая оказалась, что у них сердечки едва из груди не выпрыгнули от страха. Да только лорда ван Отто пинать Витенька застыдил, и из-за этого дал ему себя ухватить ловчее. Так что мужчина прижал мальчонку к себе крепко-накрепко и, вдруг, не стало ничего вокруг из того, что было. Смотрит Витёк и надивиться не может. Стоит он снаружи стен земляных, и вокруг мир и покой такой, что не верится. Даже криков Виталькиных не слышно. Так и кажется, что просто огородил некто могилку матери красноземельной оградкой высокой, а ничего за нею и не происходит страшного.

– Здесь стой! – ткнул пальцем себе под ноги жутко обзолённый Страшила, а сам ладони сложил, как будто молится, да исчез из виду.

– Ой-те, брате, – тут же застонал Витька и заплакал навзрыд.

Понял он, что это не Страшила был, а какой-то дух святой. Одного из них святой вытащил, спас, а второго там оставил. Никогда не увидать Виталика!

– Благие Двенадцать, молю всем, что есть только на свете. Спасите! Помогите! – горько запричитал несчастный мальчик. – Заберите руку, ногу! Да хоть сердце вырвите, а верните мне братца!

Услышали его боги видимо. И даже ничего взамен не потребовали. Снова дух появился обликом Страшила вылитый, а за плечо этот дух крепко Виталика держит. Бледен братец. На ногах едва стоит. Но это не страшно – живой, ведь. Живой! Витька к нему так и бросился. Обнял да в щёки расцеловал от радости.

Стена из земли красной тем временем опала да так, что каждая травиночка на своё место возвратилась. Ни дать, ни взять ничего не происходило. Лишь на могилке материной книжица одна лежать осталась. Чёрная. Та, что Витьке так понравилась. Он с ней даже спать вместе приноровился и прижимал к себе, как игрушку любимую. Остальное всё исчезло. Не иначе как в яму ушло и под землёй схоронилось.

– Витька! – произнёс старший брат и всхлипнул, от радости крепче к себе малыша прижимая.

– Виталька.

Хорошо тут ребятам стало! Как же здорово знать, что есть они друг у друга. Как хорошо, что их обоих родила матушка. Как бы они по одиночке жили да росли? И не представишь даже. Витёк иногда у брата, тот же постарше, спрашивал, какого ему было, пока он не родился? Но Виталик только плечами пожимал. Не помнил он уже. Да и чего о том пом-

нить? В памяти хорошее держать надо.

Вот только хорошее тут для братьев и закончилось. Вмиг осознал Витёк, что ошибся он. Не духа святого благие Двенадцать им ниспослали, а и правда ирода этого страшного, лордом ван Отто именуемого, лихо какое-то принесло! Не иначе сам Тринадцатый постарался.

– Как вы это сотворили? – первым делом после того, как он внимательно осмотрелся по сторонам, с искренним интересом потребовал разъяснений Страшила.

– Хотели...

Виталик заморгал быстро-быстро и вдруг разревелся. Думал он сказать, что хотели они матушку возвернуть, да только сразу осознал, что не вышло у них ничего. Пустой надежда оказалась. Порожней. И Витька это тоже понял. Так же носом по новой захлопал.

– Это вас лорд Верфайер научил?

– Нет, – гордо приподнимая подбородок ответил Виталька. – Как может научить тот, кому мы не нужны? Из книг мы узнали всё.

Страшила всмотрелся в каждого из братьев, будто хотел уличить их во лжи. Затем погрозил пальцем и строго-настроено наказал.

– Не смей сходить с места.

После этого он подошёл к могиле и обошёл её по кругу, вода по воздуху руками. Ауру чёрной магии сглаживал. Но Виталька и Витёк этого не поняли. Они смотрели на мужчи-

ну во все глаза и пихали друг дружку в бока – не сбежать ли? Затем, прекратив своё занятие, Страшила медленно и предельно настороженно протянул руку к оставшейся лежать на могиле тонкой книжице. Мальчикам даже смешно стало – чего он так с тетрадкой осторожничает? Они ведь не чувствовали того же, что чувствовал Сириус. А маг воздуха, хотя и не обладал истинным зрением, а потому призрачного духа-хранителя не видел, всё равно прекрасно ощущал исходящую от вещицы опасность.

Маленький дух-дракончик воспринял мужчину совсем иначе нежели детей, не менее бестолковых чем он сам. Его инстинкты говорили о том, что это колдун, на чьих руках много крови. Крошечные ноздри приняхались. Да, даже свежая есть. И от таких-то людей хранить книгу он и был поставлен. Нельзя отдать знание тому, кто не знает как его взять или использовать неразумно может. Нельзя признать хозяином первого подошедшего! Хочешь власти? Хочешь могущества? Так докажи, что ты его достоин!

Пальцы Сириуса были лишь в миллиметре от обложки, как в лицо ему пыхнуло жаркое пламя. Маг резко отскочил назад и на несколько секунд окутал себя воздушным коконом, в котором не было кислорода. Огонь мгновенно погас, но кожа местами всё равно покраснела, а волосы опалило.

– Угу. Значит, по-хорошему не будет.

Страшила приподнял руки и начал ими какие-то пассы выводить.

«Не иначе попортить хочет?» – до смерти перепугался Витька и, так как к книжке привязался настолько, что аж своей считать стал, то юркнул мимо ног Страшилы, подмышку сокровище своё схватил да поспешно отбежал в сторонку.

– Моё! – закричал он при этом. – Не отдам книжку на поругание!

Дух-дракончик тут же к мальчику на плечо гордо взобрался и струйку призрачного пламени в сторону Сириуса предовольно выпустил. Вроде как – ха, знай наших!

Глава 2

Такого Сириус Ван Отто не ожидал увидеть. Никак. Кажется, сегодняшняя ночь решила полностью перевернуть его представление о возможностях младшего пасынка Людвиг Верфайера, а, значит, и о своих собственных способностях тоже. Это было крайне неприятно. Сириус с раннего детства с первого взгляда мог понять на что способен тот или иной маг. Чем ему лучше заниматься? Каков предел его возможностей?

Собственно, именно с любопытства, которое юный барон Шлейфтерский испытал к представленному ему виконту по имени Людвиг, и началось тесное общение мальчиков. В то лето они оба отдыхали на минеральных водах под присмотром дальних родственников, оказавшихся между собой неплохими знакомыми. При таком обстоятельстве детям было сложно не встретиться, но всех удивило другое – несмотря на кардинально разный характер, мальчики отчего-то сдружились. И всё же, до того как Сириус привязался к новому другу, его интерес к знакомству был продиктован исключительно способностями Людвига. До этого он никогда не чувствовал тёмную магию и ему всенепременно хотелось выяснить, что же именно такое он чувствует. Ему казалось, что он открыл нечто абсолютно новое! И причиной подобного

было одно – уже более полувека некроманты практически не рождались. Некогда на активном истреблении действующих тёмных магов инквизиция не остановилась, начиная вырезать их ближайших родственников, а, порой, даже людей, обладающих талантом к такого рода ворожбе да и только. Род Верфайеров оказался редчайшим исключением, сумевшим проскользнуть меж загребущих пальцев борцов за чистоту магии. И, другими словами, покуда белокурый голубоглазый мальчик по имени Людвиг восторженно зачитывал новому приятелю написанные им сонеты, сам Сириус ван Отто решал сложную аналитическую задачу. Он проводил эксперименты, ненавязчиво предлагая поэту опробовать силы в том или ином заклинании. Старался проводить как можно больше времени рядом, чтобы получить крохи для дальнейшего скрупулёзного анализа. Он... В целом, Сириус так и не понял с чем столкнулся, но зато сообразил, как можно изменить ауру нового приятеля так, чтобы другие маги почувствовали тоже, что и он. В результате по приезду с минеральных вод юный хитрец подошёл к своей матери в намерении донести до мира своё исключительное открытие.

Стоп. Причём здесь «донести до мира» и мать Сириуса? Как они связаны?

Не догадываетесь? Что же, ничего удивительного. Сложные комбинации всегда были в духе нынешнего директора королевского интерната магических искусств. Сириус был бы не Сириус, если бы даже в том возрасте не попытался

провернуть целую интригу!

Решив, что лучше один раз показать, чем тысячу раз рассказывать, мальчик дождался, когда у суровой матушки будет хорошее настроение, и мягко попросил её отпраздновать его день рождения в столице.

Здесь стоит написать в отступление, что мать Сириуса обладала схожим талантом на чутьё магии, но куда как менее выраженным. И так как способность эта была исключительно редкая, то другого специалиста, лучшего чем она, Сириус не знал. Вот только как профессионала он её ни во что не ставил и поэтому не посчитал нужным с нею посоветоваться. Вот был бы у него дед-нюхач, являющийся очень известным инквизитором, с подачи которого оказалось выявлено и уничтожено более двух сотен некромантов, так ему мальчик выложил бы всё как есть на духу. Но этот мужчина умер незадолго до рождения внука и... не только никакого отношения к аристократии не имел, но и к официальной родословной Сириуса тоже. Так что они никогда друг о друге не ведали.

Тогдашний барон Шлейфтерский в переданной ему женой просьбе сына ничего дурного не увидел, даже наоборот. Он терпеть не мог сидеть на одном месте. Лишь плохо сросшаяся после перелома нога и держащая его в кулаке супруга вынуждали его сиднем сидеть в родовом поместье второй год кряду. Ему чрезвычайно хотелось разнообразить сельское общество. Встречи с одними и теми же соседями наскучили мужчине до одури, а беременность благоверной пред-

вещала, что ещё и ближайшие года три он свою глушь не покинет точно. Так что он посчитал обстоятельство за щедрость судьбы и личную удачу (за свой последний шанс!), а потому тёплым августовским утром всё семейство поспешно направилось в Лоррендаум. Там они арендовали дом и готовились хорошо провести время, устроив для покамест единственного отпрыска яркий праздник. И вот, незадолго до него, когда часть приглашений уже была разослана, Сириус вдруг «вспомнил» о своём новом друге. Семейство Верфайеров являлось влиятельным, граф Даглицкий занимал высокую придворную должность, так что барон с удовольствием написал приглашение. Он же никак не знал, что этот поступок едва не выльется в настоящую трагедию!

Естественно, Сириусу хотелось публичности. Поэтому во время празднования, когда вокруг него собрались и дети, и взрослые он организовал всё так, чтобы поставить возле себя Людвига, а там (хорошо, что при свидетелях) попросил его о простеньком магическом воздействии.

Едва оно произошло, граф Даглицкий аж побелел и за сердце схватился! Аура сына настолько почернела для магического восприятия, что он обмер. Всё-таки агрессия инквизиции не так много лет назад как спала до приемлемого уровня, а, значит, у него имелись серьёзные шансы увидеть единственного наследника на костре. Но, на удачу, мать Сириуса спасла положение, громко воскликнув:

– Торт! Выносим торт!

Из числа всё сразу понявших, по счастью, злопыхателей не оказалось. А прочих было немного, недаром уже писалось, что некромантия почти канула в забвение. Кроме того, внимание говорливых детей быстро переключилось на заигравшую музыку и предстоящую сладость, а потому они мигом забыли про желание обсудить диковинку. Так что взрослые воспользовались появившимся преимуществом и удачно сгладили ситуацию.

Но нечего говорить, в конце дня рождения Сириус всё равно получил строгий выговор и обстоятельную нотацию не только от матери, но и от одного из присутствующих родственников. Барон Шлейфтерский в вразумлении сына не участвовал, так как к магии никакого отношения не имел и был одним из немногих, кто вообще ничего не понял. Зато баронесса вместе с сыном на другой день навестила семейство Верфайеров для принесения своих глубоких извинений. И, к счастью, граф Даглицкий этим словам внял. Правда, после настойчиво рекомендовал оставить юное дарование в столице для развития его редких способностей в правильном русле. Даже пообещал способствовать его поступлению в магическую академию на будущий учебный год.

Вот так Сириус Ван Отто с четырнадцати лет стал жителем Лоррендаума. Город этот являлся для него местом новым, хороших знакомых у него здесь не было. А родители по причине предстоящих родов с наступлением осени отказались от бурной светской жизни и, покуда дороги не размы-

ло дождями, вернулись в родовое имение, что располагалось в настоящей глуши. И вскоре всё их внимание заняла ново-рождённая Элиза ван Отто. Так что ничего удивительного, что неприятное ощущение одиночества и глубокое чувство вины, которое поселилось в Сириусе перед Людвигом Младшим, сблизили его с последним. Возле этого восторженно-бесхитростного чудака, всю мечтующего о героических подвигах, ему становилось легко, весело и беззаботно. Удивительно столкнуться с кем-то, кто представляет твою полную противоположность.

... А граф Даглицкий, куда как более мудрый и прозорливый нежели его сын, с удовольствием смотрел на зарождение крепкой дружбы.

«Сейчас Сириус Ван Отто ещё безусый мальчишка, – думал Верфайер Старший. – Он не отрастил себе достойные клыки, но вскоре они у него появятся. И будет лучше, если в будущем такой опасный маг станет моему Людвигу другом, а не врагом».

Таковы были дела прошлых лет.

Но, ближе к тому, с чего начиналась эта глава.

Возможности Виктора являлись для Сириуса открытой книгой. Он давно определил, что этот мальчик обладает слабо выраженными способностями к магии воздуха. Предрасположенность к некромантии у ребёнка была ещё ниже. Скажем так, она являлась ровно таковой, чтобы можно было утверждать, что она есть. Развивать такой талант не имело

никакого смысла, даже если не брать во внимание угрозу инквизиции. Однако то, что Сириус увидел на «Вознесенском» кладбище, повергло его в глубокий шок. Ничего не подозревая о вмешательстве призрачного хранителя Лариона-Мертвеца, мужчина списал все события на единственно возможное лицо – мальчика. И, быть может, позже бы он и размыслил, что ну никак не мог ребёнок такого возраста и способностей осуществить подобное! Что ему всенепременно должен был кто-то помочь. Но то, как Виктор смело ухватил Чёрную Книгу Дракона, напрочь лишило его будущих сомнений.

– Тише, – поднял он руку в попытке успокоить щуплого мальчонку – вдруг ещё каких-нибудь бед наделает? – Не буду я книгу портить. Я всего лишь поднять её хотел.

Виктор недоверчиво на него покосился, но, вроде как, успокоился.

– А что со второй книгой стало? Вы же их обе сюда принесли? Всё из тайника здесь? – приступил Сириус к мягким расспросам.

Кто же этих малолетних негодников разберёт? Могли ведь по дураости каким-либо уличным друзьям на хранение что-то оставить.

– В могилу ушла книга. И всё остальное туда ушло, – ответил за малыша Виталий.

Маг по новой оглядел пространство. Чёрная аура сглаживалась общим кладбищенским фоном, а, значит, все предметы покамест можно было оставить под землёй. Всё равно

без некроманта (и лучше всего хозяина-некроманта) подобное трогать не особо-то безопасно было.

– Хорошо, дети. А теперь скажите – о том, что здесь было, мы же договоримся молчать?

Оба мальчика непонимающе переглянулись.

– Никому нельзя рассказывать о том, что произошло, – строго-настрого сказал Сириус. – Разве вы не знаете, что некромантия запрещена?

– Слышали, – растеряно сказали оба, и старший пояснил. – Но мы ничего дурного не мыслили, мы только маму воскресить хотели. Никаких мёртвых чудовищ нам не надобно.

От такой наивности барон Шлейфтерский едва не округлил глаза. Кажется, мальчики совсем не понимали, что совершили нечто, за что инквизиция без колебаний и без поправок на возраст подпалила бы им пятки. Ему даже сложно было представить, как можно доходчиво объяснить столь элементарную вещь! Поэтому, подумав, он пригрозил ложью.

– Неважно, что вы хотели. Если про это кто-нибудь узнает, то вашу мать могут выкопать и закопать под крестом дорог. Тогда ей никогда не будет покоя.

Ага. Отлично! Испугались.

– Будем молчать. Будем, – наперебой согласились мальчишки.

– Молодцы. Вы очень заботливые дети, – снизошёл до по-

хвалы Сириус и перешёл к последнему из важных вопросов. – А теперь идите ко мне. Я отвезу вас домой.

– Мы не вернёмся, – насупился старший из братьев и веско добавил. – Это больше не наш дом.

– Тогда я тем более обязан вам помочь. Вы же не против, если я отвезу вас к какому-нибудь новому жилью? Вам же надо что-то есть и где-то спать. Давайте, прокатимся немного? Я отвезу вас в свой охотничий домик. Вам же вроде нравится природа, да?

Сириус знал, что дети его боятся и из-за этого старался говорить ласково, равномерно, усыпляюще. Словно бы невзначай он подошёл ближе к мальчикам и мягко взял старшего за руку.

Нет-нет, я не верну вас в дом Людвига, чтобы прислуга сразу же задала вам трёпку! Вы ведь это хотите услышать? Хорошо. Пусть будет это. Мне всё равно, что говорить. Я должен увезти вас из столицы. Инквизиция считает, что вы покинули Лоррендаум, и не стоит так обманывать длани карающие. Я увезу вас туда, где инквизиторам ни за что вас двоих не найти.

Эти мальчики были домашними детьми. И неплохо так знали Сириуса. Поэтому ничего в их простецких мыслишках не шелохнулось, и они последовали за ним, сели вместе с ним в кэб. Это какой-либо уличный паренёк, с таким доброжелательным отношением сталкиваясь, бежал бы уже без оглядки. Но братья знакомых привыкли слушаться.

«Ручные зверьки. Хорошие», – довольно подумал мужчина.

– Лорд ван Отто, а дальше, дальше-то, что было? – прижимая к себе Чёрную Книгу Дракона, завернутую им в плащ друга Грызня, с восторгом спрашивал Витька.

– А дальше вот что. Небо то пылало огнём, то его затягивал непроглядный смог, – прикрыв глаза, как если бы он вспоминал, тягуче говорил Страшила. – Земля горела так, что до сих пор поля полны стекла, в который она оплавилась. Сражаясь, драконы губили наш мир не меньше нежели возжелавшие уничтожить сущее. И архимаг Алрик ван Донатан понял, что каждая минута войны не отдаляет гибель человечества, а также стремительно приближает к ней. Требовалось что-то, способное вернуть чистоту небес, и он придумал как это сделать. Раз атакующим нет числа, то остановить их могла только хитрость! А Алрик ван Донатан был хитёр, очень хитёр. На совете Ковена ему удалось убедить прочих архимагов в необходимости создания артефакта, способного запереть внешние границы мира. И в результате Ковен, совместно с оставшимися семью драконами, сотворил Ключ и призвал для этого сущности, теперь называемые богами. Они явились, двенадцать из тринадцати...

Экипаж действительно выехал из Лоррендаума. Закрытые

городские ворота не стали препятствием, и на душе ребят повеселело ещё больше. Им даже Страшила уже не Страшилой казаться стал. Сидит спокойно напротив, историю Войны Драконов рассказывает. И хорошо так говорит! Заслушаться.

Так и проходила их недолгая дорога. Однако, не успели братья устать настолько, чтобы не только начать зевать, но и прижимаясь друг к другу заснуть, как кэб остановился возле большого постоянного двора, расположенного на кресте дорог.

– Мальчики, я сейчас отлучусь ненадолго, – обратился к ним Страшила. – Зайду внутрь и найму новый экипаж. Для городского кэба этот заехал слишком далеко, он не повезёт нас дальше. Побудьте, пожалуйста, здесь.

– Хорошо, – сразу согласился Виталька, а Витёк сжался, вглядываясь в темень за окном. И от Страшилы его полный тревоги взгляд не ускользнул.

– Не беспокойтесь, Виктор. Поглядите, сколько вокруг постоянного двора огней, сколько лошадей стоит под навесом, сколько стражников ходит. Это очень приличное место, и жизнь здесь кипит день и ночь. Поэтому прошу вас перестать беспокоиться. Я достаточно скоро вернусь, мы сядем в другой экипаж и продолжим путь.

Витёк кивнул, так как действительно расслабился. А там Страшила покинул их и оглянулся лишь единожды – когда открывал дверь в дом. Свет факелов в этот момент скольз-

нул по лицу мужчины так, что его шрам на левой щеке стал казаться совсем глубоким. Витальке даже подумалось, что такого не может быть у человека. Слишком жутко выглядит. Но свет таким образом падал недолго. Очень быстро Страшила скрылся внутри здания, а потому мысль сразу выветрилась из головы мальчика. Он посмотрел на брата и тут же подумал совсем о другом.

– Чего ты так в эту книгу-то вцепился?

– Она хорошая. Добрая.

М-да, такое про Чёрную Книгу Дракона мог сказать разве что сумасшедший. Либо тот, кто большую часть содержимого в силу возраста совсем, ни каплюшечки не понял. Это взрослый, читая заковыристые словечки, моментально или сразу после копания в словаре представил бы ту мерзость, которая имелась в виду. Но для Витьки и Витальки то была бессвязная абракадабра. А иллюстраций, пугающих детское воображение, страницы не содержали. Редким составителям серьёзных магических книг хватало художественного таланта изобразить нечто достойное того, что им виделось. В результате они даже не пытались, предпочитая описывать всё либо через схемы, либо словесно. Причём с таким завидным научным занудством, что Витёк был полностью уверен в том, что держит в руках книгу важную, но отнюдь не страшную. Тем более что магическое чутьё мальчугана улавливало эманации симпатизирующего ему духа-хранителя. Ведь и правда, стоило малышу произнести ласковые слова, как призрач-

ный дракончик, греющийся у него под боком, приподнял голову, потёрся ею о ногу мальчика да, как обычный котёнок, произнёс тёплое: «Мурм».

– Чего-то она мне доброй не кажется, – скептически произнёс ничего подобного не чувствующий Виталик.

Отсутствие магических способностей в нём компенсировалось иными, более приземленными талантами. Например, у него было отличное зрение. И вот оно-то видело крайне нелицеприятный вид книжицы во всех подробностях. А практичное мышление даже соотносило зримое с неким тревожным колокольчиком в голове. Не просто так Грызень эту мерзость прятал. И не просто так Страшила приказал её в его плащ завернуть, прежде чем они кладбище покинули.

– Хорошая, – упрямо насупился Витёк.

Спорить с братцем было не с руки. Витальке куда как больше хотелось удовлетворить своё любопытство – последний раз он был на постоялом дворе, когда их семейство в Лоррендаум переезжало, и из той поездки ему почти ничего не запомнилось. Всё-таки тогда он только пятилетним мальшом был. Поэтому Виталик высунул голову в окошко да стал глазеть на всё подряд.

Этот перестанок для путешественников был крупным, так как не только удачно располагался, но и находился вблизи самой столицы. Он представлял собой достаточно большую, полностью огороженную невысоким заборчиком территорию, на которой буквой «П» стояли три здания. Справа на-

ходила́сь большая конюшня и навес для экипажей. По центру было основное строение – добротное, двухэтажное. Оно предназначалось для постоя зажиточных и важных персон. Похожее было и слева, но выглядело попроще. Кроме того, с самого дальнего его края находился паб, откуда на всю округу доносились весёлые пьяные голоса. Пожалуй, в другое время их было бы не так слышно, но, как уже не раз писалось, начало июня выдалось очень жарким, а потому окна были открыты настежь. Виталька аж извертелся, чтобы чего-нибудь внутри паба усмотреть. Ничем не примечательное место казалось ему очень интересным! Да и вскоре действительно нашлось на что поглазеть.

Дверь паба открылась и из неё, поддерживая друг друга, вышло двое мужчин, едва стоящих на ногах.

– Друг. Я передумал! – вдруг громко воскликнул один из них.

– Но мы же решили! – возмутился другой. – Раз мы опоздали и не попали внутрь за ворота, то что нам делать в этой дурной столице? Она не хочет видеть нас, а мы её!

– Да-да! Но тебя я не отпущу. Ни в жизнь! – тут мужчину пошатнуло так, что он едва не громыхнулся в зловонную лужу. – Ты обязан поехать со мной. У меня не было ещё такого отличного друга! Поехали в Барговерц? Я познакомлю тебя с та-а-кой хорошей девчонкой. Ум-м, сушная красотка!

– А и поехали, друг!

Эти двое кое-как дошли до конюшни и растолкали коню-

ха – это Виталик и Витька через окно другой стороны кэба видели. После чего они вывели своих лошадей и попытались сесть верхом, но по итогу всё-таки свалились наземь. А там, неким чудом сообразив тщетность дальнейших попыток путешествия таким образом, первый мужчина воскликнул:

– Эй! Есть тут извозчик?

– Спать идите. Чего разорались так? Ночь на дворе, до утра никто не выедет.

– Нет, так не пойдёт. Я друга к себе пригласил, и не могу его обманывать!

На счастье говоруна в этот момент на постоянный двор прибыл дилижанс. Он был рассчитан человек на шесть, не меньше, и выглядел громоздко из-за горбка – места, куда во время дороги можно складывать багаж. Горбок этот внешне походил на огромный сундук, притороченный к задней части повозки. Был он размером во всю её ширину и высотой аж с Витьку. Большой такой.

Как только дилижанс остановился, из него вышел приличного вида молодой человек. Всего один. Он встревоженно покосился на пьяниц, пытающихся залезть на своих скакунов, расплатился с извозчиком и после, получив из горбка чемодан и котомку, ушёл в центральное здание постоялого двора. Выглядел юноша осунувшимся, каким-то удручённым. Два новоиспечённых друга, огорошенных сообщением конюха, что никуда-то им не уехать, по этой причине долго глядели ему вослед. А затем гостеприимного первого оза-

рила идея, и он на шатающихся ногах подошёл к лошадям, впряжённым в повозку. Даже положил руку на круп одной из них, чтобы устоять, и только потом обратился к жуликоватому на вид извозчику.

– Эй, друг, не отвезёшь ли меня до дома?

– А куда тебе надобно?

– В Барговерц.

– Ого, так это считай до петухов ехать по времени ночью. Меньше чем за половину серебрушки в час не повезу. И деньги наперёд.

Плата была грабительской, но пьяному море по колено и монет не жалко. Вместе с будущим гостем скинулись и начали садиться. Экипаж-то запряжён. Кони в меру бодры. Всё готово, чтобы выезжать немедля.

– Виталь, а давай тоже в Барговерц? К Федюньке.

Внезапный вопрос, прозвучавший от младшего брата, поставил Виталика в тупик. Он недоумённо захлопал ресницами и спросил:

– А Страшила как же?

– А что Страшила? Чего мы ему доверились, вдруг он нас к Грызню на самом деле везёт?

До этого у Витьки и сомнений никаких не было, что ждёт их домик охотничий, природа хорошая, постель мягкая да еда сытная. А тут так, с языка сорвалось. И ведь так сорвалось, что сказал мальчонка и сам подивился истине. И правда, с чего они Страшиле поверили?

– Да, зачем ему нас к Грызню везти, глупый? Грызень от нас избавиться хочет.

Сказал так Виталька и тоже замолчал. Тоже задумался. Зачем тогда Страшиле о сиротах заботиться, коли не другу своему помочь решил? Он же до того всё отчима науськивал от них избавиться. С чего вдруг подобрел так?

Нехорошо на душе у мальчиков стало. Тяжело. Тревожно. А потому Виталька подумал-подумал и шепнул:

– Может, в горбок пробраться получится? Его на замок не закрыли.

– Давай попробуем.

Ребята осторожно приоткрыли дверь, хотя могли бы не таиться так тщательно – их возница с другой стороны кэба болтал со знакомым охранником и был разговором крайне увлечён. А больше никого из людей вокруг не было. Конюх, сделав своё дело, спать ушёл. Пьяницы коней к дорожному экипажу уже привязали и внутри устроились. А получивший деньги извозчик нужду перед дорогой справить отошёл. Так что братья тенью выскользнули наружу и, не мудрствуя, караб-караб, как могут только мальчишки, забрались в горбок. Крышку за собой прикрыли. Друг друга пихают дружески, тихо посмеиваются – ловко-то как у них всё получилось! А там дилижанс тронулся.

В горбке хорошо оказалось. Двум мальчишкам их лет не особо тесно. Да и ветер не дует, и через щели воздух свежий поступает. Так что вскоре они головки друг к другу прижали

и заснули. Умаялись за день. Много всего произошло. А завтра ещё больше сделать предстоит – надо в Барговерце Федиюнку отыскать. Вот встреча-то будет! Соскучились мальчуганы по другу. Да и он по ним, наверное.

Братьям и думать не думалось, что из-за них Сириус Ван Отто волосы себе на голове рвать начнёт. Он же совсем чужой им. Посторонний. Они его видели-то всего раз пять в своей жизни – чего о нём думать?

Зато несчастный директор королевского интерната много чего в те часы о мальчиках думал. И не переставая. Он был в душевном состоянии идеально подходящим, чтобы демона какого-либо, скажи тот ему сейчас супротив какое-либо слово, со свету сжить! В единый момент пропали те, за кем его лучший друг присмотреть просил. Причём не просто пропали. Нет-нет, надо смотреть правде в глаза – сбежали! И ладно бы только старший, но младшего вернуть во чтобы то ни стало надо. Этот малолетний колдун с Чёрной Книгой Дракона таких бед наделать может, что ого-го! Эге-гей!

И ведь обидно-то как! Не от кого-либо мерзавцы улизнули, а от него – Сириуса Ван Отто, барона Шлейфтерского. Можно смело говорить, что его репутация как человека, способного просчитывать любые ситуации наперёд и влиять на самые сложные события, погублена на корню!

– Вы полностью обыскали постоялый двор? Точно все люди опрошены? – сурово уточнил он.

– Да, господин. Никто никаких мальчиков не видел. Нет

их нигде.

Вот так. Очень плохо. Ещё одно доказательство, что сами сбежали. Если бы кому-либо вздумалось их похищать, то завопили бы и внимание тем к себе привлекли. Всё-таки не один ребёнок, чтобы рот зажать и уволочь. Двое.

Но вот вопрос – куда им сбегать?

Сириус Ван Отто ни в какую не мог углядеть конечной цели побега. Мальчики очень легко согласились поехать с ним в охотничий домик, а, значит, не было у них никаких планов. Они ожидали, что поднимут из мёртвых мать, и она решит всё за них.

Что могло произойти? В чём они углядели смысл?

– Повторите ещё раз, что происходило во дворе, – устало обратился Сириус к вознице кэба, конюху и охраннику, ныне стоящими перед ним так, что ни живы ни мертвы. Все трое были донельзя перепуганы не только его ледяными интонациями, но и показанным им значком канцелярии тайных и розыскных дел. Оказаться в центре внимания органа политического сыска не хотелось ни одному человеку, даже самому верноподданному идеалисту королевства.

А дальше согласно их словам вышло следующее...

Итак, к кэбу никто не подходит, но возле него происходят такие события – двое пьяниц решают отправиться в Барговерц; приезжает дилижанс; из него выходит внебрачный сын баронета Ле-Кайрмайера; пьяницы платят втридорога и уезжают.

«Что их этого важно? – подумал Сириус и решил. – Попробуем убирать».

Ни одного из этих людей пасынки Людвига знать не могли, слишком непримечательные люди, чтобы виконт Даглицкий водил с ними знакомство. Кроме того, будь они им знакомы, то мальчики вышли бы из кэба не таясь. Выходит, дело заключалось именно в том, что те говорили. А говорили они мало. Сын Ле-Кайрмайера вообще молчал, а пьяницы желали продолжить знакомство в Барговерце.

«Барговерц», – понял Сириус, едва удерживая себя, чтобы не прищёлкнуть пальцами.

Сложно предположить, что именно заставило мальчиков отреагировать на это слово. Быть может, слышали некогда приятную сказку о том, что в этом городе живётся лучше. Или ещё что-то вроде этого. Но другого варианта не было, а, значит, пришлось бы задействовать там людей. И как можно скорее требовалось отправить кого-нибудь на розыск дилижанса!

Решив так, Сириус Ван Отто поспешно вернулся в Лоррендаум. Он не мог позволить себе самостоятельные приключения. Утром директор королевского интерната обязан был находиться на своём рабочем месте и делать вид, что нынешней ночью прекрасно спал.

Глава 3

Проснулись братья из-за донёсшейся до их ушей страшной ругани. Они испуганно прислушались и замерли, не понимая спросонок происходящего. Судя по всему, выходило, что дилижанс подъехал к Барговерцу и извозчику, остановившему повозку возле конюшни ради краткого отдыха коней, взбрело в голову потребовать у нанимателей точный адрес. Однако, сладко вздремнувшие за ночь друзья протрезвели достаточно, чтобы осознать каких дел спьяну наворотили и теперь пытались вернуть хотя бы часть своих денег. К разбирательству пришлось привлечь даже жандармерию и потому предрассветный покой перестал быть спокойным. Живущие в близлежащих домах люди высывались из окон и всю недовольно галдели из-за того, что им помешали выспаться.

Мальчики затаились, понимая, что совсем не дело в такой момент нос наружу показывать. Они дождались времени, когда извозчик отдаст распоряжение конюшим распрячь лошадей и пойдёт отдыхать, потягиваясь и насвистывая весёлую песенку. Мужичок был очень доволен, что по-крупному облапошил пьяных дурней и ещё правым остался.

Крышка горбка осторожно открылась, и мальчики высунули свои любопытные моськи – где же это они оказались?

Но ничего путного увидеть им не довелось. Так что Виталька с Витькой шустренько выбрались наружу и улизнули прочь из конюшни.

– Какой-то некрасивый город, – первым сказал Витёк, осматривая улочку.

Ребята находились на самой окраине Барговерца. Здесь было грязно, многие люди держали живность, такую как куры, козы или же свиньи. Дома были деревянными и приземистыми. Поэтому перво-наперво мальчики испытали разочарование. Они ведь жили в столице, в богатом квартале, и знать не знали, что в Лоррендауме есть места намного хуже.

– Может, и некрасивый, зато хороший. В дурной бы Федюня не подался, – уверенно заявил Виталик и смело зашагал вперёд по улице.

Витёк, прижимая к себе свою любимую книжку, всё также завёрнутую в плащ, поспешил за братом. Пристроился возле него, ещё раз осмотрелся по сторонам и сказал.

– А как мы Федюньку-то искать будем?

– Не знаю ещё, – почесал затылок Виталик. – Там видно будет. Сначала надо город посмотреть. Вдруг сами на него наткнёмся?

– Хорошо... А кушать мы когда станем? Кушать хочется.

Денег у ребят не было. Еды тоже. Все их запасы в могиле зарыты остались.

– Потерпи, найдём чего-нибудь. Впервой есть хочется, что ли?

Вокруг них заголосили первые петухи. Братья ёжились от их кукареканья, но шли всё дальше и дальше. Постепенно дома становились добротнее. Вот и храм показался. Высокий, с позолоченным куполом, пусть и с одним. Дальше и вовсе на стенах штукатурка появляться начала. И дорога под ногами не жижа, оставшаяся после ночного дождя, а всамделишная брусчатка. По такой хорошо идти. Легко.

Знать бы ещё куда идти только.

– Плохо, что так с матушкой вышло. Она же в могиле в покое лежала, а мы весь покров с неё сняли, – решил всё же высказать Витёк тяжесть, лёгшую на его ранимую душу. А затем вдруг припомнил обидные слова, некогда Грызнем сказанные, и всхлипнул. – Гробокопатели какие-то, а не дети.

– Не печалься, – грустно вздохнул Виталька. – Она на нас с того света смотрит и понимает, что лучшего мы хотели.

Ах, как ему самому в это верить хотелось!

– Может, она нам знак какой-нибудь даст? Куда идти? У меня уже ножки болят.

– Давай сядем, передохнём.

Они как раз проходили мимо здания главного храма города. Там начиналась обеденная служба, а потому большинство верующих горожан уже находились внутри. Высокая лестница, ведущая ко входу, обезлюдела. Туда-то, на ступеньки, ребята и сели, грустно опустив головы. Выбежавший по каким-то делам служка, увидев это, хотел отругать де-

тей, но, разглядев их добротные богатые наряды, передумал и лишь неодобрительно крикнул. С недовольством посмотрела на мальчиков и пара побирušек. Они понимали, что с этих гроша не получишь, и желали, чтобы они ушли поскорее. Но братьям было некуда идти. У них не было ни родных, ни друзей, ни дома – ничего у них не было окромя друг друга. Поэтому они в тяжёлом молчании продолжали сидеть и смотрели, как катит по улице кэб, как весёлая ребятня гоняет голубей, как голосит рекламщик газет, намереваясь завлечь на подписку состоятельных горожан.

– Братик, – наконец сказал Витька. – Не могу. Кушать хочется! Может, зря мы сюда, а? Может, домой вернёмся?

– Не смей говорить так! – тут же разозлился Виталька. – Это не наш дом. И вернёмся, так там разлучат нас. Сам знаешь.

– Знаю, – тяжело вздохнул малыш. – Но есть... есть-то хочется.

– Ладно. Сиди. Сейчас чего-нибудь придумаю.

Особо придумывать Витальке нечего было. Что у него имелось? Нож и отмычка? Так у него даже мыслей использовать их для разбоя не возникало никогда. Так, глупость какая-нибудь порой помечтается о лихом геройстве и забудется вскоре. Поэтому он снял с себя камзол, отряхнул его хорошенько от грязи и пыли да пошёл к лоточницам, продающим поблизости всякие сласти и булочки. Другой бы до такого не додумался. Сразу к пекарне направился сытного хле-

ба с отрубями купить. Но где Витальке про пекарни знать? С уличными ребятами, у которых так же, как у него, денег не было, не ходил он туда ни разу. За снedyю кухарка только Марыську посылала. Зато, бывало, когда с матерью гуляли по городу, к таким вот лавочкам они подходили угоститься, а потому не колыхнулось у него в душе, что это может быть неправильно.

Лоточницам он показал свой камзольчик и попросил его на еду обменять. Две женщины тут же ругаться начали, а третья взяла и согласилась. Задёшево хорошую вещь приобрела. Всего-то за четыре пирожка с повидлом да два больших калача, сахаром обсыпанных. Виталька ещё и в благодарностях рассыпался, обрадовался очень. Довольный сразу с добычей к брату поспешил.

– Вкусно-то как! – с удовольствием уплетал за обе щёки Витёк.

– Ага. Только ты пирожки не ешь пока. Давай в плащ к книге завернём. Мало ли сегодня Федюньку не встретим.

– Ох, – обомлел малыш. – А где же мы тогда спать будем?

– Найдём место, – беззаботно махнул рукой Виталька и продолжил кусать калач. Покамест на воле ему нравилось.

Доев, братья приободрились и зашагали по улицам дальше. Им уже стало казаться, что они припоминают куда какая дорога вывести может. И, наверное, так оно и было. Барговерц был хоть и большой город, а всё-таки не столица. Мальчики же практически кругами ходили. Они не выбирали ку-

да идти, и так вот получалось. Периодически им доводилось остановиться посидеть где-либо. То на лавочке возле памятника, то на ступенях библиотеки, то просто на траве под деревом в парке. Тогда Виталик и Витёк всю начинали плясать по сторонам. Разговаривать меж собой им уже не хотелось, слишком тревожно стало для пустых бесед. Небо начинало темнеть, на город ложилась сумерки, а Федюньку они не встретили.

– Что делать будем? – первым спросил Витёк. Он не знал, как старший брат боится этого вопроса. Иначе бы не задал, терпел дальше.

– Пойдём.

Голос Виталика звучал уверенно, хотя не было в нём самом ничего кроме страха. Главное, братец доверился и перестал бояться. Смело подал ему одну ручонку, а другой у бока книгу свою продолжил придерживать. Так они и пошли. И по началу Виталик сам не понимал, куда они идут. В голове его лишь рассказы уличных приятелей звучали о том, что посреди улицы оставаться нельзя спать – жандармы в детский дом заберут. А про приюты для сирот среди ребятни такие байки гуляли что аж ух! И что там тайком кровь для гадов-нелюдей сцеживают, и что спать в клетках заставляют, а во двор лишь на поводках, как собак, выводят, и что работать заставляют до смерти... Много каких дурных слухов ходило. И мог бы усомниться в их истинности Виталик, да был среди его приятелей один тип, усыновлённый оттуда.

Молчаливый, угрюмый парень. Заикался всё время, вот и не любил болтать. Так вот он, хоть про свой детский дом никогда ничего не рассказывал, когда разговоры про то заходили, всегда плевался и говорил: «Лучше сдохнуть, чем туда обратно попасть».

Поэтому вертелось в Виталькиных мыслях, что надо в такое место пристроиться, чтобы никто на него с братом не наткнулся.

А куда идти?

В подворотню страшно, вдруг патруль там пройдёт. По той же причине и в парке боязно. К людям каким-либо податься, так кто примет?

– А куда мы идём? – как назло спросил Витька.

– На кладбище. Проходили мы тут одно неподалёку.

Малыш тут же испуганно на брата поглядел.

– Виталь, а Виталь?

– Что?

– А как же мы на кладбище будем? Там же чуди всякие водятся.

– Маг ты у нас или кто? – недовольно поджал губы Виталька. – Сейчас придём, пристроимся куда-нибудь, и ты поколдуешь, чтобы нас не тронуло лихо какое.

Витёк надолго замолчал. Мысли тяжёлые у него в голове вертелись. Мрачные и панические. Так и подрывало брата признаться, что ничего-то он в тёмном колдунстве не ведает.

– Виталь, – в конце концов, жалобно проблеял мальчи-

шечка, когда ограда кладбищенская показалась. Была она не менее высокая, нежели на «Вознесенском». Даже толще, наверное. Совсем старое это кладбище было. Его в такие времена закладывали, когда без достойной стены огораживающей не обойтись было. Пошумят лихие ученики некромантов, так потом и лезет оттудова всякая пакость. А потому кладка добротная была, да в основании своей старые обереги защитные хранила. Те, что нежити не дают за пределы выйти.

– Чего тебе?

– А коли не справлюсь я?

– Справишься. В меру светло ещё. Вот найдём место поудобнее, и ты книгу свою полистаешь. Наверняка, там дельное что-нить найдётся.

– Найдётся, – грустно проговорил Витёк. В себя он мало верил, а вот в сокровище своём нисколько не сомневался.

Дух-хранитель словно почувствовал оказанное ему доверие. Как будто понял, что сегодня не только Чёрную Книгу Дракона ему от всех бед ограждать придётся, а ещё и братьев опекать. Ощерился, призрачные чешуйки вздыбил. Да так, что раза в два больше себя прежнего размером стал! Струю огня несуществующего в воздух выпустил.

Только зря дух бахвалился. Мальчики этого не видели, да и никак не могли увидеть, а на Барговерцком кладбище и во все никакой нежити вот уж как лет сто не появлялось. И могла бы она зародиться оттого, что малолетний эксперимента-

тор заклѣтия читать стал, да только не было силы в эти слова вложено, не было никаких опасных артефактов, способных эту силу призвать. А потому проспали всю ночь братья спокойно. Даже крысы и мошкара к ним не приблизились – книги побаивались.

Пока мальчики зябко жались друг к другу, стараясь согреться, Людвиг Верфайер Младший сидел в тёплой уютной комнате придорожного трактира. Ему всегда нравился огонь, так что он разжѣг пламя в очаге и протянул к нему руки. Красный отсвет на ладонях показался ему красивым. Он был похож на сегодняшнюю вечернюю зарю, завершившуюся буйством красок. Людвиг внимательно и долго наблюдал за ней. Но не только потому, что любил наблюдать за природой и движением жизни. Виконт Даглицкий вглядывался в поле, через которое шла широкая дорога, и думал, что если сесть верхом на лошадь, то уже через три часа можно оказаться дома. Однако, отправиться так в родовой замок Людвиг не решился. Он проделал долгий путь и не дело теперь спешить. Ни к чему пугать отца ночным приездом. Успеется приехать. Последняя ночь в чужой комнате и все скитания кончатся, он переступит порог самого дорогого для него места на земле. В Аррауре он родился и провѣл своё детство. Да и позже, когда Людвиг стал старше и отец забрал его с

собой в столицу, ему доводилось частенько возвращаться в родные пенаты.

«Дом – это так хорошо! Дом. Милый дом», – с теплотой думал маг.

За такими мыслями его тоска по любимой женщине стала тише. Во время пути ему вообще оказалось легче переносить глубокую боль из-за потери жены и ребёнка. Мужчина часто задумывался о предстоящем приезде и даже мечтал, как прогуляется по парковым дорожкам... ровно до того момента, как ловил себя на том, что отчего-то не думает о покойной супруге. Тогда перед ним снова возникало мертвенно-бледное лицо Мари, и он погружался в свою беспросветную скорбь. Иногда при этом Людвиг доставал взятую им с собой открытку. Странно, но она грела и мучила его душу одновременно. Постепенно слова младшего из мальчиков о том, что пасынки хотели его ею утешить, накладывались на воспоминание о последнем разговоре с женой – том самом, что он начал вести в кабинете. Памяти было никуда не деться от горящего яростью взгляда и уничижительных слов. Тогда эта в общем-то тихая женщина не просила, она требовала от него понять и принять её сыновей. Именно из-за его нежелания согласиться на такое ступила прекрасная Мари на эту проклятую лестницу и ступеньку!... Что это было? Знак судьбы наконец-то прислушаться к ней? Ведь и до этого нежные губы шептали подобное, но никак он не мог услышать жену. А теперь всё в нём кричит её последними словами.

На несколько секунд Людвиг прикрыл глаза, вспоминая жуткую картину в детской. Два маленьких человечка, жмущихся друг к другу, как будто они заключены в тюремную камеру. Пленники, а не молодые господа в богатом доме. Их вид заставил его ощутить себя чудовищем. Он впервые задумался, а как эти дети могут воспринимать его со стороны. Они видели ласку матери, но от него? Что они видели от него? Еду, которую приносят слуги? Одежду, которую им выбирала Анна Златова? Знания, которые давал господин Тихонов? Или же дом, в котором он предпочитал избегать их? Где тут связь светлых воспоминаний именно с ним, с Людвигом?

«Простите нас, Ваша милость. Простите. Мы думали вас то утешит», – прозвучало у него в голове жалобным голосом маленького Виктора.

«А я вас не утешил. Даже не подумал об этом», – только и мог ответить он холодно сам себе.

Память и совесть изгрызли чувствительную душу Людвига. Намного проще и правильнее было сделать так, как советовали ему друг и отец. Но он чувствовал, что должен. Должен был попытаться исполнить своё последнее обещание любимой. И уже не столько потому, что это бесчестье не последовать последней просьбе умирающего. Нет, ему самому иначе не будет покоя. Мужчина считал, что правильно сделал, поговорив с директором королевского кадетского корпуса. Отсрочка в один год самое то, чтобы ему нако-

нец-то проявить себя не как отстранённого благодетеля, а отца. Давно надо было вспомнить, что настоящий родитель это не только человек, который даёт кров, еду, одежду. Нет, прежде всего это кто-то близкий. Тот, кто тебя понимает.

Решив так, Людвигу так же довелось осознать, что вдали от мальчиков ему не хватает шума, который те всегда создавали своими играми. Из-за этого, внезапно услышав за окном звонкий ребячий смех, Людвиг не удержался и выглянул наружу. Там, на дороге, пользуясь свободной минуткой, играли в разбойников и жандармов местные ребяташки. И, глядя на них, виконт грустно улыбнулся. В нём поселилось острое и невозможное желание неожиданно помолодеть лет эдак на двадцать.

«Как хорошо, когда тебе шесть или восемь! – искренне думал он. – Ты не знаешь истинных сложностей жизни, твои мысли не занимают тяжёлые думы, а вокруг полным-полно верных товарищей».

... Ах, если бы только Людвиг знал, что царило в душе его пасынков! Разве такими стали бы его мысли? Но обычному взрослому человеку с высоты своего опыта всегда кажется, что детство безоблачное время. А, значит, нельзя относиться серьёзно к невздам и слезам детей.

И, между тем, кое в чём маг при этом был прав. Он верно упрекал настоящее в том, что оно приготовило для него слишком много невзгод. Ведь в то время, как Людвиг смотрел на веселящихся ребяташек, в расположенный неподалё-

ку Арратаун почти прибыло письмо. И пусть оно ещё не достигло главы карательного отряда, но ещё часов пять-шесть, и этот суровый человек вскрыл бы конверт.

Но пока такой беды маг нисколько не предполагал. Голос его интуиции не мог пересилить ту эмоциональную бездну, в которой Людвиг находился. А никаких иных намёков, более материальных, не было. Поэтому виконт Даглицкий в какой-то момент задвинул шторы, разделся и лёг в постель. И можно было бы написать, что в душе его царило спокойствие, но это было не так. Прокручивая в голове одни и те же мысли лорд Людвиг Верфайер Младший глубоко страдал. И наедине с самим собой позволил себе всхлипывать от горя и даже, в конце концов, разрыдался.

Утром, однако, никто не сказал бы с чем связаны опухшие глаза постояльца. Быть может, он всего лишь не выспался? Рассвет ещё только-только занимался, а Людвиг Пламенный уже был умыт, причёсан, одет с иголки и находился в дороге. Его карета покинула ночной приют.

Глава 4

Последняя часть дороги проходила мирно. Птицы всю радостно пели. Насекомые ещё только просыпались, и редко какой жук жужжал в своём беспокойном полёте. Небо радовало приятной синевой. Крошечные белые нити на нём истончались, обещая замечательный ясный день. Вскоре до ушей Людвиг стали доноситься отголоски крестьянских песен. Селяне шли работать на поля, не смея бесцельно тратить ни мига своего существования. А затем сельская местность закончилась. В какой-то момент стали видны дома небольшого городка Арратауна и горделиво высящиеся за ними башни замка Арраур – громоздкого строения из тёмного камня. Со стороны родовое гнездо Верфайеров выглядело мрачным, но вот уже четвёртое поколение подряд действительно мрачного и жуткого в его стенах почти ничего не вершилось. На это указывали жилые постройки, всё ближе и ближе подбирающиеся к графскому жилищу. Люди давно успокоились, стали забывать зловещую историю этих мест.

Лошади между тем остановились. Словно нетерпеливый мальчишка лорд Верфайер придвинулся ближе к выходу и едва дождался, когда ему откроют дверцу. Тогда он вышел наружу и сразу увидел встречающих его – отца и мачеху, которую маг называл не иначе как мама.

Эта женщина во всём заменила ему настоящую мать, которой он ни капли не помнил. Миледи Ванесса Дэ Флёррон, не найдя в замужестве той нежности, что желала, отдала всю свою любовь сыну мужа. Своих детей у неё так и не появилось, а трёхгодовалый Людвиг отнюдь не походил на свою старшую высокомерную сестру Шарлотту. Ему не хватало внимания сурового отца, весьма занятого человека. Он отчаянно нуждался в заботе, и миледи Ванесса подарила ему то тепло, без которого не может жить ни один маленький ребёнок.

– Мама, – с улыбкой произнёс он и поцеловал нежную руку женщины.

И всё же вся его радость от встречи тут же померкла. Всё совесть. Всё слова Мари, никак не желающие отпустить его!

Ванесса Дэ Флёррон Верфайер смогла стать ему матерью. И вот, наверное, причина отчего он некогда столь безрассудно признал братьев своими детьми. Ему виделось, что они будут испытывать такую же глубокую благодарность, но... а что он сделал из того, что сделала для него эта женщина? Разве он читал им сказки на ночь? Разве играл вместе с ними в какие-либо игры? Разве элементарно спросил хоть раз – а хорошо ли им в его доме?

– Я рад, что ты приехал так скоро, – искренне сказал отец.

Людвиг Младший перевёл на него взгляд и впервые понял, как родитель постарел за последние два с половиной года. Так, словно прошли все десять лет. Морщины стали зна-

чительно глубже, голубые глаза утратили былую ясность. Теперь ему нельзя было дать меньше его шестидесяти с небольшим. Даже голос, даже голос и тот утратил былую твёрдость!

«Неужели это из-за меня? Неужели он так переживал?» – неприятно поразился Людвиг, но вслух сказал другое:

– Я не мог нигде задерживаться. Я очень хотел вернуться домой.

– Твой дом ждал тебя не меньше, – губы Людвига Старшего приподнялись в непривычной для него мягкой улыбке.

– Проходи, – добавила миледи Ванесса. – Ты, верно, голоден? Я прикажу подать чай или, если хочешь, плотный завтрак.

– Нет-нет, благодарю. Прежде всего я должен вернуть урну на место.

С этими словами Людвиг раскрыл свой небольшой саквояж, в котором перевозил наиболее нужные в дороге вещи, и достал из него вазу с прахом прадедушки. Сосуд был новым, но выглядел неотличимо от прежнего. Разве что содержимое... хотелось бы верить, что к останкам любимого предка примешалось не так много пыли! Несчастный правнук лично собирал щёткой все крупинки, считая кощунством доверить такое слугам и уж тем более вменить пасынкам в качестве наказания.

– Ты уверен, что хочешь начать свой приезд именно с этого? – между тем осторожно поинтересовался старик-граф.

– Я поступил неразумно, забрав урну с собой. Мне стоит

поставить её на место и помолиться за души всех дорогих мне людей.

– Мой бедный Людвиг, – прошептала миледи Ванесса.

Женщина ничего не знала о семейной тайне Верфайеров, а потому не сочла подобное за желание провести ритуал. Вот Людвиг Старший всё сразу понял. Но он решил не напоминать сыну о значимости предварительных подготовок к любым магическим обрядам. В конце концов, перед ним стоял не юнец, а взрослый мужчина, способный и талантливый маг. Тот, кому была доступна дорога в архимаги. Подобного могущества в самом графе Даглицком отродясь не было, магом он родился посредственным.

– Возвращайтесь в дом, дорогая, – попросил граф жену в присущем ему сухом и приказном тоне. – Я сам провожу сына.

Миледи Ванесса, за годы брака свыкшаяся с мыслью, что она живёт и делит ложе с чужим для неё человеком, не стала противиться. Она покорно исполняла свою роль супруги и никогда не жаловалась. В конце концов, ей не хватало всего лишь чуткости и нежности мужа, возможности почувствовать духовную близость с ним. Во всём остальном этот мужчина вёл себя безукоризненно, и многие её подруги о подобном могли только мечтать. В семье Верфайеров не случалось недостойных скандалов, позорных измен, бедственного положения. Миледи Ванесса была богата и знатна... Вот только в отсутствие мальчика, заменившего ей родное дитя, умира-

ла от беспросветного одиночества.

Наверное, она была одной из тех немногих, кто, услышав весть о неприемлемом браке Людвига Младшего, первым делом подумала не об ударе по репутации. Прежде всего, зная характер мужа, она поняла, что не увидит своего названного сына очень долгое время. Сам граф, быть может, ещё пошёл бы на какой-либо контакт с опозорившим его отпрыском, но ей он не дал бы написать ему ни одной строки, ни одного слова. Так и вышло. Женщине оставалось лишь собирать слухи, как живёт вдали от неё дорогой её сердцу человек. Сплетни были, большей частью, нелицеприятные. Это задевало истинную аристократку, заставляя недовольно поджимать губы. Но после она всенепременно радовалась, что её Людвиг познал счастье взаимной любви. И что хотя бы одной женщине из всех тех, что она знала, повезло быть по-настоящему любимой.

Людвиг в сопровождении отца неспешно шёл по знаковой садовой тропе. Случайно встретившийся им садовник, поспешно поклонился, снимая соломенную шляпу. На лице у него при этом возникла широкая искренняя улыбка. Этот старик был рад видеть молодого хозяина, хотя едва ли перемолвился с ним даже парой слов за всю свою жизнь. Виконт ощутил эту доброжелательность и на его продрогшей душе

стало несколько теплее.

Хозяева замка остановились возле часовни. Это было небольшое по периметру, но тянущееся к небу, удивительное и необычное строение в готическом стиле. Его украшали колонны и шпиль, на котором некогда восседала статуя покровительствовавшего тёмным наукам Тринадцатого. Но нынче не только этот монумент отсутствовал. Множество ужасающих скульптур бережно хранились под покрывалами в подвалах замка. Однако, ни граф Даглицкий, ни его сын не видели часовню в былые дни, а потому сердце их не ужалила тоска по её прежнему величию. Тёмно-серые стены часовни покрывал роскошный плющ, скрывая их истинный мрачный цвет. Газон вокруг был подстрижен, и из всех цветов на клумбах росли лишь белые кустовые розы – символ вечной памяти о покинувших мир живых. Печальные сюжеты показывали несколько узких витражных окон. Людвиг знал, что их невозможно открыть, но не было ещё такого, чтобы внутри часовни не царили свежесть и прохлада.

– Я очень рассердился на тебя, когда увидел, что ты вынес отсюда, – признался граф и выразительно посмотрел на сына, как если бы спрашивал: «Зачем?».

– Сейчас мне это сложно объяснить. Тогда я пришёл сюда то ли прощаться, то ли просить прощение, что больше не приду. Но я вдруг почувствовал, что не могу уйти один, что мне нужно обязательно взять урну.

– И как? Помог тебе Оттон Верфайер?

Отец выжидательно глядел сыну глаза в глаза, а Людвиг никак не мог произнести вслух, то, что хотел сказать: «Думаю, я очень его разочаровал».

Подобная мысль была связана не только с тем, что двое пасынков во время шальной игры разбили последнее пристанище прадеда. Нет. Людвиг не просто так восхищался этим человеком. Его покоряли ум, дальновидность, совершенная логика предка. Но самому ему крайне мало такого таланта досталось. Им с Шарлоттой стоило бы родиться наоборот, вот уж кто унаследовал рассудительность и хладнокровие. И нынче, осмысливая всё то, что произошло за два с половиной года, а в особенности новые опасные игры, Людвиг Младший понимал, что ни одна из его проблем не составила бы для Оттона Верфайера какой-либо сложности. Тот бы знал, что нужно делать, и уже делал это.

– Нет.

– Жаль. Мне хотелось услышать иной ответ.

Теперь настала очередь Людвига изумлённо смотреть на отца.

– Это может показаться странным, сын, – ненадолго опуская взгляд к земле, тихо произнёс граф, – но с первых чисел марта все мои сны начинаются с одного и того же видения. Будто я стою у могилы и смотрю на открытый гроб, что в ней лежит. И в этом гробу ты. Мёртвый. А затем я слышу шум шагов за спиной и возле меня встаёт мой дед Оттон Верфайер. Он говорит всего одну фразу, которая беспрерывно кру-

тится у меня в голове днём и ночью.

– Какую фразу? – пребывая в шоке, растерянно проговорил мужчина.

– Это ты недосмотрел, Людвиг, – старик-граф недовольно прикусил губу и на лице его отразилось упрямство. – А потом все вокруг поглощает огонь. Мир рушится, сгорая. Плавится, вынося на поверхность своё мёртвое нутро. И, когда я уже готов проснуться от ужаса, неожиданно сон меняется на что-то... что-то куда как более банальное.

Не нужно быть некромантом в пятнадцатом поколении, чтобы осознать – такие сны просто так не снятся.

– Вы пробовали вызывать дух прадеда?

– В настоящем мире Оттон Верфайер никак не откликается на мой призыв. Его прижизненные способности позволяют ему игнорировать меня даже после смерти. Точно также поступают все остальные наши предки, – ледяным голосом ответил старик-граф и пристально поглядел сыну в глаза. – Подобное молчание уверило меня, что причина моего сна именно ты. Что через останки ты наводишь на меня морок.

Людвигу Младшему оставалось лишь недоумённо моргать. Его переполняло возмущение, которое не так-то просто выразить словами. Но графу Даглицкому и этого хватило. Вид сына лишил его последних подозрений.

– Поэтому я и сказал тебе, что мне жаль. Подобное было бы низко и подло с твоей стороны, конечно, но буду честным, тогда бы мне стало намного спокойнее. Мне очень не

нравится этот сон.

– Если... если вы не считали нужным посвятить меня в такие подробности ранее. И если вы обвиняли меня, то, – замялся Людвиг, не понимая, как у него вообще получилось вымолвить то, что он говорит, – то почему вы приехали ко мне? Зачем пригласили вернуться?

– Я бы никогда не смог принять твой брак, – сурово поджал губы старый граф. – Мне претило видеть тебя и разговаривать с тобой. Но когда он завершился, я не мог поступить иначе нежели должен поступить любой отец.

Он поглядел на сына словно хотел по мимике лица определить, понимает тот его или нет. И Людвиг, подумав, утвердительно кивнул.

Это позволило старику продолжить:

– Увидев тебя, мне сразу стало понятно, что мои подозрения беспочвенны. И не продолжай мне этот сон сниться, я ни за что не возложил бы на тебя тяжесть подобного знания. Но он мне снится. И поэтому прошу тебя, когда войдёшь внутрь часовни, не забудь, что ты жаждешь мира не только для своей души, но и для моей. Помоги мне разобраться.

– Хорошо, отец.

Граф Даглицкий ненадолго положил руку на плечо сыну, а затем ушёл обратно по тропе. Людвиг знал, что это правильно. Он мог выйти из часовни как через пятнадцать минут, так и через несколько часов. Время из-за ритуала меняло свой ход для восприятия заклинателя. И сожмётся оно

словно пружина или, напротив, разожмётся никогда нельзя было ответить заранее.

С мыслями об этом Людвиг приложил правую ладонь к древней плите, закрывающей вход в часовню вместо обычной двери, и прикоснулся губами к её холодному камню. Ему тут же почудилось некое трепетное тепло. Ощущение, что кто-то внутри никак не может дожидаться его прихода. Из-за этого уголки губ его мягко приподнялись. А затем он крепче ухватил ручку небольшого дорожного саквояжа, что так и не оставил на попечение слуг, и через пальцы другой руки, лежащей на камне, выпустил волну энергии. Плита откликнулась на неё. Зашумела, затрещала и, частично разрывая плющ, отодвинулась в сторону. И всё же так просто войти внутрь было нельзя. Следующим препятствием стал силовой барьер, выглядящий как плотный графитово-чёрный мерцающий туман, за которым ничего не разглядеть. Только пройдя через него Людвиг оказался в столь желанном ему месте.

Так как часовня снаружи не была огромной, то и внутри она размеры свои не увеличила. Однако, места в ней хватало для того, для чего она была предназначена. Посреди пола находился ритуальный круг, некогда залитый вулканическим стеклом. Его линии позволяли применять узор для многих воздействий. Древние руны удивительным образом перемещивались с символикой высших магических сил.

За пределами круга пол возвышался сантиметров на двадцать. Своеобразный постамент отделял ритуальную часть

часовни от склепа. Там, на полках, стояли урны и лежали кости тех Верфайеров, что возжелали быть похороненными не в огне, а во мраке. Пустые глазницы черепов были темны. Свет настолько хорошо в часовню не проникал. Здесь всегда царил полумрак. И Людвиг, с малых лет к нему привычный, не стал зажигать магических огоньков. Маг знал, что он не хозяин здесь, а гость. Ему следовало уважать пожелания мёртвых предков.

Первым делом Людвиг поставил на стоящий при входе столик свою ношу. Затем он вытащил урну Оттона Верфайера и вернул её на законное место. Кристалл на полке сразу замерцал синими искорками. Дух был рад возвращению домой останков его материального тела и благодарил таким незамысловатым способом.

– Прости, – всё равно прошептал Людвиг. Его мучила совесть.

Вдруг раздался грохот!

Маг вздрогнул и резко обернулся, ожидая увидеть кого-либо постороннего. Но никого не было. Это со столика упал саквояж. Застёжка при этом расстегнулась, и из саквояжа на пол, как раз в центр ритуального круга, выскользнул разрисованный пасынками листок. Происшествие заставило Людвига нахмуриться, а затем он подошёл ближе, взял открытку в руки и по новой поглядел на останки предков.

Они хотели ему что-то сказать?

Мысль билась в голове мужчины, но ответ на неё всё не

появлялся. Большого не происходило. Так что Людвиг положил саквояж и лист обратно на столик и приступил к проведению ритуала. Разложил на положенные места свои волосы, ногти, кровь. Зажёг, принесённые с собой чёрно-красные свечи и, самое главное, поставил лампаду для благовоний. Ему нужно было создать достаточно дыма, чтобы духи смогли создать из смога необходимые силуэты.

Несмотря на его старания, в этот раз предки материализовываться ничего не стали. Людвиг чувствовал, как они приблизились, ощущал их влияние на него, но никаких видений, как в прошлый раз, не появлялось. Некоторое время ему было невероятно жаль, что так оно вышло. Он очень надеялся, что кто-либо из них воссоздаст облик Мари или даже призовет её дух сюда. Но затем к нему пришло спокойствие. Душевная рана, что изводила его, несколько затянулась. Ему предельно ясно стало, что для любимой в этой часовне нынче не могло быть места. Его жена умерла с миром и покоем в сердце. Она ни в чём не винила его, ни в чём не упрекала, чтобы сейчас находиться здесь. Не было у предков нужды и воссоздавать картины прошлого, давая Людвигу возможность исправить своё отношение к ним. Это было ни к чему. Мари любила его. Он любил её. Они ничем не оскорбили и не обидели друг друга. Это только он сам довёл себя почти до сумасшествия тайными мыслями, что грешен перед нею. Ему одному в своём эгоизме хотелось кричать о том, что он не хочет и дальше жить без супруги и дочери.

Людвиг принял то, что с высоты своего опыта даровали ему духи предков. Он отпустил тех, кого так не хотел отпускать. Перестал привязывать их к нынче чуждому им миру и позволил уйти на другие планы бытия. И это решение, до этого столь терзающее его, подарило мужчине долгожданный покой. Жизнь.

Через витражные окна никогда не проникало достаточно света, поэтому они самостоятельно мягко светились. И в результате понять, сколько времени прошло, у Людвигу не получилось, но это не так уж имело для него значение. Теперь, когда он вернул себя самого и своё равновесие, он должен был попытаться исполнить просьбу отца. Так что маг, не давая духам покинуть ритуальный круг, воззвал к ним по новой. Раз они уже откликнулись, то не смогли бы столь просто проигнорировать его вопрос.

– Какой смысл сокрыт в этом сне? – закончил он свою краткую речь вопросом.

Теперь оставалось ждать. И Людвигу очень хотелось, чтобы духи мягко и насмешливо сделали виток в воздухе. Ему хотелось, чтобы они беззаботно шепнули ему, что никакой сути во сне нет. И что, быть может, это всего лишь проделка лорда Оттона Верфайера, его желание показать, как недоволен он сменой места своего обитания. Но нет. Пламя свечей вздрогнуло и вытянулось вверх на много сантиметров. Огонь стал походить на факелы. Порыв ветра сдул в сторону кусочки ногтей, волосы и снова сорвал со столика открытку.

Духи приняли образы летающих черепов. Они раскрывали пасти с огромными клыками. Их стремительное мельтешение перед глазами вызвало у Людвига сильное головокружение. Мужчина не выдержал и упал на одно колено. Однако, он всё равно продолжил удерживать голову высоко поднятой и снова потребовал.

– Откройте истину!

Наконец духи замерли. Пол под ногами Людвига затрещал и покрылся трещинами. Сначала медленно, а затем всё быстрее крошилось стекло. Линии появлялись на первый взгляд хаотично, но вместе с тем они создавали жуткий символ. Смерть, хаос, разрушение в последней их стадии – вот, что он значил. Конец всего сущего. И когда маг, испуганно округлил глаза, до конца осознав, что именно он перед собой видит, духи предков соединились воедино в чудовищного вида туманную тварь. Вся она состояла из сросшихся между собой голов, жадно высывающих наружу непомерно длинные языки. А затем их глаза обратили на него свой взор и раздался утробный шёпот.

– Большого показать не смеем.

После этого жуткое существо исчезло. Духи полностью утратили материальный облик и настойчиво требовали отпустить их. И задерживать предков для дальнейших расспросов Людвиг не осмелился. Он ощутил их запредельную тревогу, их неспособность разорвать некие запреты, их настойчивое желание разомкнуть связь, на которую они откликну-

лись, и... а ещё их страх. Глубокий. Первозданный. Мёртвые что-то знали. И чего-то очень и очень боялись.

Этот страх передался Людвигу. Он судорожно затушил все свечи и, даже не убирая за собой атрибуты ритуала, бросился к выходу. Его гнала вперёд необходимость поделиться увиденным с отцом, но... но тут он услышал детское хныканье за спиной.

Некромант знал, что отпустил духов предков. Они ушли. А, значит, та тень, что пыталась привлечь его внимание, чужая. Кто-то вторгся в обитель рода!

... Кто-то, кого предки пропустили.

Крайне медленно Людвиг обернулся. То, что он сегодня увидел, уже перепугало его до смерти. Новое обстоятельство лишь углубило страх. Однако, на первый взгляд, ничего чудовищного не происходило. В ритуальном круге сидела девочка лет пяти. Её тело было создано из дыма, но являлось таким плотным, что оно казалось живым. Эта малышка склонялась над забытой магом открыткой и как будто дорисовывала что-то на ней. Но почему-то не подпевала себе под нос какую-нибудь весёлую песенку, а именно что всхлипывала. Казалось, что она вот-вот разрыдается.

– Кто ты? Что ты делаешь? – настороженно спросил маг, когда плавно, словно каждый шаг давался ему с трудом, начал подходить ближе.

Девочка вздрогнула и подняла на него свои заплаканные глазёнки.

– Это я, папа. Я рисую.

Больше она ничего не сказала и даже не пошевелилась. Поэтому Людвиг всерьёз обеспокоился, но всё же подошёл вплотную к призраку и даже присел на корточки.

– А что и зачем ты рисуешь?

– Хочу сделать тебе подарок.

Туманная ручка девочки подняла с пола открытку и с опаской протянула ему. Ничего не оставалось как взять листок. Причём Людвиг тут же с интересом на него воззрился, но изображение от прежнего ни капли не отличалось.

– Хм, спасибо... А ты и правда моя дочь?

Призрак энергично закивал, и у Людвига, прекрасно знающего, что в таком месте ни один дух лгать не станет, болезненно сжалось сердце. Теперь он действительно различал в лице ребёнка свои черты. И черты Мари.

Почему Адель вдруг пришла? И почему именно так?

– Отчего ты плачешь?

– Я сильно боюсь тебя, – сквозь слёзы прошептала призрачная девочка, и у Людвига мгновенно возник неприятный комок в горле. – Мои братья подарили тебе открытку, но это им не помогло. Ты бросил их.

– Нет-нет, Адель, – торопливо произнёс он. – Я не бросил их. И тебя я ни за что бы не бросил.

– Тогда почему им так холодно и страшно?

Вопрос был задан совсем не с детской суровостью.

– Им не может быть холодно и страшно. Они сейчас в нашем доме, о них заботятся наши слуги. Мой лучший друг Сириус присматривает за ними.

Девочка, не меняясь в серьёзном выражении лица, отри-

цательно покачала головой, а затем её тело утратило очертания, и в воздухе перед Людвигом остался только дым.

– Вернись! – в отчаянии выкрикнул он.

Увы, на большее даже некромант его уровня был неспособен, если, конечно, не хотел доставить тени умершего боль. Либо дух приходит сам, либо откликается на зов, либо... либо его силой вытягивают в материальный мир. А соприкасаться с реальностью тому, что ушло из неё, очень больно.

– Вернись, прошу тебя, – тихо прошептал Людвиг, хотя уже знал, что больше в часовне ничего не произойдёт.

Глава 5

Пока Людвиг Верфайер Младший проводил время в часовне, в самом замке происходило следующее.

Едва старику-графу надоело размышлять о бренности бытия, сидя на скамье в саду, едва он перестал хмурить лоб, как ему донесли важное сообщение.

– Ваше сиятельство, инквизиция!

Когда ты потомственный некромант, да ещё тайно практикующий, подобного сообщения всегда ждёшь. Чтобы ты ни делал, а где-то в уголке головы завсегда горит тревожный маячок – как бы за тобой не пришли? Поэтому не сказать, чтобы Людвиг Старший никогда не предполагал такого хода событий. Однако, он всё равно оказался огорошен сообщением.

– Как инквизиция? – даже растерянно пролепетал граф, прежде чем мгновенно пришёл в себя.

Не дожидаясь робкой попытки прислуги ответить на дурной вопрос, мужчина гордо расправил плечи и, будто возвращая себе годы юности, стремительным шагом направился в холл. По дороге он не забывал отдавать указания.

– Закрывать все калитки в сад и Григория ко мне. Живо!

– Да, Ваше сиятельство!

– Что вы тут пол трёте? – прикрикнул граф на горнич-

ную. – Займитесь библиотекой, я видел на камине жуткие пятна!

– Да, Ваше сиятельство!

Так. Хорошо. Пока глупая девка стоит там с тряпкой, рычаг тайного хода не так приметен будет.

– Где Григорий?!

– Я здесь, Ваше сиятельство! – выскочил из-за угла румяный детина в летах.

– Ты меня слушай внимательно, Гриша, – зашептал тут же граф. – Немедля из правого крыла убирай всё лишнее. Ты меня понял, э?

– Понял, Ваше сиятельство, – выпучил глаза тот.

– Раз понял, так не стой здесь столбом! Чего рот разинул? Вон отсюда!

Вот как-то так Людвиг Старший дошёл до холла. Его супруга уже находилась там и в меру своего разумения старалась задержать отряд карателей. Пусть в некромантии она ничего не смыслила и вообще о ней ничего не знала, но зато прекрасно понимала – в отсутствие мужа таким людям лучше ничего лишнего не позволять.

– Что здесь происходит? – отреагировал Людвиг грозным вопросом на то, как глава отряда насаждает на женщину. – Я хозяин этого дома, граф Даглицкий, требую у вас разъяснений! На каком основании вы врываетесь в мой дом и пугаете мою жену?

Супруга, обрадованная подоспевшей поддержке, отступи-

ла назад и встала за плечо мужа. Оттуда она испуганно шепнула ему:

– Они приехали за нашим мальчиком.

– Меня зовут Томас Фуго, я главный инквизитор Арратауна.

– Вы думаете, я не знаю кто живёт на моих землях? – с едким возмущением проговорил Людвиг Старший. – Мне прекрасно известно кто вы и чей вы бастард. Зато вот вы, кажется, забываетесь, кем я являюсь.

Инквизиторы всегда вели себя очень нагло. Таким поведением они рассчитывали подавить возможное сопротивление на корню, либо, напротив, на него спровоцировать. Едва переступив порог, они завсегда принимались запугивать людей, заставляли их чувствовать себя растерянными. Подобное выбивало почву из-под ног и вынуждало совершать ошибки. Но граф Даглицкий подвергался аналогичным нападкам много раз за свою жизнь. Деятельный по природе, он не просто так взошёл на верх карьерной лестницы. Так что, хотя его глаза гневно сверкали, в них так же читалось хладнокровное спокойствие.

Взгляд графа позволил Томасу Фуго по достоинству оценить собеседника. Собственно, у него почти не имелось сомнений, что в данном случае никакой артистизм не поможет. Для коренного жителя этих земель было бы странно не составить верное мнение о своём сеньоре. Так что он расслабил плечи и дал знак прочим блюстителям чистоты магии поки-

нуть дом. Приставленные охранять порядок в замке стражи вздохнули свободнее. Они не знали, что им делать. С одной стороны, в их обязанность входило защищать замок от вторжения, а, с другой, перечить инквизиции не дозволялось под страхом смерти.

– Отнюдь, Ваше сиятельство, – между тем обратился к графу Томас Фуго, – я прекрасно осведомлён о вас. А также о том, что нынче утром в замок вернулся ваш сын, лорд Верфайер. У меня есть распоряжение провести его первичный допрос, а после доставить для дальнейшего разбирательства в столицу.

– Покажите мне ваш приказ.

– Пожалуйста.

Главный инквизитор протянул письмо и вытянулся по струнке. При своих людях он разыгрывал из себя верного пса инквизиции, но наедине стоило подумать о своей жизни тоже. Томас не сомневался, что если он проявит положенное его должности рвение, то в будущем вызовет большой скандал и неприятные последствия. Для себя лично. Всё-таки вина Людвига Младшего была косвенной. Обнаруженная улика могла трактоваться весьма двояко. Он сам сходу мог сообщить с полдюжины безопасных причин хранить подобную шкатулку. И, если по чести, не имей род Верфайеров историческую склонность к тёмному искусству магии, то Томас сразу посчитал бы клеветой донос на виконта.

– Это возмутительно, – тишайше буркнул граф Даглиц-

кий и вернул письмо. – Я предпочитаю присутствовать при допросе сына. Полагаю, мы можем совершить эту неприятную процедуру прямо здесь?

– Думаю...

– Подумайте, господин Фуго, подумайте, – перебил Людвиг Старший своего собеседника ледяным тоном. – Вы уже достаточно на шумели со своим отрядом. Всерьёз ли вы хотите доставить моего сына в Арратаун? Да ещё никак в клетке, подобно какому-то еретика.

– Вообще-то мы озаботились каретой.

– Очень приятно, что ваши заботы касаются хотя бы чего-то дельного. И всё же я настаиваю.

– Хорошо, – сдался Томас. – В таком случае я приглашу писаря и одного из своих помощников. Где мы сможем провести допрос?

– В моём кабинете, конечно. Зовите своих людей, моя жена, миледи Ванесса, проводит вас. А я пока схожу за сыном. Надеюсь, у меня получится сообщить ему о ваших низких подозрениях более мягко нежели это вышло у вас.

– Это невозможно. Я не могу оставить вас наедине.

– В смысле не можете?

Глаза Его сиятельства сверкнули такой яростью, что у Томаса нехорошо засосало под ложечкой.

– Хм, понимаете...

– Мой бедный Людвиг! – горестно воскликнул граф, перебивая инквизитора, и даже вполоборота повернулся к обес-

покоенной жене, дабы видимость, что он обращается именно к ней была полной. – Ему не дают спокойно помолиться за души усопших супруги и ребёнка. В дни скорби траура он не может найти покой даже в светлой часовне. Клеветники и злословцы! Я растерзаю тех, кто посмел принести в мой дом такую боль!

– Простите, я не знал, что ваш сын совершает молебен, – резко спал с лица Томас. – Он действительно в часовне?

– Разумеется, – подтвердила миледи Ванесса, украдкой утирая набежавшую слезинку. – Едва вернулся домой, так сразу поспешил туда. Уже третий час оттуда не выходит.

– Полагаю, будет лучше, если мы действительно подождём вас в вашем кабинете, – решил Томас Фуго. Сказать обратное, означало бы нажить себе непримиримого врага.

– Благодарю вас за оказанное доверие, – сразу смягчился взгляд графа. – Не переживайте. Мы с сыном не станем задерживаться.

Разумеется, граф Даглицкий взаправду поспешил к часовне. Ему крайне не хотелось прерывать ритуал сына, но другого выхода у него не было. Старик ужасно торопился, шагая по садовым дорожкам. При этом путь его лежал мимо ещё одной часовни, поставленной исключительно ради Верфайеров непосвящённых, а также вероятных гостей зам-

ка. Официальная причина постройки, конечно же, была куда как проще – устаревшая архитектура старого места для молебна, далёкое местоположение, встроенная в кладку магическая защита. Толков среди прислуги как тогда не возникло, так и сейчас не возникало. Не так часто кто-либо из графов посещал старую часовню, превратившуюся, как всем было известно, в родовый склеп.

– Как хорошо, что ты закончил, – выдохнул с облегчением старик-отец.

Едва он подошёл достаточно близко, как Людвиг Младший самостоятельно вышел наружу. Правда, всё облегчение графа разом пропало. Встревоженный донельзя вид сына заставил его насторожиться и потребовать объяснений.

– Говори, что там произошло? Духи предков не явились даже на твой зов?

– Нет, они пришли. И поначалу всё было хорошо, но после я начал спрашивать их про ваш сон, – кожа говорившего виконта была белее мела. – Отец, они не могут рассказать нам большего, чем показал вам прадед. Нечто заставляет их молчать. Нечто, что может внушить страх даже духам.

– Что же это может быть? – беспокойно нахмурился старик.

– Мне сложно судить. Но отныне стекло ритуального круга содержит в себе ещё один символ – Ашенат. Знак последнего разрушения. Окончательной гибели.

Жёсткие черты лица графа на некоторое время стали ка-

заться ещё жёстче, но затем он прекратил свои раздумья. Несомненно, сказанное сыном было крайне важно. Во сто крат важнее инквизиции! И всё же именно карательный отряд мог помешать разобраться с тем, что может произойти.

«Как отвратительно! – гневно думал старый маг. – Вместо того, чтобы наконец-то заставить Ковен перестать хранить от меня свои секреты, я вынужден разбираться с этим подлым человеком!».

– Людвиг, тебе нужно ненадолго отпустить свои заботы о новом знании.

– Отпустить? – изумился сын.

– Сейчас в моём кабинете находится главный инквизитор Арратауна и его люди. Они прибыли сюда за тобой, но по моей просьбе первый допрос пройдёт здесь. В нашем доме. И да, это пока важнее.

– Как допрос? – едва слышно прошептал Людвиг Младший, вмиг ощущая, что ноги его едва держат.

– Да, допрос, – повышая голос, подтвердил граф. – И я хочу знать, что навело их на мысль проводить обыск в твоём доме в Лоррендауме.

Что могло натолкнуть инквизицию на такое Людвиг Младшего мало интересовало. У него уже имелось в голове достоверное объяснение. Куда как больше ему хотелось знать, что именно было там найдено. Неужели... неужели всё?

Сердце как-то подозрительно и нехорошо кольнуло. Будь

по близости какое-либо дерево или перила, Людвиг Младший незамедлительно бы облокотился на них. Ему действительно стало исключительно дурно от представления собственного тела на костре. Он словно воочию увидел насмехающиеся лица зевак, пришедших посмотреть на сожжение колдуна-аристократа.

– Они могли найти мой тайник, – панически сообщил Людвиг. – А там было всё. Вся атрибутика и книги.

– Обе? И Чёрная Книга Дракона, и рукопись Лариона-Мертвеца?

Он только кивнул, на большее оказался неспособен. Горло сдавило от ужаса.

... Неожиданно старик-граф влепил ему сильную пощёчину.

– Приди в себя! – грозно рявкнул он. – Одарили же меня Тринадцать сыном. Кому из них я только так перешёл дорогу?

Что на такое ответить? Людвигу Младшему оставалось только виновато молчать. А граф тем временем поуспокоился и рассудил:

– Нет, не могли они такое обнаружить. Твой тайник цел. Если бы оно было иначе, то к нам бы не главного инквизитора Арратауна прислали. Нет. Сам Великий Инквизитор бы пожаловал! Поэтому пошли в мой кабинет и думай. Думай, сын! Что они могли обнаружить вне тайника? И самое главное – кто мог желать тебе такого зла? Кто смог заподозрить

тебя в некромантии?

Граф Даглицкий так поглядел на сына, что Людвигу Младшему мгновенно стало понятно, кого в нынешнем несчастье подозревает отец. Поэтому он твёрдо ответил:

– Нет, это не мог быть Сириус.

– Отчего ты так уверен в нём?

Взгляд старого аристократа был неприятен донельзя. Молодому магу даже пришло в голову, что если смотреть на него так будет некий Томас Фуго, то у него не останется выбора, кроме как сознаться во всём. Ледяная жестокость, решительность, готовность подчинить всех своей воле – вот, что читал в голубых глазах отца сын. И оттого они казались ему совсем чужими. Удивительным образом зеркало раз за разом показывало Людвигу Младшему его внешнее сходство с родителем. Но такого выражения лица у себя самого он отродясь не замечал.

– Потому что Сириус знает, где мой тайник. Я показал ему и его, и что храню в нём.

– Вот идиот! – в своём изумлении воскликнул граф.

На мгновение Людвигу показалось, что отец вот-вот выдаст ему новую оплеуху. Но нет, недоверчиво покрутив головой, родитель ненадолго крепко поджал губы, а после процедил.

– Идём. Не стоит заставляя ждать инквизицию. Позже нам ещё предстоит дорога в Лоррендаум.

– Зачем?

– Ты думал, что дело закончится только нынешним разговором? Тебе предстоит унижительно давать разъяснения в Великом соборе Чистоты.

Они двинулись через сад в замок. И буйство красок природы уже не казалось Людвигу Младшему красивым. Собственно, он вообще словно утратил связь с реальностью. Не замечал ничего. Голову его наполнили противные тягучие мысли. Маг думал о том, что можно было найти в его доме, о том, зачем так поступил Эдвард Рейц. Думал он о собственном страхе перед Великим Инквизитором, и, несомненно, о том, что ему сейчас говорить.

Только переступив порог отцовского кабинета Людвиг подумал ещё кое о чём. Вернее, кое о ком. Он вспомнил про открытку, что по-прежнему держал в руках и, поглядев на неё, похолодел: «А мальчишки-то? Что случилось с ними?».

– Мне жаль отрывать вас от молебна, Ваша милость, но меня, Томаса Фуго, главного инквизитора Арратауна, назначили обязанным провести ваш допрос.

По-хорошему, Томасу следовало сесть в кресло за письменным столом, сцепить ладони в замок и грозно смотреть исподлобья на растерянно стоящего перед ним мужчину в траурном чёрном костюме и нелепым пёстрым рисунком в руках. Но Томас верно рассудил, что не стоит занимать место графа. Поэтому он предложил Людвигу Младшему присесть в одно из гостевых кресел, а сам пристроился напротив. Писарь нашёл себе уголок возле стены на пуфике. Деревянный

планшет позволял ему делать записи без конторки. Ещё один инквизитор остался стоять у входа и теперь внимательно наблюдал за происходящим. Это был маг, что уже изучил ауры всех присутствующих и сделал соответствующие выводы.

К счастью, Людвиг Младший занимался отнюдь не «грязным» ритуалом, а потому за время пути к кабинету без труда очистил свою ауру. В конце концов, предпочитаемая Верфайерами стихия огня прекрасно выжигала из неё лишние мрачные пятна. Это была не вода, не земля и не ветер. Призвание огня разрушать и скрывать за своим отблеском таящиеся вокруг тени.

Граф Даглицкий встал ближе к окну так, чтобы сыну в будущем было видно выражение его лица и не требовалось при этом поворачивать голову. Со стороны даже могло показаться, что Людвиг Старший принял сторону обвинения. Он сурово глядел на отпрыска. Руки его были скрещены на груди, как дополнительное выражение недовольства.

– Могу я поинтересоваться, отчего вам поступил такой приказ? – мягко поинтересовался Людвиг Младший, стараясь изобразить удивление.

– На вас поступил донос, содержащий в себе не только подозрения. В нём было указано достаточно фактов, которые никак нельзя игнорировать, а потому в вашем доме был проведён обыск. И он доказал, что внимание ваша персона привлекла не зря.

Тут Томас смерил собеседника пронизательным взглядом

и... и к своему удивлению осознал, что виконт действительно чего-то боится. Причём этот страх не походил на тот, что испытывают невинные, столкнувшиеся с деятельностью инквизиции. Поэтому мужчина насторожился и решил продолжить допрос с большей пристрастностью.

– Право, не понимаю, что можно было найти, – между тем ответил Людвиг. – Быть может, какая-то из вещей прислуги?

«Да-да. Конечно. Когда виновен господин почему-то первым делом все сразу вспоминают о простых людях», – хмуро и недовольно подумал Томас, выходец из мещан.

– А я думаю, вы прекрасно понимаете, о чём идёт речь. И будет лучше, если вы сами озвучите все свои секреты. Законы инквизиции достаточно смягчились за прошедшие четверть века. Такой благородный человек как вы, да ещё профессор Академии магических наук, не может подлежать публичному наказанию. Если вы проявите содействие, то всего лишь отправитесь в ссылку.

«Куда меня могут отправить?» – едва не сорвалось с языка Людвиг Младшего, но он каким-то чудом уразумел, что это ловушка. Задать такой вопрос, означало практически сознаться в собственной вине.

– Простите, какая ссылка? За что? Для меня загадка из-за чего меня можно подозревать в запретном искусстве, – постарался произнести он с возмущением.

– Погодите записывать отказ, – попросил Томас писца и с самым благожелательным выражением на лице поинтересо-

вался. – Подумайте ещё раз, Ваша милость. Слово «ссылка» только звучит страшно. На самом деле с вашим влиянием, способностями и деньгами вы продолжите жить самым достойным образом. Ни в чём себе не отказывая. Изменится страна и только. Давайте решим всё миром? Расскажите подробности, а после вы сможете забрать пасынков и спокойно уехать.

– Мальчики? – тут же по новой вспомнил о детях Людвиг и ненадолго поглядел на открытку.

Разрисованная красками бумага была уже изрядно помята и грязна. Неудивительно, ей пришлось пережить топтание ногами, длительную поездку в саквояже, а затем ещё и в часовне её помотало из стороны в сторону. Листок с детской мазнёй даже держал в руках призрак! И кто знает, вдруг вскоре ему предстоит оказаться в цепких лапах дотошных инквизиторов?

Людвиг Младший мог бы усмехнуться от представления, как блюстители чистоты магии дотошно изучают каждый завиток, надеясь различить недозволенную символику в улыбающихся рожицах, но... но он помнил, как призрак его дочери отрицательно качал головой. С пасынками что-то произошло. Что-то, о чём ему пока не было известно.

Ах, если бы Сириус Ван Отто отправил другу хоть какое-то сообщение о происшествии с братьями! Но он прекрасно понимал, что краткой записи, которую можно передать через быстрые каналы, мало. Мальчики сбежали? И

всё? Да друг от таких известий на скорую руку может таких бед наворотить! Например, взяться за удалённый поиск, который выдаст в нём некроманта. Кто знает, в какой момент прибудет карательный отряд? Наверняка в самый неподходящий! Предупреждать же об инквизиции никак не следовало. Какими бы надёжными ни были каналы связи барона, а такое они без внимания вряд ли бы оставили и запросто кому не надо кое-что донесли. Писать витиеватыми фразами? Так Людвиг Младший никогда не обладал способностью решать шифры и ребусы.

Другими словами, умница барон Шлейфтерский просто-напросто не нашёл подходящих слов. Несчастный Сирус битый час составлял послание, но так и не справился с задачей. А потому, посчитав, что время безвозвратно упущено и сообщение придёт позже необходимого, оставил всё как оно есть.

– Мальчики. Обыск сильно их напугал? Их никуда не увезли? – торопливо произнёс всерьёз обеспокоившийся Людвиг.

Томас Фуго посчитал, что на такой вопрос можно ответить честно. Он был инквизитором, а не подонком. Лгать человеку в таком деле, когда тот только что потерял жену и новорождённого ребёнка, он не мог. Тем более, слухи о том, насколько сильно был привязан Людвиг Младший к супруге, явно не на ровном месте возникли. Просто так решиться впасть в немилость графа Даглицкого – это надо быть сущим

безумцем! Нет, сидящий перед ним мужчина действительно переживал глубокое горе и усугублять его ложью, что пасынки пребывают в некоем заключении и только его признание освободит их, он не стал.

– Вам не стоит переживать за детей. Во время обыска их уже не было в доме.

– Как не было? – ошеломлённо произнёс Людвиг.

– Прислуга отправила их вслед за вами в замок Арраур. Как вы просили.

– Но... но я никому такого указания не давал!

Вот это возмущение уже не было наигранным. Это Томас Фуго сразу понял. Оно являлось именно таким, какое должно было возникнуть на предложение о ссылке. И потому он решил углубиться в вопрос.

– Главе карательного отряда была предъявлена записка от вашего имени. В ней говорилось о том, что вы требуете незамедлительно отправить детей в дорогу. Прислуга опознала ваш почерк и поступила так, как ей было велено.

– Нет, нет и нет! – пребывая в шоке, горячо вымолвил Людвиг и случайно выпустил открытку из рук. После чего крепко сжал ладони в кулаки и воскликнул в слепой ярости. – Это всё он! Он посмел не только донести на меня, но и выкрал мальчиков!

Осознание, что только что было произнесено чрезмерно много лишнего, пришло к Людвигу Пламенному мгновенно. Он затих и испуганно вжался в кресло. Все присутству-

ющие тоже напряглись и уставились на молодого виконта. Пристально глядел на сына даже старик-граф. В голове у всех вертелся один и тот же вопрос.

– Кто это «он»? – наконец, холодно осведомился Томас Фуго.

Людвиг беспомощно, словно в поисках защиты, поглядел на отца. Но тот не менее сурово, нежели главный инквизитор, произнёс:

– Мне бы тоже хотелось узнать это, сын. Я очень желаю выяснить, что я недосмотрел.

Маг упрямо замотал головой, отказываясь говорить больше.

– Это никак не относится к делам инквизиции. Но на все остальные ваши вопросы я готов ответить, господин Фуго. Правда не знаю, насколько вас устроят мои ответы на них, но... Уверяю вас, я невиновен в том, в чём меня обвиняют!

«Я нужен Эдварду Рейцу, да и отец рассудил верно. Тайник остался цел, и я не буду признан еретиком. Я сброшу с себя внимание инквизиции, но уже буду знать, чего должен опасаться, – думал Людвиг. – Весь этот цирк и жестокое издевательство над детьми лишь набрасываемый на меня поводок!».

– Вот тут вы ошибаетесь, Ваша милость, – сухо опроверг Томас. – Судя по вашим словам, некто пытается манипулировать вами через блюстителей чистоты магии. Неужели вы думаете, что инквизиция может позволить так дерзко ис-

пользовать себя?

«Эх, вот был бы я Оттоном Верфайером», – только и вздохнул незадачливый некромант.

Если бы Леонард не был столь удачлив родиться ментальным магом, вряд ли бы он имел успех в обществе. Но его редкий магический талант был не только сам по себе ценен, он научил его правильно манипулировать сознанием людей. Ну, а желание вкусить всю сладость привилегированного положения и острый ум настойчиво двигали его вперёд. Поэтому неудивительно, что этот человек добился как благозвучной фамилии ван Донатан, так и потомственного дворянства.

О да, внебрачный сын герцога Винтерфлёр высоко взлетел!

... А ведь мог достигнуть ещё большего.

– Нам было бы приятно видеть вас на своём празднике, – с лёгкой улыбкой доброжелательно сказал Его величество Стефан и легонько взмахнул рукой. Этого жеста хватило, чтобы секретарь начал поспешно строчить приглашение, за которое три четверти королевства Ортланд запросто продали бы душу Тёмному Богу. Однако, Леонард не подал вида, что доволен настолько, что готов прыгать от счастья. Вместо этого он вежливо, но без лишней суеты ответил с поклоном.

– Для меня честь служить вам.

Лишь позже, когда приватный разговор с королём завершился, Леонард позволил себе предвкушающую улыбку. Увы, ей не было суждено стать долгой. Путь из личных апартаментов Его величества лежал через двухъярусный зал, и, неторопливо идя по его балкону, через боковые арки Леонард увидел находящуюся внизу знакомую фигуру лорда ван Отто. Безобразный барон словно почувствовал внимание к себе. В тот же миг он поднял голову, и новоявленный виконт столкнулся со взглядом хмурых стальных глаз.

Как будто лезвия мечей скрестились!

Мужчины сдержанно поприветствовали друг друга, но напряжение между ними физически ощущалось.

«Никак этот цепной пёс начал меня подозревать», – к своему недовольству осознал Леонард, и сжал набалдашник трости крепче. А затем он, ни капли не меняясь в лице, продолжил идти дальше. Правда, вскоре его брови всё же ненадолго сошлись на переносице. Виконт понял, что тянуть больше нельзя. Ему требовалось как можно скорее и мягче вывести из игры столь опасную фигуру! Деятельный барон мог не только помешать тщательно выверенным планам по получению абсолютного доверия Его величества, но и затруднял доступ к контролю другого нужного ему лица – Людвига Верфайера Младшего. Подход к последнему из-за личности родителя требовался осторожный, а опека лорда ван Отто в разы усложняла задачу.

«Ничего-ничего, псина, я всё равно обведу тебя вокруг

пальца, – оборачиваясь, чтобы свысока взглянуть на неприятеля, холодно подумал Леонард. – Место архимага на следующем голосовании будет моим. И править разумом Его величества буду тоже я... В конце концов, не получится с королём Стефаном, так возьмусь за его наследника! С ним гораздо проще совладать будет».

Глава 6

– Кушать хочется, – жалобно проговорил Витенька.

У Виталика самого живот от голода сводило. Пирожки они доели ещё вчера, а потому есть было нечего. А ведь время уже подошло к обеду. Кроме того, день выдался дождливым и холодным. Всё утро братья, прячась от хлынувшего ливня, просидели в одном из склепов, замок которого удалось вскрыть. Мальчики со страхом косились на жуткие, обглоданные крысами трупы, морщили носы от вони, но даже такая гадость не смогла отбить сильный детский аппетит.

«Если кто-то из благих богов может защитить нас, помогите, пожалуйста, – жалобно подумал про себя Виталик и взмолился ещё пуще. – Матушка, Аделюшка, услышьте! Как быть? Куда податься? Помогите нам!».

– Есть хочу, – продолжил хныкать Витька, и Виталик, стараясь взять себя в руки, произнёс вслух:

– Надо как-то денег добыть.

Он старшой. Ему нельзя панике поддаваться. О брате думать надобно.

– А откуда ж берут их?

– Работают. Или продают что-нибудь... Может, в книге твоей что про это написано?

– Не знаю. Я так-то её не читал, – растерялся Витёк.

Малыш и правда страницы не перелистывал. Безынтересно ему это было. Там слова всякие длинные непонятные. Картинок мало, да и те рассматривать не хочется. Чего внутрь глядеть? То ли дело чешую чёрную погладить. Она сразу тёплая становится и как будто мягкая.

– Пошли тогда в город? Дождь почти стих.

Ливень и правда уже прошёл. Так, покрапывало немного. А просветы в небе говорили, что скоро оно перестанет хмуриться и вернёт себе прежнюю ясность. Поэтому Витька, у которого не нашлось возражений, поднялся на ноги, и оба мальчика направились к выходу с кладбища. Суровый сторож, сидящий в будочке у входа, удивлённо покосился на них. Он не мог припомнить, чтобы кто-либо поутру проходил мимо него, но мужчина не стал забивать себе этим голову. Мало ли зазевался и не заметил? Да и чего на таких подозрительно смотреть? Одеты хорошо, обуты. Видать проведать кого-то из родных пришли, а не хулиганить.

В городе Виталик и Витька ходили от места к месту и предлагали свою помощь. Они обращались к лавочникам, спрашивали у женщин, не надо ли им помочь донести корзины со снедью, даже около батрака, занимающегося колкой дров, остановились. Последний зло рассмеялся над ними.

– Идите-идите своей дорогой, барчуки! Таким подработать дашь, так потом ещё родители со притезиями припрут-ся. Да и неча у рабочего люда хлеб отбирать. Вон идите! У!

Напоследок он такую рожу страшную скорчил, что маль-

чки отшатнулись и побежали прочь. Лишь за поворотом им смелости хватило спокойным шагом пойти.

– Кушать хочется, – вскоре грустно напомнил Витька. Ни о чём другом он думать уже не мог. Куда бы мальчик не посмотрел, его глаза всюду еду выискивали.

– И мне хочется. Только нет, не найти нам работы, – горько вздохнул Виталик. Ему стало понятно, почему на их просьбы все так шарахались, и из-за этого им овладело отчаяние. Это чувство не давало даже дышать нормально. Виталику хотелось сесть на корточки куда-нибудь в уголок и плакать, плакать. Пожалуй, если бы не Витёк, он бы так и поступил. Но стыдно было при младшем брате сдаваться.

Он старший. Он должен крепким быть.

– Виталь, что же нам теперь делать? – хлюпнул носом малыш.

– Продавать что-либо придётся.

– А что, братик?

– Что-что? – раздражённо сказал Виталик и всерьёз задумался.

Обуви лишаться – только ноги потом в кровь сбить. Штаны не снимешь, одни они. Рубахи тоже. Камзол свой он уже отдал. Оставался Витькин, но его лишаться очень не хотелось. Ночью было холодно, и щуплый Витёк, несмотря на более тёплый наряд, по новой расклеился. Вон, опять соплю утирает.

А, может, книга?

Виталик с сомнением оглядел свёрток в руках младшего брата и решил, что нет. Нельзя книгу никому показывать. Даже если силой вырвать её из Витькиных ручонков, то хорошего ничего не жди.

Оставался разве что плащ, в который книга завёрнута была. Аккуратно отпороть капюшон? Книга небольшая, в него легко поместится. А прочее продать. Всё равно много ткани хорошей. Тёмно-синяя, с серой лоснящейся подкладкой. Непромокаемая.

– Плащ продадим, – решил мальчик.

Затем он сел на ступеньку крыльца и достал ножик. Осмотрел его лезвие – хватит остроты аккуратно нити подрезать?

– А книгу я в чём хранить буду?

Старший брат поднял голову, чтобы рассказать о своём плане, но тут обратил внимание, как карманы штанов у Витьки оттопырены.

– Вить, а в карманах у тебя что?

– В карманах? – малыш словно удивился тому, что в них действительно что-то есть. Даже руки туда сунул проверить. – Мелки и щенок.

– Вот их и продадим.

– Не дам! – надулся Витька словно бойцовский петушок.

– Тогда выбирай – либо книга, либо твои игрушки!

– Братец, а плащ как же? Ты же про плащ говорил, – жалобно пролепетал мальчик.

– Капюшон я всё равно опосля отпорю, в нём таскать свою книгу будешь. Но этим плащом мы сегодня так же, как вчера, укрываться будем. А мелки твои нас не согреют. Из них даже костёр не разведёшь, чай не карандаши.

Ох, и жалко Витьке своего добра было! Когда Виталик с барыгой одним сторговался, стоял поодаль и плакал тихо. Любимое, самое дорогое отдавал за то, чтобы брюхо себе набить. Да только что поделаешь? Голод не тётка, пирожка не поднесёт. А так они по новой закупились. И на этот раз не сладкой выпечкой. С ливером да с яйцом и зеленью рубленой начинка была. Наелись от пуза. Ещё и осталось.

– А теперь что? – уже забыв про слёзы, спросил Витёк, и Виталька грустно вздохнул.

– Дальше пойдём. Федюню всё ж отыскать надобно.

Что говорить? Намного интереснее автору за судьбой героев следить, нежели отвлекаться на то, что ему и так давно известно. Но тебе, мой дорогой читатель, наверняка не терпится узнать, что так напугало духов. Да не простых. То были сильные, могущественные некроманты своего времени. Люди-хранители многих тайных знаний.

Что за беду они чувствовали? Какая сила не давала им донести до потомков слова опасности?

Для ответа на эти вопросы, я предлагаю заглянуть в Книгу

Догм Мёртвых или, что может быть более привычно твоему слуху, в Некрономикон.

Вряд ли тебе когда-либо будет суждено перевернуть его страницы с той лёгкостью, что листает их автор, а потому, мой милый читатель, смотри внимательно, вглядывайся в каждый промелькнувший символ, старайся оставить в памяти всё, что только возможно, потому что большего ты никогда не увидишь. Копий этой книги крайне мало, а достоверно переписанных экземпляров и вовсе единицы. Это сделано во имя безопасности. Поверь, в твоих же интересах, чтобы такой порядок сохранялся как можно дольше. Некоторые знания обязаны храниться в тайне от непосвящённых. И этот гримуар никогда не будет предназначен для простых людей. Да и для людей вообще. Он был создан древней расой, жившей задолго до человечества.

В записях, что проносятся перед тобой, есть немного об истории этих великих существ. И этой информации отдельные главы не посвящены. Знание появляется по чуть-чуть, между строк, так как рассчитано на иного читателя нежели человек. На кого-то изначально сведущего. Однако, из того, что есть, тоже можно выделить суть мировоззрения живших до нас. И именно она, эта истина, послужила тем основанием, из-за которого Некрономикон получил своё название. Да-да, увы и ах. Жаль, что приходится разочаровывать тех, кто рассчитывал увидеть все таинства некромантии.

Necronomicon. Nekros – мертвец. Nomos – закон. Eikon –

образ или воплощение. Если переводить дословно, то получается «воплощение закона мёртвых». И «мёртвые» здесь – создатели гримуара. Исчезнувшая раса.

Кто-либо из вас, моих читателей, спросит: «Так причём здесь какой-то закон»? Ответ на этот вопрос прост. С ним связано всё остальное содержание. Оно описывает древние могущественные ритуалы, способные дать власть над потусторонними силами и даже открыть врата между мирами. И вот к ним-то приписок, сродни правилам, полным-полно. Куда без них родимых, если тоже самое открытие врат является двусторонним? Маг может возжелать покинуть известный ему мир. Но что сюда проникнет вместо него, а?

Думаю, теперь тебе стало понятно, почему автору ближе название Книга Догм Ушедших. Однако, хм, прости. Вот она нужная страница. Расправляю разворот и смотри-ка внимательнее. Рисунок тебе что-либо напоминает? Приглядишься.

Да-да, верно. Именно этот символ – Ашенат, и появился на стекле ритуального круга усыпальницы Верфайеров. А в тексте рядом с ним можно разобрать пояснение, гласящее о том, что это изображение подразумевает. Если описанный на странице ранее ритуал произойдёт без досконального соблюдения ряда нюансов, то всех живущих поразят безумство и невиданные приступы, от которых не спасётся ни старик, ни младенец. А после весь мир погрузится во мрак и тлен.

Теперь тебе достаточно знаний?

Как нет? Правда, что ли, нет?

Тогда напоследок скажу, что третий круг упомянутого здесь ритуала возводит границы на скрижалях вех истории. Он разделяет прошлое, настоящее и будущее. Судьба мира из-за этого кажется разорванной. В ней обозначаются будущие намётки прорех, которые маг-заклинатель может восполнить всем по его разумению. Из-за этого прорицатели перестают видеть вероятные события. Ясновидящие уже не различают прошлого. В настоящем мёртвые с трудом дотягиваются до живых, чтобы прошептать своё последнее предупреждение. Их план бытия настолько сильно отдалается, что грань уже не преодолеть. Не будь Людвиг Верфайер Младший мастером-некромантом ничуть не хуже, чем его могущественные предки, не призывай он их в родовой усыпальнице, то им было бы уже не связаться друг с другом.

Отчего же они сообщили так мало?

А кто сказал, что мало? Быть может, вполне достаточно?

Начало великой волшбе было положено. Часы в Лоррендаумском доме виконта Даглицкого мерно отсчитывали секунду за секундой.

... И поэтому мёртвые уже оплакивали живых.

После такого мрачного отступления нельзя не вернуться к судьбе детей бедняжки Марьи или, как называл её муж, Мари. Эти мальчики сыграют значимую роль в последующих

событиях. И всё же сейчас, пока они об этой своей роли ничего не знают, им, конечно, не видится чего-то великого в своей бесприсветно тяжёлой судьбе.

Они голодны, у них нет крыши над головой, им ужасно одиноко, а мир даже не думает утешить их добрыми событиями.

Так... где же братья? Почему это я их не вижу?

А, вот они! Прости, мой дорогой читатель. Эти улочки в Барговерце такие неуютные и корявые, что сложно разглядеть на них две крошечные фигурки. Хотя, нет, не две. Три. Вот уже очень хорошо видно, что мальчишки бредут, сами не зная куда, а, сидя на краю оставленной кем-то телеги, за ними наблюдает другой мальчишка. Он рыжеволос, конопат, грызёт сморщенное прошлогоднее яблоко и, кажется, хочет что-то сказать.

Давай послушаем.

– Эй, мелюзга. Чего вам здесь надобно? – прекращая грызть яблоко, грозно задал вопрос неприятный лохматый мальчишка Виталькиных лет. Был он бос. Да и одежда ему явно с чужого плеча досталась. Штаны коротковаты, зато рубаха длинная, большая. Почти на взрослого.

– Ничего. Гуляем мы.

– А неча тут гулять. Моя энто улица.

Что происходит Виталик и Витёк поняли. Иногда они так же, только собравшись в большую компанию, гоняли чужих мальчишек, решивших забрести в их квартал. Этот же пар-

нишка в одиночку ерепенился. Силой себя считал.

– Ладно. Уходим мы, – решил не связываться Виталька. Чай не родной край, а и правда незваные гости.

Мальчик тронул младшего брата за плечо. Они развернулись и хотели было уйти, но тут Виталика нечто по затылку ударило. Не больно, но не почувствовать было нельзя. Машинально он прижал руку к голове и оглянулся. Наглый парень ехидно скалился и куда-то смотрел. Виталик проследил за его взглядом – огрызок. Швырнул значит. И такого уж нахальства не стерпеть было. Ладно бы ещё компания была, а то один, а героя из себя корчит.

– Это ты чего делаешь? – возмутился старший из братьев.

– Такого барчука, как ты, жизни учу. Неча по чужим улицам шляться, понял? В домах своих сидите, дураки учёные.

Вот уж за дурака, а тем более за учёного, Витальке что-то вдвойне обидно стало. Закатал он рукава рубашки и, ни слова не говоря, шаг вперёд сделал. А парнишке словно того и надо. Как свиснет, два пальца в рот сунув! А сам идёт на Виталика и уже кулаки сжимает. Только старший из братьев уже понял, что сейчас на свист помощь нахалу сбежится. Так же резво, как шаг вперёд, шаг назад сделал. Витьку за плечо тронул и торопить начал. Но не успели ребята сбежать. Дорогу им другой мальчишка перегородил. Большой уже. Лет двенадцати, не меньше.

– Ах вы нас, сирот, обижать надумали? Думаете, раз одеты в рубахи чистые, так всё можно вам, эвон оно как!

Что тут говорить? Жаловаться, что у самих нет ни отца, ни матушки?

Снял Виталик руку с Витькиного плеча и шепнул:

– Я задержу их, а ты беги.

Сказал так, да бросился на старшего. Вот только Витёк хоть и маленький совсем, щуплый, а тоже боевой товарищ. Плащ с книгой наземь положил да помогать взялся. Вот только где там? Что одному, что второму тумачков отвесили. Хорошо ещё, что не сильно. Так, почитай только припугнули.

– Ты боты свои давай сымай, – зажав мальчиков в угол, потребовал подросток. – А то моему другу носить нечего. А ты ничего. Мамке наревёшься, так тебе и леденец, и новые купят.

Витёк дёрнулся было, сказать что-то хочет, но Виталька его остановил. Послушно обувь снял и молчит. А парень, что яблоко ранее жевал, недоволен. Ботинки ему в пору пришлись, а ему всё мало.

– И рубаху давай сымай.

– Да как же я без рубашки-то? – не сдержался Виталька.

– Мою наденешь. Обменяемся.

Парнишка с хохотом свою грязную рубаху через голову стащил, на мостовую бросил, а сам за пуговицу Виталькиной ухватился.

– Сымай давай, – требует. – А этот мелкий пусть камзол мне отдаёт.

– Да куда тебе? – даже друг его удивился. – Он же совсем махонький. Не налезет.

– Налезет-налезет.

Зря парень старался. Мала ему Витькина одежонка была. Натянуть на себя пытается, а чуть ли не рвёт. И оттого злость его взяла. Скинул он камзол наземь, ногами топтать стал, а затем руки протянул к плащу, что Витёк к себе опосля драки намертво прижал.

– Чего энто ты там так в эту тряпку вцепился?

И как хватит плащ за край – так и повалилась в грязь книга по некромантии с пирожками мясными вместе. Дух-хранитель шипит, а тронуть наглеца не смеет. Нет в его головёнке таких мозгов как у Лариона-Мертвеца. Ему, как должно от посягательств Чёрную Книгу защищать, свои команды дадены. Сильного, кровью пахнувшего, на расстоянии поучить уму-разуму дозволено. А такого бесталанного без особой нужды дракончику в покое оставить следует. Так же, как Витька. Но только не нравится ему, что мальчонку его обижают. Так и хочется наказать негодяя... да вот не тронул тот кожи драконьей! Так уставился. Пялится во все глаза, а не подходит, не касается. Зря призрачный дракончик ящеркой туда-сюда шныряет в нетерпении.

– Чего-й это такое? Дорогая вещица, наверное? – задумчиво произнёс рыжеволосый парниша, но старший товарищ охолонул его жадность.

– Не тронь, – строго-настрого сказал. – Это явно какая-то

мерзость пакостная. Добрые писульки не будут так выглядеть. Глянь, какие лапы крепят её. Чёрные. И живые будто.

– Эге.

На этом коротком словечке оба парня переглянулись многозначительно и дёру дали. Витёк сразу к книге своей бросился. Едва ли не ревёт, к себе прижимает, обтирает обложку от грязи. Ни дать, ни взять словно о живом ком-нибудь заботится. Виталик аж перепугался, как бы братец его умом не тронулся.

– Ты её обратно в плащ заверни. Может, прав Страшила был, нельзя такое людям показывать? Вона как убежали.

Ничего не говоря, Витенька Чёрную Книгу Дракона в плащ спрятал. Затем кафтанчик свой поднял, отряхнул его, на свет посмотрел. Порвал его всё-таки парниша тот. Прямо на спине шов расходиться стал, и рукав один с дырой теперь. Но что поделаешь? И такой надел. Пусть рваный да чумазый камзол, а вечер уже. Солнце скрывается, ветер поднялся. Так и замёрзнуть недолго. Виталик, несмотря на плотное телосложение, и вовсе скукожился. Руками бока потёр. Холодно, а грязную рубаху брать не хочется. Противно.

Только куда с голым телом пойдёшь?

Вздыхнул Виталик тяжело, поднял рубаху. Потом от неё несёт. Ткань колючая, грубая. Такую надеть – себя не уважать. Но выбора нет. Надел.

– Пирожки жалко, – вздохнул Витёк. – Может, поднять?

– Да куда? Грязные совсем.

Сказал так Виталик да пошёл с братом дальше. Но мысль нет-нет, а к еде брошенной у него возвращалась. Чем ему брата кормить? Второго камзола нет. И ботинок теперь у него нет. У Витьки тоже из всего имущества книга, которую даже показать кому-либо страха не оберёшься.

– Пошли назад. Соберём пирожки.

Вернулись мальчики, да только ничего им уже не досталось. Собака какая-то последний кусок жадно проглотила, свой злобный взгляд на них подняв. А затем свирепо рявкнула и, довольно виляя хвостом, умчалась прочь.

Глава 7

– Это было глупо, Людвиг, – недовольно сказал граф. – Не стоило так упираться в присутствии главного инквизитора.

– Но разве я не прав? Отец, неужели я должен был во всех подробностях рассказывать, чем занимался последние годы?

– По крайней мере ты делал это аккуратно. Даже до меня никакие сведения о твоих проделках не дошли, – тихо проворчал старик и выглянул за окно кареты, чтобы после задернуть плотнее шторку. Ему не нравился вид сопровождающих их людей в бело-красных плащах. Любого опального мага вид инквизиторов заставил бы нервничать.

Некоторое время внутри экипажа царила тишина, а затем старик проговорил:

– Со своей стороны я постараюсь сгладить этот момент. И всё же до прибытия в Лоррендаум постарайся вспомнить – что опасного могли найти блюстители чистоты магии?

– Понятия не имею, – прошептал Людвиг и устало прикрыл глаза.

Ответ на этот вопрос он искал с тех самых пор, как услышал про инквизиторов, но покамест в его голову не пришла ни одна дельная мысль. И, быть может, это было связано всего лишь с тем, что забот у бедного виконта существенно прибавилось. Его раздирали на части тысячи тревог, крутящих-

ся вокруг одного единственного имени – Эдвард Рейц. Даже знак Ашенат и смерть Мари отошли из-за них на второй план.

– Тогда нельзя списывать со счетов вероятность, что человек, о котором ты мне рассказал, подбросил в твой дом что-либо нежелательное. Возможно, ему нужно твоё возвращение в Лоррендаум даже такой ценой.

– Я уверен, что это он, – глаза Людвиг гневно сверкнули. – Больше некому похищать мальчиков. Они никому не нужны!

Людвиг воскликнул свои слова так громко и уверенно, что мгновением позже внутренне сжался от острого и крайне болезненного укола совести.

«Они никому не нужны» – такая короткая, но настолько безжалостная фраза. И ведь речь не о подгнивших луковицах на рынке. О детях.

Что если бы эти двое не были детьми Мари? Что если бы их привели к какому-либо некроманту для того, чтобы он создал из них вампиров?

... Кто-нибудь бы вообще вспомнил о том, что они живые? Кому-нибудь было бы до их судьбы дело?!

Людвиг постарался быть честным перед собой. Даже ему самому мальчики стали важны исключительно из-за проснувшейся совести. Он не любил, даже ненавидел их за несносный характер и поступки. Но сначала обещание умирающей жене, а затем укор мёртвой дочери. Мари многое

изменила в нём, попросив представить так же бы он отнёсся к собственному ребёнку как к пасынкам. Ответ был прост. Нет, не так же. И не простил бы он никогда любимой, если бы она в случае его кончины бессердечно отдала Адель на воспитание кому-то чужому.

... Да, если бы не совесть, то он бы давно согласился с мнением окружающих его людей.

«Избавься от этой обузы», – завуалировано, а то и напрямую говорили они.

И ведь так просто, так легко это сделать! Все более чем поймут, когда он трагично скажет: «Я был вынужден так поступить». Ему даже искренне посочувствуют за то, в какой тяжёлой ситуации он оказался.

Но разве кто-либо посочувствует этим детям? Нет. Их заставят принять собственную ненужность, объяснят почему поступил правильно именно предавший их человек. У взрослых ведь нет выбора, любому взрослому важнее жить своей жизнью – свободной, насыщенной и никак не связанной с неприятными хлопотами, что так легко скинуть на чужие плечи. В конце концов, эти двое всего лишь деревенщины, которым волей судьбы досталась звучная фамилия Верфайер. Они никто. Для аристократии собаки порой дороже и любимее, чем такие безродные отбросы. А он, Людвиг, как раз таки настоящий аристократ. Он недостижимый для этих детей идеал, образец для подражания, прекрасно воспитанный и хорошо образованный мужчина. Именно такие, как он, без

зазрений совести отдадут пасынков в интернат, а после даже ни разу не навелят их. Не то что приласкают.

Ненадолго Людвиг прикрыл глаза, представляя своё будущее без миледи Ванессы. Что стало бы с ним, не женись его отец на этой мягкой женщине? Или женись он на другой, более чёрствой или сумевшей бы подарить ему другого сына? Что если бы у него был брат, который куда как лучше соответствовал бы тщеславию графа Даглицкого?

Стал бы он тогда хоть кому-то нужен?

Людвиг искренне растерялся, задаваясь этим вопросом. До этого мысль о таком никогда не посещала его. Он всегда знал, что он единственный наследник своего отца, новое звено знатного рода Верфайеров... Да он просто не мог быть неважен!

А мальчики? Они хоть для кого-то важны, кроме покинувшей их Мари? Серьёзно, нужны они хоть кому-нибудь?!

– В таком случае, зря ты настолько серьёзно относишься к этому... к этому Эдварду Рейцу, – между тем с брезгливостью произнёс граф. – Сей мужчина глупец, раз действует столь грубыми способами, да ещё выбирает неправильные рычаги влияния. Идея шантажа через похищение детей на корню нелепа.

Тут Людвиг Старший ненадолго замолчал и испытывающе посмотрел на сына.

– Ты ведь понимаешь, что долг сохранить честь нашего рода превыше жизни двух крестьянских мальчишек?

Губы Людвига Младшего упрямо поджались, но он, пусть и с заминкой, всё же утвердительно кивнул. Однако, его отца это не устроило.

– Я хочу, чтобы ты ответил вслух и честно! – сурово рявкнул он. – Мне нужна уверенность в том, что я знаю всё о твоих помыслах.

– Происходящее – только моя вина, – горячо прошептал Людвиг. – Так что, если я не смогу уберечь детей Мари, их кровь навеки останется на моих руках. И поэтому я буду делать всё, чтобы спасти мальчиков. Да, отец, да! Покуда это будет безопасно для благородного имени Верфайеров, я сделаю всё для их спасения. И никак иначе!

– Запомни, покуда это безопасно для благородного имени Верфайеров, – погрозил старик-граф пальцем и пристально уставился на сына.

– Я знаю, в чём состоит мой долг. Всё будет именно так.

– Хорошо, приоритеты мы расставили, – вздохнул свободнее граф, несмотря на своё крайнее недовольство. От патетики речи сына его коробило. – Тогда поступим следующим образом. По прибытии в Лоррендаум у тебя не будет выбора, кроме как отправиться в Великий собор, но твой допрос не произойдёт сразу, в этом я убеждён. У меня будет время поднять свои связи. А ещё я могу попробовать отыскать детей через удалённый поиск, если ты, конечно, для чего-то решил хранить их материал. Так у меня может получиться сразу выйти на этого мистера Рейца.

– У меня есть волосы мальчиков. Я храню их в шкатулке в своём кабинете. Нижний ящик.

Стоило этим словам прозвучать, как мужчины понимающе уставились друг на друга.

– Считай, что больше у тебя нет этой шкатулки, – наконец процедил вместо желаемых проклятий граф. – Тебя заставят её сжечь. Непременно.

Людвиг Младший понимающе кивнул, а его отец устало потёр лоб. И после, оставляя при себе свои едкие мысли, сказал:

– Всё же очень странно. Зачем кому-то дети-вампиры? И как со всем этим связан знак Ашенат?

– Вы думаете, эти события связаны?

– Да.

– Почему?

Старик-граф многозначительно посмотрел сыну прямо в глаза и с высокомерием произнёс:

– Иначе бы я не видел в своём видении мёртвым именно тебя. Вот почему.

Людвигу оставалось только виновато опустить взгляд к полу. Свою судьбу он сотворил своими руками. Своими мыслями, своими поступками. И из-за этого возразить отцу не посмел.

Сириус ван Отто, как вам уже должно быть понятно, являлся не только директором королевского интерната, но и значимым лицом в канцелярии тайных и розыскных дел. Однако, так же как многие другие сотрудники канцелярии, свою деятельность мужчина от общественности скрывал в силу её специфики, и поэтому об его широких связях знали очень, очень немногие лица.

Вот только даже этих связей не хватило, чтобы с лёгкостью вернуть двух малолетних сорванцов!

– Погодите, – суровым голосом прервал барон говорившего. – Вы хотите сказать, что этих двоих видели едва ли не повсеместно, но... никто не схватил их? Так, что ли?

– Тык, Ваша милость, видели-то их видели. Вот только до того, как распоряжение-с от вас до каждого агента дошло, – попытался оправдаться подчинённый и виновато развёл руками. – Они ж приметные такие. Оба хорошо одетые, а без надзору бродят и работу выпрашивают. На таких грех внимание-с не обратить, но всё ж без причины не схватишь. А как донос на книгу, явно магическую, да от вас причина-с появились, вот те на, их ровно след простыл. Я ж потому и прибыл лично, чтобы вы не так уж серчали-с. Как такую оказию на бумаге изложить даже не ведаю.

– Угу, лично прибыли, – буркнул Сириус и уставился на мужичка в военной форме взглядом змеи. – Это вас леди Кларисса отправила? Сама, как обычно, в провалах сознаваться не хочет?

Собеседник Сириуса побледнел, но, подумав, утвердительно кивнул головой.

– Говорите, когда точно вы узнали о моём распоряжении?

– Эм-м...

– Я всё равно узнаю. Не от вас, так от других.

– Сегодня сразу после заутрени, – тихо прошептал мужичок, и Сириус едва не вскипел от гнева.

– То есть на целые сутки позже необходимого, – заскрипел он зубами и подумал, что вот она последняя капля. Леди Кларисса слишком заигралась в своей нелюбви к нему! И раз она решила таким образом препоны чинить, совершенно забывая, что цели им одной служить требуется, то пора от неё избавиться.

«Надо будет намекнуть, чтобы её мужа перевели по службе в какое-либо другое местечко... Например, поближе к каторге, а не к столичным благам», – хладнокровно определился Сириус с нерадивой наблюдательницей Барговерца, и тут же обмер. Дочь этой особы на выставке, что ему не так давно довелось посетить, прогуливалась в обществе Леонарда ван Донатана. И, быть может, за влечением молодых людей стоит нечто большее?

Стараясь отрешиться от новых мыслей, Сириус отдал указ. Сначала самое необходимое, а потом всё остальное.

– Местные приюты проверять ежедневно. Есть там у нас свои люди?

– Да вот как-то не очень, – откровенно поморщился му-

жичок. – Дети-то у нас в розыске покамест не бывали-с.

– Так найдите нужных людей, – возмутился барон.

В конце концов, не лично же ему в этот Барговерц ехать?

– Может, городскую жандармерию подключить?

– Нет, а вот жандармов не надо, – холодея от мысли, что такие олухи найдут Чёрную Книгу Дракона и в приступе благочестия сдадут её кому не надобно, резко отверг предложение Сириус. – Ищите сами. А как найдёте, в закрытую карету их и прямиком ко мне. Причём со всеми вещами! С книгой это правда, она магическая. Им довелось её кое у кого украсть, и теперь дело королевской важности вернуть её как можно скорее на место. По-тихому вернуть.

– Ясно. Понял-с, – тихо сказал мужичок и, по-военному попросившись, вышел за дверь. Выглядел он сникшим.

Сириус ван Отто, едва его собеседник ушёл, осуждающе покачал головой. До Барговерца от столицы было всего около шести часов пути, а такое ощущение, что он только что принимал выходца из глубинки. Кое в каком городе определённо требовалось наводить порядок, следовало провести чистку агентов и...

Вот только не в интересах Сириуса это пока было! Поэтому он вынужденно смирился с тем, что не достиг быстрого результата в поисках мальчиков. В конце концов, в его возможностях было задействовать другие пути по их поимке.

«Отдать распоряжение и сразу же поднять вопрос о местонахождении Эдварда Рейца!» – определил порядок действий

Сириус, но недовольно цокнул языком. Несмотря на логику, отыскать наглого мерзавца, посмевшего поставить Людвига в столь ужасное положение, ему хотелось в первую очередь.

Аж руки чесались!

Раз уж в этой главе так часто упоминается имя Эдварда Рейца, то давайте поставим в судьбе этого мужчины точку.

Итак, двумя часами позже, чем Сириус ван Отто принимал у себя посланца из Барговерца, наступил вечер. Не очень поздний, но такой, чтобы расположенная в черте Лоррендаума фабрика по производству гобеленов уже закрылась. Последняя ткачиха в обществе своего мужа-мастерового покинула это помещение, и оттого здесь должно было быть тихо.

Однако, тихо никак не было.

– Эдвард Рейц, – просмаковал имя некий человек в широкополом цилиндре и длинном тёмно-сером плаще, элегантно повязанным на одно плечо. – Давно я так не ошибался в людях. Можно даже сказать, вообще никогда.

Мужчина приподнял голову так, что его лицо стало очень хорошо видно, и полуодетый Эдвард, подвешенный на крюк за связанные руки, тут же задёргался, пытаясь что-то сказать. Но кляп помешал ему. Из рта вырвалось только мычание. Тогда он начал суетно извиваться и истошно выть. Глаза его при этом округлились от боли. Из-за движений суставы вы-

ворачивало.

– И как? Тебе нравится, когда всё идёт не так, как тебе хочется? – с иронией поинтересовался человек в цилиндре.

После этого он поправил плащ, а затем удобнее взял в руки богатую трость и отвесил по Эдварду несколько сильных ударов. От каждого соприкосновения трости с телом, оставался яркий красный след. Рейц безостановочно мычал. Лицо его было сморщено от боли и жалости к самому себе – ему не оставили шанса вымолить себе прощение и сказать, что он готов всё исправить!

– Нет? Так, видишь ли, мне тоже не нравится. Я терпеть не могу, когда кто-то нарушает мои планы. Понимаешь, в чём дело?

С этими словами таинственный мужчина взял со столика лежащий там меч и замахнулся им. Эдвард зажмурил глаза от страха, но в следующую секунду грохнулся на холодный каменный пол фабрики. Верёвка, удерживающая его на крюке, оказалась разрезана.

Сперва Рейц извивался как червяк, пытался ползти со связанными руками и ногами. Но затем он замер и даже нашёл в себе силы привстать на колени. Человек в элегантном цилиндре поглядел на него с отвращением и взял в руки меч иначе. Теперь одна его ладонь держала эфес, а другая придерживала лезвие. Так он и подошёл к Эдварду. А после присел возле него и словно бы обнял оружием. Клинок оказался за шеей Рейца. Лица обоих людей сблизились.

– Ты понимаешь в чём дело? Я не люблю, когда мне переходят дорогу, – прошептал истязатель.

Пленный не выдержал психологического натиска и разрыдался. Из глаз его потекли слёзы. Тело содрогалось. Сталь меча прижалась к шее со стороны спины, и вскоре Эдвард ощутил, как по его хребту течёт кровь. Он снова начал мычать. Истошно. До мокрого пятна на штанах. И... и вроде бы хватка ослабла. Да, она прекратилась!

Человек в цилиндре отпустил с лезвия ладонь и поднялся.

– Ты омерзителен. Тебя даже убивать противно, – он брезгливо отшвырнул меч в сторону и громко подозвал мужчину, прижимающегося к стене. – Семён, верно? Иди сюда.

– Да. Как скажете, здесь я.

– Оставь это животное связанным. Держать его взаперти. Не кормить, только поить и никого к нему не подпускать. Пусть дожидается своего часа... и да, отрежь ему язык и большие пальцы, чтобы больше никогда не болтал и не писал лишнего.

– Как скажете, как скажете, – судорожно пролепетал Семён, который сущим чудом не оказался на месте шефа. Невероятная удача его из беды вызволила да нанимателю на истинного виновника, почти сделавшего ноги, указала. И всё же, как бы ни хотелось ему с клеветником на себя разделаться, но собственная шкура дороже. Поэтому он робко поинтересовался:

– А если он того? Помрёт от этого, э?

– А ты уж, Семён, постарайся, чтобы не умер, – холодно посоветовал таинственный человек и хищная улыбка исказила его лицо. – Я хочу, чтобы он дождался лорда Верфайера. Очень хочу. Для нашего некроманта не составит сложности создать не двух, а трёх вампиров. И, думаю, такой подарок уменьшит его сопротивление.

Семён замолк. Только голову почтительно склонил.

– Теперь с тобой новый человек работать будет, господин Григорьев. Завтра он сам к тебе придёт.

Сказав так, неизвестный пнул носком сапога Эдварда Рейца под дых и ушёл прочь. Его путь лежал через цех, напрямую к выходу. А там, на улице, его уже ждала карета. Слуга поспешно открыл перед своим хозяином дверцу и тот, не глядя на услужливого лакея, сел внутрь. За окном замелькали улицы Лоррендаума. Время было не совсем позднее, поэтому прохожих пока ещё было достаточно много.

– Останови у часовщика, – неожиданно потребовал мужчина в цилиндре.

Кучер послушно остановил экипаж там, где ему было сказано. Таинственный человек вышел на улицу, но вместо того, чтобы зайти внутрь магазина подошёл к уличной торговке цветами. Ею была сухонькая пожилая женщина, приземистая, с некрасивым длинным носом. Она выглядела очень непривлекательно. И всё же успешно продавала цветы на этом самом месте далеко не один год.

– О, мой любимый клиент, – тихонечко рассмеялась она,

рассмотрев лицо мужчины. – Чего вы желаете на этот раз?

– Вы знаете, Матильда. Если я прихожу к вам, то всегда хочу одного и того же.

– Тогда розы. Как же я могла забыть? Конечно же, красные розы! – воскликнула она и украдкой скосила взгляд на молодую пару, принявшуюся выбирать цветы для некой тётушки.

– И сколько вы посоветуете взять?

– Смотря для кого.

– Меня интересует особа, до сердца которой своими силами у меня ни за что не получится достучаться.

– О, в таком случае вы правы, что обратились ко мне. Благодаря моим цветам всё невозможное становится возможным. Только раскройте секрет. Кто это?

Молодая пара уже только делала вид, что выбирает цветы и советуется. На деле, эти двое внимательно подслушивали.

– Мне не хочется компрометировать эту особу, произнося её имя вслух, – смущённо произнёс мужчина в цилиндре. – Но я приготовил к подарку записку. У вас большой опыт в их написании, поэтому поглядите. Вы узнаете не только имя, но и, быть может, посоветуете, как лучше изменить текст.

Он передал свёрнутый пополам листок. Женщина с мягкой улыбкой развернула его и, читая строки, на мгновение бросила на собеседника встревоженный взгляд.

– Хм, это особа требует самого изысканного подхода. Действительно, всё не так просто, но... думаю, я смогу помочь

вам, – наконец проговорила женщина и убрала листок в карман передника. После чего обратилась к молодой паре. – Вы уже выбрали или вам посоветовать?

– Вот эти лилии, пожалуй.

Купив букет, пара начала неторопливо удаляться, а оставшийся подле торговки мужчина, переходя на «ты», ехидно заметил.

– У тебя грабительские расценки, Матильда.

– Да, и вы очень хорошо поправите моё финансовое положение, – едко усмехнулась она. – Для исполнения вашего пожелания вам придётся купить у меня целую тысячу роз.

– Не та цена, которую жаль заплатить за счастье, – с этими словами он отстегнул от пояса кошель. – Забирай. Там одно золото. Оставшееся получишь после того, как я узнаю, что цветы получены.

– Вам известен адрес? Куда мне их доставить? Или мне разузнать самой?

– Нет, я сообщу все подробности, – мужчина осмотрелся и, увидев, что вокруг них никого лишнего нет, продолжил речь. – Агенты канцелярии тайных и розыскных дел любезно предоставили мне информацию, что Людвиг Верфайер Старший прибудет в Лоррендаум в ближайшие пять дней. Он обязательно посетит три места: дом своего сына, королевский дворец и Великий собор Чистоты. Полагаю, именно в такой последовательности. Возможно ещё одно место – «Вознесенское кладбище», но это сомнительно. Так что вы-

бери, откуда тебе будет легче взять его след.

– Я поняла, но спрошу вас по старой дружбе. Вы уверены? Таких людей лучше не трогать.

– Вот именно. Так что тот, из-за кого я стал вынужден заниматься подобным, уже искренне пожалел о своём поступке.

Женщина понимающе хмыкнула, а человек в цилиндре, глядя на это, хищно приподнял правый уголок рта. Его кривая, какая-то звериная улыбка была некрасивой.

– Знаешь, Матильда, я тебя ценю. Ты редкого ума человек. Удивительным образом понимаешь меня с полуслова, – искренне произнёс свою похвалу мужчина, но после его взгляд сделался отчего-то предельно жёстким. – Поэтому мимо ушей ты сейчас моё предупреждение не пропустишь. Мне всё равно, как и где будет убит граф Даглицкий, но его смерть должна произойти не позже, чем в ближайшие полчаса после того, как он выйдет из королевского дворца. Либо, если он каким-то чудом его не посетит, сразу как Людвиг Младший покинет Великий собор. Встретиться эти двое не должны. Кроме того, его тело обязательно должно быть как можно скорее найдено вместе с одной из твоих визитных карточек. Мне не нужны проблемы со следствием.

– Не переживайте за это, – криво улыбнулась Матильда, – все условия меня устраивают.

Мужчина уважительно коснулся пальцами полей цилиндра и вернулся в экипаж. Как он и ожидал, на сидении на-

против уже сидел нужный ему человек, поэтому он дал кучеру приказ ехать и, после того как вновь довольно приподнял правый уголок рта, доброжелательно прокомментировал:

– Смотри-ка, господин Борис Малахитов как всегда пунктуален.

– Знаю, что вам это нравится, вот и стараюсь.

– Верно, мне нравится исполнительность. Но ещё больше мне нравится успех. Поэтому рассчитываю, что ты, Борис, меня и тут не разочаруешь.

– Что от меня требуется?

– Хватит тебе в Лоррендауме сидеть. Собери команду хороших проныр и вместе с ними немедленно отправляйся в Барговерц. Твоя задача найти там двух мальчиков – Виталия и Виктора Верфайеров. Вот их описание.

Мужчина вытащил из лежащей подле него папки лист и протянул его собеседнику. Тот, скользнув по строкам быстрым взглядом, бесстрастно убрал бумагу за пазуху, но его удивление кожей чувствовалось.

– Да, знаю я, что ты из таких дел давно вырос, – признал таинственный человек. – Но иначе никак. Эти двое действительно мне нужны.

– Понял вас.

– Это хорошо. Только смотри, пусть твои люди аккуратно ведут себя с младшим. Если у них есть возможность, то пусть воспользуются артефактами защиты. Сам про них так и вовсе ни на миг не забывай.

– Хм, этот парень маг? Какой стихии?

– Ранее считалось, что воздуха. Однако, уличная шпана заприметила у похожего мальчика книгу по некромантии. Поэтому имей в виду.

– Ха! – позволил себе скупую улыбку подручный. – Кажется, вы всё же нашли для себя ручного некроманта?

– Кажется, да, – довольно согласился таинственный человек. При этом его холодные глаза засияли. Было видно, что он очень и очень воодушевлён. Даже на миг забылся, раз признался. – А ещё меня радует личность того, кого отправили встречать владыку Архшага.

– Поделитесь информацией?

На миг мужчина скривился, но затем к нему вернулось былое бесстрашие. Голос его зазвучал привычно сухо.

– Нет. Придёт время, сам всё узнаешь.

– Хм, звучит так, будто вы приложили к этому руку, – всё же предпринял попытку узнать больше Борис Малахитов, и человек в цилиндре, подумав, едва заметно кивнул. А затем он глянул за окно кареты и сказал:

– Я прикажу притормозить на следующем кресте дорог. Будь готов выйти.

Глава 8

Ночь с седьмого на восьмое июня пасынки Людвига провели в склепе. И, стоит сказать, ночевать там показалось им уже не столь страшно. И не так голодно последующий день прошёл. Сразу поутру Виталик стащил с брата подравшийся камзол, ботинки и вместе с плащом понёс их продавать. Малыша он с собой не взял, уж очень тот ревел громко из-за того, что не хотел ни с чем из своего расставаться. Ну да ничего, стоило Витальке хлеб с колбасой принести, как тот охолонул. Повыл для приличия немного да перестал. Когда в животе не пусто и жить легче. Плохо только, что Витёк не только из-за слёз носом шмыгал оказывается. У него жар начался, и по этой причине Виталька один по улицам в поисках Федюньки рыскать начал. Не хотел братца утомлять, вот и наказал ему строго-настрого в склепе сидеть.

Вот только шагать в одиночку было на редкость тоскливо. Время тянулось, как карамель, но отнюдь не было сладким. Если описывать его вкус, то оно было похоже на солёное море. Или, может, так казалось из-за начавшегося дождя-ситнечка. Люди разом осунулись, многие поспешили скрыться в своих домах. Их ботинки шаркали и стучали по брусчатке. Виталик тоже дёрнулся было укрыться от непогоды под деревом, но понял, что облезлая крона несколько не защитит

от влаги и порывистого ветра. Так что он растерянно переступил с босой ноги на ногу и огляделся.

Взгляд мальчика сам собой остановился на лавке кондитера. От вида сладостей на витрине воображение заиграло яркими мечтами, а переступившая порог женщина, держащая за руки двух весело галдящих мальчуганов, невольно окунула в воспоминания о былом счастье. Этим троим было так хорошо вместе.

Виталик скорбно хлопнул носом и, забыв про морось, подошёл ближе к лавке. Он упёрся в запотевшее стекло грязными ладошками и дотронулся до него носом, желая разглядеть, что выберут для себя мальчишки. А хотели они много чего. Милая девушка-продавщица знай успевала заворачивать кульки и вскоре корзина в руках матери семейства потяжелела.

– Фу, какое невежество! – вдруг услышал Виталик совсем рядом с собой женский голос и обернулся.

На него с недовольством смотрел хорошо одетый мужчина в цилиндре, но слова произнёс, конечно, не он, а его спутница. Под руку с ним стояла дама в пышной юбке, покрытой крапинками влаги. Она держалась вдали от края тротуара, так как вчерашние лужи ещё не высохли, и из-за этого места этим двоим едва хватало.

– Сущий плебей, – в тон своей спутнице согласился мужчина. – От этой черни спасу нет. И ведь не просто так стоит у витрины, наверняка думает что бы ему украсть.

Высокомерие и укор джентльмена разом напомнили Виталику про отчима, хотя другого сходства он не углядел. Стоящий перед ним мужчина был темноволос, бородат и уже обрюзг. Однако, ощущение сходства возникло, и оно заставило мальчика крепко сжать кулаки.

– Проклят ты будь, проклят! Ненавижу! – даже выкрикнул сторяча он.

И, быть может, самому Грызню сказать такое Виталик бы в жизни не осмелился, однако тут не сдержался. А после испугался своего безрассудства и под громкое возмущение джентльмена скрылся за ближайшим поворотом. После чего пробежал ещё с улицы две и только тогда присел на корточки отдышаться.

Что на него нашло?

Виталик сам не мог сказать. Да и размышлять ему над таким тяжело было. Найти бы Федюню и забыть навсегда прошлое – вот чего ему хотелось! Слишком сильно засела в нём обида. Заноза в душе нагноилась и стала нарывом. Это ведь отчим не дал с матерью живой наговориться. Он с братом его разлучить хотел. Он, проклятуший, сбежать их на голодные улицы заставил!

Виталик утёр кулаком слёзы и через силу вынудил себя продолжить поиски друга. Вот только, увы, опять не нашёлся Федюня. И монет негусто осталось. На завтра бы ещё хватило, но потом. Эх, опять думать откуда денег достать. И продать бы что, да кроме Витькиной рубахи, грязной и потной,

продавать больше нечего, а снимать её... Вернувшийся в склеп Виталик скосил взгляд на часто закашлявшегося Витька и вздохнул горько-горько. После чего головой встряхнул сильно и решил брата заранее предупредить.

– Завтра книгу на базар снесу.

– Как на базар? – оторопел малыш и упрямо воскликнул. – Не отдам!

– А есть мы что будем? Или там внутри чего, хоть что-то как еду наколдовать сказано?

Вразумление не помогло. Витька глаза гневно выпучил, пальцы скрючил и как завизжит.

– Моя книга! Моя!

– Да ты никак белены объелся! – не на шутку перепугался Виталик. – Чего ты в эту пакость вцепился-то так?

– Она же... она же как будто живая, – растерянно ответил Витёк, а затем поднял с пола книгу и трепетно прижал её к себе. – Ей без меня плохо будет.

«Мурм», – грустно подтвердил дракончик и лизнул мальчика в щёку раздвоенным языком. После чего потёрся об него чешуйчатой головкой.

Виталик на такое странное заявление брата смолчал, но про себя подумал, что самой первой книжницу продавать нужно было. Он разом понял, что переорись Витька, а утром эту страхолюдину грызневскую возьмёт и непременно снесёт лоточникам. А там, даже если не купят у него такое, то всё одно в речку бросит. Лучше так поступить, чем обратно

книгу нести.

Однако, Витёк всё равно встревожился и, едва понял что старший брат заснул, тихонечко сокровище своё за саркофаг припрятал. Так бы ему спалось спокойнее. И ведь правда, крепко заснул мальчик. Только спал недолго. Двух часов не прошло, как дверь заскрипела и в глаза ударил свет.

– Ага, вона они! – обличительно прикрикнул какой-то мужичок, поднимая факел повыше. – Говорю ж я, засел некто в склепе Фадеевском. Вон они мерзавцы!

Ошарашенные братья только и успели присесть, как двое жандармов схватили их за шкурки и на ноги резко подняли.

– Кто таковы? – грозно спросил один. – Чего тут делаете? Воруете?!

– Нет.

– Ну-ка, пощупай их карманы. Что там у них? – посоветовал второй.

Мужские руки бесцеремонно захлопали по штанинам. Быстро драгоценные медяки вытащили. А там и до другого важного добрались.

– Эвон как. Гляди-ка, отмычка.

– Ворьё значит, не ошибся.

– В каталажку их, бесей проклятых! Кнутом по спине отстегать. Ишь, на могильное добро позарились! – тут же потребовал мужичок, в котором Виталька наконец-то признал грозного кладбищенского сторожа. Однако, возразить ему никто из мальчиков не сумел. Им обоим отвесили такие под-

затыльники, что в голове у них всё помутилось.

– Ну-ка, погляди, Славик, лежит там у них что-нить?

Тот, кого звали Славиком, взял у сторожа факел и осветил им небольшой склеп. После чего боязливо прошёлся вдоль саркофагов и заключил.

– Да не, вроде пусто тут всё.

– А где они тогда добычу припрятали? – едко поинтересовался другой жандарм и выдал Виталику новый пинок. – Говори, собака, где краденое!

– Да не крали мы ничего, правда, не крали! Ночевали токмо, – испуганно заверещал мальчик, и младший брат боязливо прижался к нему. Пожалуй, именно перепуганные глазёнки Витька убедили служителей порядка, что не врут им. Вот только Славик, недовольно оглядев малолетних нарушителей закона, всё равно прикрикнул:

– А с каких это пор дети в склепе ночуют, а? Где родители?

– Нету, – тихо прошептал Виталик и, вдруг расплакавшись от жалости к самому себе, признался горьким шёпотом. – Мамка у нас на той неделе померла, вот и не стало дома.

Тут уже и Витька подключился, навзрыд заревел. Кулачками глаза затёр, запищал жалобно: «Мама, мамочка».

– Ну и куды их? – скучающе спросил между тем один жандарм другого.

– Куды-куды. В приют, куда же ещё таких деют-то. И без них лихих оборванцев на улицах хватает.

Мужчины по новой ухватили мальчиков за шивороты и под негодование кладбищенского сторожа, жаждущего куда как более грозного наказания, потащили их к выходу. При этом тот, что Славик, стоило ворчливому хранителю покоя мёртвых отстать, вполне так добродушно спросил у ведомого им Витька.

– Как звать-то?

– Виктор, – через слёзы сказал мальчик и тем вызвал более внимательные взгляды взрослых.

– А фамилия какая?

Тут Витька из-за простуды снова закашлялся, и Виталик это за удачу посчитал. Он как представил, что Грызню про них донесут, а в особенности, что они гробокопательством имя его опозорили, так аж позеленел весь. Прошлого разъяснения на всю жизнь хватило. А ведь тогда один только отчим про кладбище узнал, чужой никто не проведал. Ведь так бы...

«Ох и спустит же он с нас шкуру! Прямо как в этих книгах его поганных» – сходу понял мальчик и поспешно солгал:

– Смирновы мы. Он Витёк, а я Федюня.

– Точно ли Федюня? – отчего-то подозрительно спросил жандарм.

– Да, – как можно увереннее солгал Виталька. Даже в глаза взрослому посмотрел, чтобы оно вернее выглядело.

«Что угодно, только не к Грызню. Что угодно!» – умолял он при этом про себя.

Виталик понимал, что несмотря на то, что отчим уехал, чтобы их, сирот, больше никогда не выдвигать, но только к нему их несчастных отправить и могут. Даже в поганом приюте не оставят, коли фамилию верную визнают. А там знай держись! Увидев их, убийц, Грызень уже не сдержится. Так лютовать начнёт, что не в интернаты какие-то упечёт, а по отдельности каждого из них в тюрьму гнить бросит, с прочими убийцами и ворами вместе. Али вообще в подвале живьём замурует.

«Ох, благие Двенадцать, спасите и сохраните!» – взмолился Виталик.

– Брось, Слав. Да где детишкам, что при благородных воспитывались, додуматься на кладбище ночевать? Они ж изнеженные все, а эти глянь. Чумазые, босые. У этого вообще отмычка.

– А рубаха? – сурово дёрнул Витьку за расшитый кружевом ворот жандарм.

– А рубаху, рубаху мы и правда выкрали, – краснея, пролепетал Виталька.

Как говорится – назвался груздем, полезай в кузов.

Мальчику за сказанное отвесили сильную оплеуху, но он как представил, что бы ему за такое признание от Грызния досталось, так даже ей порадовался.

А дальше такие события были.

Спустя два часа, как их заловили в склепе, братья представили перед Иннокентием Кулачковым – суровым распорядите-

лем Барговерцкого Дома Милости. И этому человеку очень не понравилось, что из-за новопоступивших его с уютной постели подняли. Но жандармам это всё равно было, им бы малолеток сбегать. Так что они на недовольное ворчание сурово заявили, что мол так законом велено, и с чувством собственного достоинства ушли. А дети перед толстячком Иннокентием, кутающимся в мятый парчовый халат, стоять остались. Сердечки их испуганно бились. Глаза сами собой пути побега выискивали. Ой как страшно мальчикам было от жуткого слова «приют»! И ладно бы Иннокентий с лаской на них посмотрел. Но нет. Этот неприятный человек почесал проплешину и, хмуро оглядев детей стеклянными глазами, грозно протянул:

– Ну-с, имена мне ваши сказали, но для заполнения документов мало этого. Давайте говорите, откуда вы будете?

Мальчики испуганно переглянулись и побоялись даже слово сказать. Как назло, ещё за окном молния блеснула и гром прогремел. В мрачном холле, где они находились, из-за этого совсем жутко стало. Казалось, что это и не дом совсем, а пещера чудовища. В результате братья только за руки крепче друг друга ухватили. Языки у них словно отнялись. Разом вспомнили несчастные все страшные рассказы о приютах сиротских.

Распорядитель между тем совсем недовольно на них посмотрел и неожиданно рявкнул:

– А ну отвечать, когда я вас спрашиваю!

Дети вздрогнули и вновь слова вымолвить не смогли. Уж очень этот человек им не понравился. Они интуитивно чувствовали его непомерную злость и тряслись от ужаса. Даже пугающие их жандармы такими мерзкими не были.

– Ах вот как значит, – подходя к ним ближе, сказал очерстневший сердцем Иннокентий и снял с пояса закреплённую на цепочке палку. После чего без предупреждения замахнулся ею и ударил. Сначала Виталика ударил, а затем Витька. Оба мальчика тут же вскрикнули и на пол присели, в единый комочек сжимаясь.

– За что, дяденька? За что? – только и смог испуганно промямливать Витёк.

– За то, что отвечать вам велено. Откуда вы? На какой улице жили?

– Сироты мы, вот и подались в Барговерц, – угрюмо буркнул Виталик и пояснил. – Отца уж как пятый год не стало, а матушка намедни умерла.

– Чем родители занимались?

– Крестьяне они, – продолжил отвечать на расспросы старший из братьев и, припомнив, добавил. – А мамка ещё прачкой работала.

– Вижу, что прачкой. Рубаху так она тебе стащила? – морщась, Иннокентий ухватил Витьку за рукав добротной сорочки. Но, к счастью, ответ ему не понадобился. Тут по лестнице с трёхрогим подсвечником в руках спустился какой-то долговязый длинноносый тип, и всё внимание распорядите-

ля к нему обратилось. – Денисыч, тут к нам новых привели.

– Дык мест ужо нет, – возмутился тот и икнул перегаром.

– Знаю, говорил я это жандармам.

– А они?

– Всё равно пихнули. Ну да ничего, я документы на них передним числом оформлю. Всё равно вскоре страда начнётся и всех крепких парней хорошо разбирать начнут. А эти двое вроде ничего такие, может даже в какой-нибудь семье приживутся. Думаю, возьмут их не только на лето поля поднимать.

– Ладно, – вяло согласился Денисыч и, изучив мальчиков равнодушным взглядом, приказал. – А ну за мной.

Удивительным образом жизнь переплетает нити судеб. Нечто важное может вдруг стать неважным. И наоборот.

Да, каждое мгновение каждого человека имеет свои последствия. Что уж говорить о драконах? Они столь огромные и величественные создания, что прямо-таки созданы для того, чтобы менять ход истории.

Итак, в ту же самую ночь, когда дети Мари оказались в приюте, в небе над державой, соседствующей с королевством Ортланд, показался тёмно-серый дракон по имени Архшаг. Это был старый и мудрый вожак стаи, последний из великих Семи, присутствующих при создании Ключа, что запер мир

от всего внешнего. Он прилетел с драконьих островов. Путь его должен был лежать через эту страну и дальше. Он стремился к южной границе Ортланда и каждый взмах крыльев приближал его к далёким северным землям.

Не желая тревожить покой людей раньше времени, до места назначения Архшаг совершал свой путь тайно: либо по тёмному времени, либо когда бирюзу неба было не видно за облаками. В ясный день его полёт мог вызывать ненужную панику, так как миролюбия от хозяев небес вряд ли кто-то ждал. Слишком часто покинувшие острова драконы, обезумев от собственной власти над двуногими червями, непотребно играли с ними. Молодые, глупые, они настраивали людей против себя. Им было невозможно поверить, что однажды против них выступит какой-либо хлипкий смельчак и всё их могущество, оказавшееся на деле мнимым, исчезнет вместе с жизнью.

Незаметно начался новый восход. Приближался ещё один новый день и на небе, как назло, не было ни облачка. А потому Архшаг приземлился на луг и хвост его недовольно заходил ходуном из стороны в сторону. Вожак драконов считал, что слишком мало пролетел за последние сутки. А ещё не понравились ему костяные останки, выглядывающие из-под земли. Некогда здесь умер кто-то из его народа, и от этой трагедии великому Архшагу было сложно отрешиться. Его могучее сердце гулко билось, а пасть яростно скалилась.

«Люди, – вместе со злым фырканьем показалось из нозд-

рей пламя. – Много ли их осталось после войны? Нет! Но зато теперь, куда ни кинь взгляд, они повсюду. За три с половиной века они размножились и расплодились, несмотря на многочисленные распри. Вновь стали силой. А намного ли больше стало нас? Снова нет! Нас теперь ещё меньше, осталось всего пятеро и взрослый среди этого глупого молодняка один я!».

Подумав так, дракон изменил облик. Вокруг него замерцало марево и несколькими мгновениями позже на месте роскошного могучего зверя оказался длинноволосый седовласый мужчина. Он был определённно немолод, но более чем крепок, и несмотря на отсутствие одежды держался так величественно и надменно, как не смог бы потомственный король. Отличало его от остальных людей ещё кое-что – более высокий рост, тёмная чешуя на тыльной стороне ладоней и глаза. В чёрных глазах с золотым зрачком не было белка. И этими жуткими очами он по новой оглядел драконьи кости, а после скорбно положил ладонь на расколовшийся череп.

«Быть может это Тогаш или Шердон?» – вспоминая тех, кто не вернулся, с тоской предположил вожак и сразу запретил себе об этом думать. Истина бы уже не открылась.

... Вот только от того ни капли легче не стало на душе древнего Архшага! Его разум и тело страдали вблизи этих останков, являющимся материальным напоминанием немощности его великой расы. Нутро дракона разрывали боль и гнев! Ему хотелось забыть про опасный рассвет, под-

няться в воздух и спалить всё это поле дотла. Жажда крови червей была невыносима. С трепетом вдыхая воздух, Архшаг представлял сладкий запах смерти.

Да, он желал уничтожить двуногих. Желал истребить народ, породивший проклятого Алрика ван Донатана так же, как эти ничтожества осмелились начать истреблять драконов. Людей надо уничтожить. Безжалостно. Непокколебимо!

Прошло немало времени, прежде чем вожак драконьей стаи сумел подавить в себе горячее, но безрассудное желание расправиться над человечеством и сел на траву спиной к останкам. Взгляд его был устремлён к солнцу и птицам, беззаботно порхающим в чистом небе. Но мыслями... Мыслями он был далёк от реальности.

«Мы не можем позволить себе уничтожение людей. Их обожествление Тринадцати усиливает действие Ключа и тем существенно укрепляет барьер. Поэтому люди должны размножаться и верить. А ещё они нужны нам для выживания и об этом тоже нельзя забывать», – зрачки мужчины вдруг стали совсем узкими и вертикальными, лицо его исказила злоба.

«Да, это так! – пришлось напомнить ему самому себе. Но после дракон не сдержался от толики гнева. – Вот только черви обязаны принять, что мы тоже нужны им! Для того, чтобы Ключ сохранил свою силу, им нужны драконы. Люди должны прекратить убивать нас!».

Миг и иллюзия одежды прикрыла тело мужчины. Он не

намередвался находиться на чужой территории в истинном облике.

Пока ещё это было недопустимо.

Пока ещё...

Всем приютским сиротам, что мальчикам что девочкам, обрезали волосы почти под корень. Делалось это для того, чтобы дети вшами не запаршивели. Также носили они одинаковую тёмно-красную одежду. Из-за этого, если кто-либо сбежать пробовал, так его легко опознать было, ловили быстрее. Ведь за каждого сбежавшего или умершего на учреждение большой штраф выписывали, вот и следили сотрудники ортландских приютов в этом плане за детьми строго. В остальном же ими воспитатели почти не занимались. Спали дети на тонких матрацах прямо на полу, а поутру застилали их в рулончики и в этом же помещении с зарешечёнными окнами девочки трудились. Они вышивали или пряли. Мальчиков на другой работе использовали, куда как более тяжёлой. О воспитании и уходе никто не заботился. Младшие перенимали от старших, а старшие, как им исполнялось двенадцать или около того, отправлялись в ремесленные на кабальный труд. Своё содержание они там должны были своими руками отрабатывать и до совершеннолетия ни монетки не получали. Но оттуда сбегал ещё меньше кто, а если и

сбегал, то чаще всего обратно возвращался. Оторванные от жизни дети теряли навыки по взаимодействию с внешним миром. Они начинали бояться его, вот и продолжали батрачить за хлеб и место для сна. Так оно им становилось привычнее, понятнее. Не надо думать, что от голода умрёшь. Да и вообще думать не надо. Работай знай только, а для чего, что, зачем... К чему такие мучительные вопросы?

Лишали воли и вдалбливаемые в приюте истины. Каждый скудный приём пищи сопровождался громогласной проповедью, вмещающей чувство вины. Детям внушали, что из-за них королевство терпит убытки, что они неблагодарные, раз не ценят затраченные на них средства и силы. Их совестили во всём чём только можно и если первые дни ребята постарше злились на слова проповедника, то через месяц-два поневоле начинали смотреть на мир тусклыми глазами рабов.

Так что неудивительно, что Виталька и Витька не обрадовались дарованным им одеялам и одной лепёшке на двоих на завтрак. Унижением им показалось также стрижка волос под корень. Из-за того, что мальчики поступили ночью, шевелюр своих они лишились не сразу. И процедура эта оказалась не только морально неприятная. Физически тоже было больно. А уж как тело чесалось от одежды из грубого сукна говорить не приходится! Виталька ещё ничего, по привычке из-за дарованной ему мерзавцем рубахи, а у Витеньки аж кожа красными пупырышками покрылась. Но, может, и сам он расчесал себе брюхо так, что смотреть на живот страшно было.

После того как братья стали выглядеть так же, как остальные, их сразу к делу пристроили. Виталика, ощупав его руки, дрова рубить отправили. Витьку на чистку овощей к обеду послали. И, можно сказать, подвезло младшему мальчику. Обычно новеньких на такую работу, где можно очистками для свиней наестся, не ставили. Просто захотелось старшему воспитателю кое-кого зарвавшегося на место поставить, вот он и выбрал малолетнего дурачка. А дурачка из-за того, что любой другой, знающий, постарался бы отказаться от такой щедрой доли. Где же это видано одиннадцатилетнему Грихе дорогу переходить, коли его смена на овощи? Но Витёк этого ничего не знал и покорно поплёлся на кухню. Да ещё не последовал примеру других, не стал втихаря питаться отходами – побрезговал грязной шкуркой от картофеля. Он ведь совсем не помнил, как в годовалом возрасте в отсутствии матери по избе ползал да из миски кота кислое молоко хлебал. А то, бывало, на ножки встанет и во двор что попало в рот совать лишь бы наестся. Присмотр-то за ним какой? Брат Виталька всего на два года старше. Тот сам едва соображал и ещё голоднее был. Старшего мать, как придёт, титькой уже не накормит, да и отец куска хлеба не поднесёт. Помер отец, не стало кормильца. А из родни одна тётка втихаря ребят приголубит. Прочие вдове-молодухе одно советуют – избавься да по новой мужика ищи. Одной-то сподручнее к кому-либо пристроиться, а из-за этих жилы рвать нечего. Всё равно помрут.

Эх, не со зла женщине такое родители и соседи талдычили, а из жалости. Жизни ей хорошей желали. Ртов-то в деревнях завсегда много, лишние в голодный год кормить некому. А голодно оно, так как зной погубил поля, с которых вот-вот урожай бы собирать. Закрома у всех пустые остались, а зима всё ближе. Хорошо, если соседи сердобольные мимо пройдут. Они, от своих детей отрывая, порой кинут сиротам, как собакам, чего-нибудь съестное и на душе у них спокойнее станет. Милосердие-то оно Двенадцати благим богам любо.

– Ты это, ы-ы-ы! – стоило Витьке с кухни выйти, прижал его к стене какой-то кареглазый бугай.

Малыш лишь испуганно ресницами захлопал. Ничего он не понял. А громила у него указательным пальцем перед глазами водит и свирепо объясняет.

– Чтобы ни-ни мне! Ни-ни!

Витька совсем растерялся, но головой утвердительно закивал. Помогло. Отпустили. Он тут же вдоль стеночки и ко двору ближе. Видел через окошко, как там Виталька дровами занимается. Однако, не дозволили ему выйти. Один из воспитателей дорогу перегородил и, кладя руку на закреплённую на поясе палку, посмотрел эдак выразительно. И вот этот взгляд Витёк понял куда как лучше Гришкиного мычания. Он голову в плечи вжал и боязливо назад попятился. После чего в общую спальню вернулся и там в уголок на корточки сел. Его маленького даже из-за этого не заметили и на новую работу не послали.

А Виталика вот зато до самого ужина всё гоняли туда-сюда. Вымотался он, сил нет. Даже хоть голоден был, а ложка ко рту не поднималась. С трудом доел свою жидкую кашу и, едва на матрац лёг, так сразу в сон провалился. Но проснулся рано и первым делом увидел стоящего рядом с ним Витька, на что-то сосредоточенно смотрящего через зарешечённое окно. Виталик аж на локте приподнялся из-за интереса. А после спросил с тревогой.

– Вить, ты чего-й-то там?

– Бежать нам отседова надо, братец, – тихо сказал младший брат, продолжая цепляться тоненькими пальчиками за оконную решётку. За ней на карнизе сидела вольная птица и невидимый для глаз мальчиков грустный призрачный дракончик.

Глава 9

Итак, закончили мы на том, что братья оказались в приюте, но...

Погодите, разве их никто не искал? Они покинули Лоррендаум в ночь с пятого на шестое июня, а с новым рассветом уже десятое наступило. Как так?

Да. Как так?

Что же, мой дорогой читатель, этот вопрос мучал в настоящий момент многих людей.

– Ну, Борис, надеюсь, на этот раз хорошие новости? – язвительно осведомился человек в цилиндре и плаще. При этом, желая создать вид, что сосед по парковой лавочке ему совсем незнаком, он демонстративно уставился в сторону пруда, где плескались на воде радующиеся утреннему солнцу утки-лысухи. Их чёрные тела и длинные клювы смотрелись противоестественно в столь прекрасную погоду. Казалось, эти птицы прилетели сюда из другого, какого-то демонического мира. Но пейзаж они более чем оживляли.

– Пока всё плохо. Даже у меня не получается найти их.

Сказанное заставило человека в цилиндре отвести свой взгляд от уток. Он не сдержался и гневно уставился на собеседника. После чего упёрся обеими руками в набалдашник трости и зловеще прошипел, как змея.

– Ты не можешь отыскать двух мальчишек? Я не ослышался?

Некто по имени Борис Малахитов выглядел более чем представительно, но даже он испуганно сглотнул слюну. Лицо его при этом выражало искреннее раскаяние. Однако, мямлить характер ему не позволял, на словах сей мужчина выразил только разумное предположение.

– Быть может, информация неверна? Раз не получается найти их, то вдруг они уже и не в Барговерце?

– Не ты ли сам подтвердил, что их видела уличная рвань?

– Я... Но речь шла о позавчерашнем дне.

– Всё равно, срок не такой большой. Твои люди способны пойти по их следу, так как эти двое не могут быть где-то кроме как поблизости, – проскрежетал человек в цилиндре и, с силой надавливая на трость, едва не прокричал. – Олух! Мне нужны эти дети. Делай, что угодно, Борис, хоть из-под земли их доставай!

– Да вдруг они уже где-нибудь под землицей и лежат? – тихо произнёс Борис, глядя на то, какая вмятина образовалась под тростью его разъярённого собеседника. Некогда ему доводилось видеть схожую в черепе незадачливого исполнителя, которым этот человек остался недоволен.

– Тогда я тебя тоже под землицу положу! Боги с ним со старшим, но младшего ты должен найти как можно скорее. Мне нужен талантливый некромант!

Сказав так, человек в плаще гневно поднялся со скамьи

и размашистым шагом направился вдоль парковой дорожки. Трость в его руке так и мелькала.

Позже, в одном из штабов канцелярии тайных и розыскных дел, аналогично рвал и метал Сириус ван Отто, барон Шлейфтерский.

– Как? Объясните мне как наша служба не может найти в одном городе, – тут палец барона с силой уткнулся в точку на висящей на стене карте, – всего-навсего двух мальчишек?

Внимающие ему служащие кисло переглянулись, а затем одни из них, наиболее смелый, угрюмо сказал:

– Вот потому и не можем найти. Взрослые завсегда засветятся. Аренда жилья или подозрительные действия априори будут. В конце концов, ожидаешь, что искомый вот с тем или вон с тем свяжется. Выцепить можно. А этих как? Да таких темноволосых и сероглазых в Барговерце каждый второй мальчуган. Поздновато нам наводку дали. Раз мы их из виду потеряли, то они одежду сменили. Продали скорее всего, так как есть им на что-то надо. Но как из-за этого среди сотен детей именно этих узнать? К каждому же не подойдёшь разговор завязывать, чтобы понять благородное этот оборванец воспитание получил или же нет.

– Деньги за поимку нищете предлагали?

– Предлагали, но они в восторге принялись тащить всех кого ни попадя, так что мы эту лавочку прикрыли.

Сириус прислонился локтем к стене и ладонью этой же руки устало прикрыл глаза. О, если бы он только знал, то в

ту злополучную ночь сразу же с постоянного двора вслед за экипажем в Барговерц лично отправился!

– Значит так, – наконец отнял он руку от лица и выпрямился. – Расширяем зону охвата. По всем трактам вот до сюда, сюда и сюда, – снова начал указывать его палец на карту, – исподволь расспрашивать каждого встречного об этих двоих. По отдельности они Барговерц ни за что не покинут! И если информация отрицательная, то на этом маршруте ставить наблюдателей. Таких, чтобы мышь мимо не пробежала, ясно вам?!

Сотрудники в ответ на крик начальства энергично закивали, и Сириус, не найдя на что ему злиться, продолжил:

– Таким образом мы вычислим остались они в Барговерце или же нет.

– А если там они ещё? – устало поинтересовался кто-то.

– Тогда хоть в каждый дом стучитесь, а найдите мне этих мальчишек!

При этих словах барон сжал ладони в кулаки и, положив их на стол, грозно опёрся на мебель. После чего выискал взглядом знакомое ему лицо. Мужичок в военной форме тут же испуганно сглотнул слюну.

– Что у вас там по сиротским приютам? – требовательно осведомился Сириус.

– Увы, по-прежнему не очень-то, Ваша милость. Тихо туда подобраться не выходит. Воруя-с. Побайиваются, что интерес связан с тем куда они деньги на содержание детей, а

также на продукты девают-с.

– Значит так, за детские дома я с вас лично спрошу. А все остальные слышали? Вы в поте лица работаете, а кто-то приюты плохо проверил оказывается!

Уйма мрачных взглядов заставила мужичка нервно утереть пот со лба.

– Не беспокойтесь. Проверим-с, – заикаясь, промямлил он, и тем вызвал брезгливое выражение на лице Сириуса.

– Антон и Василий, поможете этому олуху, – сходу решил барон.

Названные им худощавые близнецы одновременно кивнули, и на этом совещание завершилось. Подчинённые начали разъезжаться, всем им надо было в Барговерц. Сириусу тоже настала пора возвращаться в Лоррендаум, он и так выбился из графика, решив сэкономить время другим. И, хотя он пока не знал стоит ли упрекать себя за выбор места на полпути между городами или же нет, но не это не давало ему покоя. Мысленно мужчина прокручивал в голове ход встречи и никак не мог понять, что именно его беспокоит. Однако, озарение он испытал позже нежели следовало. Служащие уже разъехались.

– Идиоты, – вдруг злобно буркнул он, хотя на самом деле упрёк прозвучал совершенно зря. – Благородных они ищут. Да эти мальчишки так и не научились искусству высокой речи! Они ж из-за мягкости Людвига вместо достойной учёбы с уличной шпаной все эти годы водились!

Выплеснув на словах свою злость, Сириус так и не успокоился. Он зарычал и, в гневе схватив стоящий на столе стакан, швырнул его об стену.

Само собой, стекло разбилось вдребезги, и его острые осколки рассыпались по всему полу.

... Но проблему это, конечно же, не решило, так как в принципе её решить не могло.

Дорожное путешествие в ранние периоды истории что технических, что магических миров всегда занимает продолжительное время. Никуда от истины, что прогресс дело постепенное, не деться. Скачки вперёд никогда не будут такими, чтобы ещё вчера полудикари в пещерах камни к палкам травяными бечёвками прикрепляли, а через год на планшете стат-отчёты наспех к совещанию готовили. Поэтому папыны Людвига вторые сутки уже в приюте томились, когда маг всё же доехал до Лоррендаума.

При этом стоит сказать, что чем ближе он подъезжал к столице, тем больше изменений претерпевало его сопровождение. Это было видно даже по тому, что если сперва Томас Фуго на метр ближе необходимого к Верфайерам не приближался, то последние пару суток ехал вместе с Людвигом Младшим в одном экипаже, причём в казённом. Кроме того, графская карета с бывшим обер-камергером не оста-

лась на постоялом дворе в последнюю из ночёвок. Несмотря на свой почтенный возраст, граф предпочёл раньше сына оказаться в Лоррендауме и, честно говоря, главный инквизитор Арратауна из-за этого вздохнул с искренним облегчением. Он не смел требовать от этого властного человека перестать сопровождать их, опасаясь последствий его гнева больше нежели предстоящих претензий руководства. Но теперь унижительные объяснения перед вышестоящими лицами имели все шансы не состояться. И, собственно говоря, из-за этого в десятый день июня триста сорок седьмого года после завершения Войны Драконов Томас Фуго пребывал в очень даже приподнятом настроении.

Зато настроение Людвига Младшего хорошим было никак не назвать. С каждой минутой он всё больше мрачнел, всё грустнее смотрел за окно (с которого предусмотрительно была снята решётка) и в целом выглядел как человек, стоящий у края пропасти. Когда же экипаж проехал за Лоррендаумские ворота, то мужчина и вовсе стал больше походить на статую некоего потустороннего существа. Он не выглядел злым, но смотреть на него Томас мог теперь только с опаской. Казалось, тронь Людвига, и это не останется безнаказанным.

– Мы прибудем в полдень, это хороший знак, – всё же попытался разговорить попутчика инквизитор и даже благожелательно улыбнулся.

– Я прибыл не в свой дом, поэтому ничего хорошего в

этом факте не вижу, – резко ответил Людвиг с таким лицом и интонацией, что вмиг стал похож на своего отца больше прежнего. – Надеюсь, хотя бы продлится всё это безумие недолго.

– Сперва все обвиняемые некоторое время проводят в уединении в келье и молятся богам. Тут ничего не поделаешь, Великий Инквизитор никогда не принимает посетителей сразу. Обычно у него на месяц вперёд расписана каждая минута.

«А ещё он должен показать, что к Верфайерам у него нет особого отношения. Взять и отпустить вас без малейших проволочек для него недопустимо», – мысленно добавил Томас, но вслух подобное сказать не осмелился.

Его попутчик между тем сквозь зубы процедил:

– Мне известно это прискорбное обстоятельство.

– Что же, надеюсь молитвы направят вас к истинно правильному решению. Лучше быть чистым душой и признаться в истине, чем...

Людвиг Пламенный с таким скептицизмом посмотрел на инквизитора, что тот резко передумал заниматься просветительными речами.

– Хм, в любом случае это вам решать. Мы приехали.

Действительно. Немногим раньше, чем напольные часы в холле особняка на Ольховой улице пробили двенадцать, карета в сопровождении отряда инквизиторов остановилась возле высокого величественного здания, чем-то похожего на

никому неизвестный в этом мире Нотр-Дам де Пари.

Однако, выпустим пока это всё из внимания. Давайте плавно поднимемся над огромным городом, рассмотрим величественный Лоррендаум с высоты птичьего (или драконьего) полёта и медленно направимся к его сердцу – королевскому дворцу. Пронесёмся подобно легкомысленному ветру по светлым коридорам. Быть может, даже сделаем вираж в бальном зале. Музыка здесь сейчас не звучит, но ах, как же прекрасны отражения в зеркалах! Так и хочется начать отбивать каблуками ритм весёлой мазурки! Но нет, мы не остановимся здесь надолго. Устремляемся вперёд, только не в королевские палаты, а в правое крыло. Туда, где находится Башня Совета – оплот архимагов этого мира. Правда, никого из них сейчас там нет, но... башня не пуста. Кто-то, издали похожий на графа Даглицкого, уверенно поднимается по ступеням винтовой лестницы. И, кажется, этот человек направляется в библиотеку.

... Да, похоже именно в неё! А ведь в ней уже есть знакомый нам посетитель. Это Леонард ван Донатан. Он сидит в деревянном кресле возле конторки и с упоением читает старый фолиант. Страницы книги потрескались от времени, но ни в чём не утратили своей важности. Неудивительно, что непроглядно чёрные глаза не могут оторваться от древних тайн.

Но вот дверь в библиотеку открывается, и Леонард вынужден поднять на вошедшего взгляд.

Само собой, Леонард ван Донатан прекрасно знал, что вскоре королевский дворец посетит близкий друг короля, всем хорошо известный Людвиг Верфайер Старший. Но чего он не ожидал, так это того, что тот направится в библиотеку Башни Совета. Не таким могущественным магом являлся граф Даглицкий, чтобы иметь право свободно переступить порог этого закрытого хранилища знаний.

«Вы-то что здесь забыли?» – хотелось презрительно поинтересоваться мужчине, но, само собой, губы Леонарда изогнулись в добродушной улыбке. Его приветствие графа Даглицкого не нарушила ни одна шпилька. Поднимаясь с кресла, он даже вежливо прикрыл книгу.

Людвиг Верфайер Старший не повёл себя столь безукоризненно. Давая понять, что он не согласен с милостью Его величества Стефана, граф окинул выскочку-бастарда высокомерным взглядом. Черты его лица исказила брезгливость, как если бы он боролся сам с собой, но в конце концов потомственный аристократ сделал полагающийся этикетом поклон. Горделиво небрежно. И пока он кланялся, Леонард позволил себе лёгкое скептическое поднятие бровей.

... Правда, вскоре пожалел об этом. От внимания опытного придворного вольность не ускользнула.

– Читаете о драконах, – переведя взгляд на обложку кни-

ги, заметил граф Даглицкий и хмыкнул. – Мой вам совет, прекращайте. Не будь благородная кровь Винтерфлёр столь щедро разбавлена в вас крестьянским невежеством, вы бы сами это поняли.

– Я нисколько не нуждаюсь в ваших советах, – холодно ответил Леонард, будучи ошарашен подобным пренебрежением. С тех пор как Его величество начал открыто благоволять ему, благородные хамы поумерили свои нападки. А уж после получения титула они и вовсе закрыли свои гнилые рты. Но этот... Да, не зря Леонард строил планы на Людвига Младшего так, чтобы не затронуть его отца. Тринадцатый бы побрал того идиота, что ввязал семейство Верфайеров в разбирательства с инквизицией!

– Глупцы часто говорят подобное, – между тем холодно сообщил граф и неторопливо подошёл к Леонарду вплотную. Но виконт не испугался, а с вызовом сказал:

– На глупца вы бы не обратили внимание. А я более чем уверен, что вы пришли сюда только ради встречи со мной.

– Вам удалось убедить Его величество в необходимости соглашения с владыкой Архшагом так, что у меня вышло зародить в нём лишь тень сомнений. И вы смогли подмять под себя волю двенадцати архимагов, – злобно произнёс Людвиг Верфайер Старший, прежде чем гневно воскликнул. – Но вы глупец, раз думали обвести вокруг пальца меня! Я знаю, что стоит за вашим желанием проявить себя как благодетеля всего человечества. И я знаю, что благодетелем вы не станете.

те. Без этого соглашения человечеству будет лучше! Драконы останутся зависимы от нас. Они продолжают жить в страхе, что однажды мы придём и покончим с ними. Поэтому прекращайте свои игры!

– Звучит как угроза, – нехорошо сощурил глаза Леонард и всерьёз задумался, не убить ли ему графа здесь и сейчас. Сил у него для этого имелось с лихвой.

... Проблему составляли только нежелательные последствия.

– Верно, – продолжая глядеть ему глаза в глаза, подтвердил Людвиг Верфайер. – Я выставлю вас таким же безумцем каким является Олмер Дэ Катрион, граф Флоркский... Быть может, даже поспособствую вашему браку не с кем-то, а именно с его ненормальной дочерью.

– Что? – не мог сдержать выражения растерянности Леонард. Он сперва не понял причём тут брак. Не мог даже представить, что кое-кто всего за полдня пребывания в Лоррендауме настолько хорошо разберётся в подтексте его поступков.

– Вы протащили в Ковен некоего Николаса Брейтона, чтобы после самому занять его место. Тогда, когда это будет для вас удобно, – спокойно сказал надменный старик, прежде чем перешёл на категоричный тон. – Так вот, этого не будет! Но ваша задумка мне понравилась. Действительно, заслужив доверие Его величества благодаря значимому соглашению, некий архимаг с легендарной фамилией ван Донатан мог бы

претендовать на руку принцессы Амалии. Но, полагаю, за-
место вас это сделает мой сын.

Тут граф смерил Леонарда брезгливым взглядом.

– Можете убирать книгу на полку. Больше она вам не по-
надобится.

– Если бы это было так, вы бы пришли сюда не только с
пустыми угрозами, – улыбка вышла такой, как надо. – Сми-
ритесь. Вы утратили своё значение. Годы изоляции в замке
Арраур поменяли меня и вас местами.

Граф Даглицкий аж побелел от ярости, но Леонард остал-
ся собой доволен. И даже с удовольствием предвкушал даль-
нейшее.

– И что касается вашего сына, то он, – сказал новоиспе-
чённый виконт...

Как быть? Что делать?

Эти вопросы терзали, разрывали на части своей взрос-
лой безжалостностью. Они словно червоточина поселились
внутри и нынче разъедали хрупкую детскую невинность.
Они заполняли собой всё настоящее, готовясь погрузить до-
ставшихся им жертв в беспросветное отчаяние. Потому что
зря Виталик и Витёк каждый уголок приюта изучить старались.
Только палками по спине за своё любопытство получили и
ничего больше. Не выискали лаза никакого. Кругом всё зам-

ки, замки. Даже двор почти без зелени. Всё в нём ровно, камнем вымощено, а уж стены такие, что солнечные лучи не каждый час дня внутрь попадают. Мрачным местом был Барговерцкий Дом Милости. Мрачным и безнадежным. Всё здесь дышало гнилью и пылью, хотя даже в самых укромных уголках на первый взгляд было чисто. Внешний лоск давно погиб под гнетом царящего здесь отчаяния, бесконечно проливаемых детских слёз. А сами дети, больше похожие на крошечные тихие тени, казалось уже не принадлежали миру живых.

От тяжёлой работы руки Виталика огрубели. Их покрыли мозоли и некоторые из них кровили. Улучив минутку, он поглядел на них и замер. Тело его не шевелилось, но в голове всё проносились и проносились сомнения – быть может как-то дать знать Грызню, где он и Витька находятся?

А затем непомерная обида, страх за жизнь и немальчишечье упрямство в очередной раз сковали Виталику язык.

«Справимся. Переживём это всё», – постарался успокоить себя он. Однако, нижняя губа мальчика всё равно затряслась, и Виталик, чтобы не расплакаться от жалости к самому себе, начал тихо напевать под нос песню, что так часто пела сыновьям матушка. И пусть голос его был несравним с материнным, да и пел он украдкой, боясь что кто-то из воспитателей услышит, но стойкости в нём прибавилось. Виталик уверенно взялся за ручку топора, за годы службы до шелковистости отполированную десятками детских ладоней, и за-

махнулся. С первого удара раскололась на две части стоящая перед ним колода. Быстро превратилась она в поленья. Вот только дыхание Виталика вскоре сбилось, и пение своё он вынужденно прервал. Из мыслей его при этом исчезло всё лишнее. Предстоящая работа выглядела беспросветно бесконечной. Леса привезли много, а надежды на светлое будущее почти не осталось.

Эх, нельзя обычному ребёнку, словно малой птахе, вдруг подняться в небо и стать свободным! Так души разве что после смерти тела порхать могут.

Да, в Барговерцком Доме Милости мысли о смерти и свободе были между собой всегда крепко связаны. И даже самые маленькие из детей избежать их никак не могли.

Но наступившее лето, а в особенности необычайная жара, сыграли свою роль в жизни сыновей преждевременно почившей красавицы Мари. Куда как раньше, чем подобное ожидалось, подъехала к приюту крестьянская повозка. Сидело в ней двое – крепкий мужичок и его старший сын, про каких говорят косая сажень в плечах.

– Ты за телегой, Олежа, смотри хорошенько. Мы же не всю морковь продали, как бы не своровал кто. Пусть уж лучше жинка твоя поросям нашинкует, чем ироду какому достанется, – наставил отец отпрыска, а после ловко спрыгнул на тротуар и постучал специальным молоточком в калитку, являющейся частью громоздких железных ворот.

– Кого это там принесло под вечер? – открыв окошко, по-

интересовался сторож. При этом он сощурился, так как облака на небе разошлись и лучи собирающегося на покой солнца резанули его глаза.

– За детьми приехал.

– Чё, своих нет, шо ли?

– Не, свои есть. Работнички на лето требэ.

– Тык рано ты, мужик, приехал, – решил надоумить сторож. – Чего заранее рты кормить? На полях пшеница ещё ток в рост идти начинается.

– А ты меня не учи, чай не первый год сюды езжу, – надулся крестьянин. – Знаю, что потом всех добре хлопцев поразбирают. А работы у меня на хуторе завсегда порядошно, я ж скотины на мясо много голов держу. За ней тоже уход требэ. Да и вона какие дожди прошли, трава так и прёт. Косить и на сено готовить её надобно.

– Ну, раз шибко головастый такой, заходь давай, – разрешил сторож и впустил крестьянина. – Куды идти говорить?

– Знамо мне тут всё, – задрал нос мужичок и уверенно пошёл к крыльцу.

При этом вскорее он озираться по сторонам начал. Но не потому, что боялся чего-то, а из-за того, что к ребятишкам присматривался. И уж очень понравилось ему как ловко поленья колет мальчуган один. Вроде и небольшенький такой, а крепко сбитый и не тощий, как многие другие. Справный хлопчик. Собственно, по этой причине, разговаривая с Иннокентием Кулачковым, крестьянин сказал:

– Трoих мне надoбно, на три месяца как положeно. И oднoгo нaсмoтрел уж. Вон он у вас, гoспoдин, вo двoрe трудитсeя.

– А, этoт, – глянул за oкнo распoрядитeль. Мальчик был из нoвeньких, так чтo он дaжe имeя eгo пoкa пoмнил. – Хoрoшый парeнь, хoрoший. Фёдорoм Смирнoвым кличут и врoдe вeрнaя фaмилия. Любoпытный чрeзмeрнo, нo в oстальнoм нe дрaчун, нe зaдирa, слушaeтсeя. Брaт у нeгo eщё eсть.

– Старшeнький? – oживилсeя мужичoк.

– Нe, млaдшe гoдa нa двa-три. Нo тoжe хoрoш.

– Тьфу, дa зaчeм мнe мeлюзгa тaкaя? Вы мнe пoсильнee дa пoкрeпчe пoкaжитe. Чaй пoлoвину сeрeбрянoгo зa кaжднeгo мaльцa в зaлoг oстaвляю.

– Нeсмoтрeя нa тo кaк рaбoтaть будут, a oбрaтнo тoлькo пoлoвину суммy вoзврaщaю, – срaзу нaпoмнил Иннoкeнтий стрoгим гoлoсoм и eщё стрoжe дoбaвил. – Ну, a кoли хoть oдин сбeжит или пoмрёт, тaк зa вceх ничeгo нe вeрну.

– Знaмo-знaмo мнe всё, – пoмoрщилсeя крeстьянин и пoшёл вслeд зa распoрядитeлeм сaмыx лучшeих рaбoтникoв для сeбя oтбирaть. Этo жe дeлo нeпрoстoe. Нaдo, чтoбы и крeпoк парeнь был, и глaзa чтoбы у нeгo смирнeыe дa пoкoрнeыe. А тo пoмнитсeя вeял oднoгo, тaк пo бueрaкaм пo лeсу цeлый дeнь бeгaл искaл. Нaсилу выискaл бeглeцa. Ну, тoт нaдoлгo зaтo зaпoмнил кaк пoпeрeк вoли хoзяйскoй идтить!

Нe мнoгo нe мaлo врeмeни прoшлo, a вoт зaвeршилoсь дeлo. Мужичoк пoд рaпискoй Иннoкeнтию oтпeчaтoк пaльцa

оставил да за собой хлопцев со двора вывел. После чего взял верёвку, каждому из них руки обмотал и посадил в телегу. При этом тот, что Федюня, всё так жалостливо на здание приюта смотрел, что даже у старика сердце ёкнуло. Решил он мальчика утешить.

– Ничего. Как десятое сентября стукнет, так обратно возверну. Ничего за это время с твоим братцем не делается. Скорее всего, вообще тут останется. Я ж видел его, мелкий, щуплый. Такие мало кому нужны.

Федюня на это только голову понуро опустил и носом хлюпнул. А мужик-крестьянин вздохнул тяжело да стал паренькам ноги одной верёвкой на всех связывать и конец её у себя в руке оставил, когда на телегу сел. Мало ли чего там в чужой голове творится, а денег терять не хочется.

Лошадь фыркнула, и повозка двинулась в путь. Вечернее небо красила алая заря.

Глава 10

Сидеть связанному в пропахшей гнилью и навозом телеге было неприятно, но какой ещё у Виталика выбор был? Руки связаны. Ноги тоже. Хорошо ещё, что он крайний, а не как Гриха первый к крестьянину сидит. Тому только чуть шевельнёшься, так сразу мужичка потревожишь. Верёвка сильно натянута.

Мальчик вздохнул и от безысходности начал по сторонам безучастно глядеть. Страшная жизнь вне дома оказалась, не такая как ему виделось. Ещё и Витёк без него остался. Не потеряются ли они друг с дружкой?

Сердце резко сдавили тяжёлые обручи. Умом Виталик понимал, что никакой возможности известить братца не было. Его как от колки дров оторвали, так прямиком со двора приюта и увели. А вокруг из ребят никого толкового не оказалось, чтобы весточку передать.

Выдержит ли без него Витька?

Виталик даже похолодел, думая – а что если не сможет?

В приюте заводного младшего брата стало сложно узнать. Он и так с тех пор, как они в Барговерц прибыли, в себя углубился, а тут совсем тише воды ниже травы вести себя начал. Даже на Виталькины заверения, что выйдет у них сбежать, уже только отмалчивался. И из-за этого страшно мальчику

за брата сделалось. Так страшно, как за себя он не боялся!

– Виталья? Ты, что ли? – вдруг возникла у борта знакомая рожа Федюньки. Серые глаза конопатого парня были круглыми, как две монеты.

– Я, – только и смог прошептать ошеломлённый мальчик.

– Да как же ты тут оказался?

На этом вопросе крестьянский сын, Олежа, обернулся и, увидев пристроившегося к телеге оборванца, прикрикнул:

– А ну сгинь отсюда! Я за своей морковью слежу. Ты у меня ни одной не стащишь, гадёныш!

Он даже мощным кулаком погрозил, а потому Федюня сделал вид, что отстал. Однако, вскоре нагнал их, благо это было несложно. Впряжённая в телегу пегая кобылка ступала неторопливо. Вот только воришка при этом подходить к борту по новой не стремился, хотя Виталик смотрел на друга жалобным взглядом. Вместо этого Федюнька дёрнул за плечо какую-то босоногую девчонку и принялся ей что-то нащёптывать. Та тут же заулыбалась, головой закивала и исчезла среди прохожих. А парой минут позже крестьянин резко лошадь осадил и гаркнул:

– Да куда же ты это, дура, под копыта прёшь! Совсем жить надоело?!

Не только прохожих этот возглас привлёк. Сидящие в телеге мальчики как могли приподнялись со своих мест и вперёд на дорогу уставились. Виталик даже усмотрел косички ранее увиденной им девчонки, как вдруг некто его за штани-

ну дёрнул. Он тут же в другую сторону посмотрел и увидел Федюньку. Друг ловко меж связанных ладоней нож ему су-нул и глазами многозначительно указал на верёвку, что ноги стягивала.

– А-а-а! – между тем завизжала девчонка так, что у Витальки уши заложило. – Только кнутом не бейте, дяденька. Я ж нечаянно!

– С дороги сойди уже, тьфу на тебя!

Пока они переругивались, Виталик присел и острым ножом верёвку разрезал. Затем подумал и товарища в бок толкнул. Нож ему протянул. Тот всё сразу понял, но головой отрицательно помотал. А Грихе... Грихе помогать Виталику как-то не хотелось. Так что он поднялся на ноги и спрыгнул за борт. А там к машущему ему рукой Федюне со всех ног бросился.

– Ой те, батько, глянь! Наш бежит! – заметил побег Олежа.

– Так лови его, дурень! У кого из нас ноги молодые?

Сильным вырос крестьянский детина, да только где ему за юрким мальчишкой угнаться, особенно если его уличный проныра за собой ведёт. Раз поворот, два поворот и скрылись мальчишки. Мимо Олежа пробежал, а ребята свободно выдохнули и улыбнулись друг другу.

– Вот это ты даёшь. Как только в такую кутузку попал? – поинтересовался Федюня, лихо разрезая ножом путы на руках друга.

– Из дома мы с Витькой сбежали. Тебя здесь искали вот.

– Как сбежали? – выпучил глаза Федюня. – Зачем сбежали?

Удивление друга было непомерным, и Виталику вдруг неуютно в его обществе сделалось. За какие-то считанные дни всё для мальчика изменилось. Его жизнь стала совсем другой и, если бы Федюня пригляделся, он бы увидел какие взрослые черты приобрело выражение лица приятеля.

Кто-то, сталкиваясь с невзгодами, с лёгкостью сдаётся. А кто-то никак не может свернуть с избранного пути. У Виталика имелся шанс попробовать вернуть прошлое, но он неистово гнал мысль о том от себя. Казалось, он похоронил былую беспечную жизнь вместе с матерью.

– Чего молчишь? – между тем напомнил о себе Федюня.

– Мамка. Мамка у нас померла, и совсем житья с Грызнем не стало, – понурив взгляд к мостовой, хлопнул носом Виталик.

– Чё? Запил и бить вас ни про что начал, да?

Глаза Федюньки выражали искреннее сочувствие, у самого него всё именно так некогда вышло. Но Виталик вынужденно отрицательно головой помотал.

– Грызень нас бросил. Уехал, чтобы не видеть больше, и наказ оставил по наступлении августа меня и Витьку по разные места определить. На учёбу какую-то. Все слуги говорят, что благодарить его за то надобно, а... а за что благодарить-то, Федюнь? За что? За то, что он меня с братом навсе-

гда разлучит? Никогда мы любви ему не были, вот он и злобу свою непомерную на нас всё срывает!

– Эх, Виталь, – Федюня друга по плечу утешающе похлопал. – Без мамки и с родным отцом туго живётся. Я ж знаю.

Оба мальчика всхлипнули. Было им над чем совместно погоревать, было им о чём друг другу выговориться. И такими родными они друг другу с того вдруг сделались, что враз побратались. Все прежние обиды забылись. А после Виталик принялся рассказывать, как с братом по Барговерцу всю Федюньку искал. Парнишка аж от собственной важности по полной бедами товарища проникся. Это ж не кого-то там, а именно его Федюню-Щипаря барчуки искали. У него помощи испросить хотели. Доверились. От такого карманник плечи горделиво расправил, но вскоре насторожился, так как жандарма заметил.

– Пошли-ка отседова, в другом месте где-нибудь о братце твоём потолкуем.

– А чего?

– Тихо ты и давай за мной, – не стал объяснять Федюня и, ухватив приятеля за локоток, потащил его за огромную бочку. Там они присели и тихо дождались, пока жандарм мимо пройдёт. После чего расслабились немного, и воришка, оглядев Виталика с головы до ног, сказал:

– Одежу твою поправить надобно, а не то выцепят тебя и обратно в приют возвернут.

В приют Виталику больше не хотелось, так что он советам

друга беспрекословно последовал. Скинул с себя камзол и шапочку, рубаху из штанов выпустил, а сами штаны в луже грязной изгваздал. После чего обувь, скрепя сердце, выкинул.

– Боты казённые, на них жандармские крысы в первую очередь зырят. Кафтан-то снять просто, а вот босиком никто остаться не хочет. По ботам узнают, – поучал Федюня. А затем, оставшись доволен видом друга, повёл его не пойми куда закоулками.

За дни без обуви ступни Виталика порядком огрубели. Конечно, ему непривычно было ходить так, но уже не столь больно. Так что он быстро следовал за своим проводником, покуда не остановились они вблизи трактира.

– Давай, вставай на колени.

– Зачем? – подивился Виталик.

– Милостыню просить будем, – постучал себя кулачком по лбу Федюнька. – Чего ж так без дела балаболить? Вдруг кто-нить подкинет монеточку.

Поморгал глазками Виталик, но что поделаешь? Вроде задрать нос хочется, вроде надо бы кулаки сжать да потребовать, чтобы не смел так Федюня над ним издеваться. Так смысл? Ведь не издевается. Нищие гордость не выбирают, видимо. Друг первым на колени бухнулся, и ничего не оставалось мальчику как рядом с ним пристроиться.

– Вот дурында. Ты хоть сгорбись, – через смех посоветовал Федюнька, а затем грязюку с улицы в ладонь собрал и

сначала себе лицо, а потом и Витальке вымазал. После чего добавил. – У храмов, конечно, лучше подают, но там запросто нарваться можно.

– На что нарваться?

– Не на что, а на кого. Все доходные места заняты, но тут, как я уже понял, тоже неплохо. Бывает, какой-либо щедрый дурак смилостивится по пьяни. Главное смотреть жалые, усекаешь?

– А то, – буркнул Виталик, и Федюня перешёл к большому месяцу терзающему его вопросу.

– Виталь, а Виталь. Ты мне вот что скажи, как вы тогда с «Вознесенского» сбегли?

– Ах, так значит не слышался мне твой голос!

– Ну был я там, был. С Серым вместе. Хотели проверить правда ли вы такие смелые, али слугу какого-нить своего отправите, – выкрутился Федюня.

– Сами мы пошли, и от той зверюги Грызень нас спас. Такого, как он, любая тварь перепугается.

– Шо, пришиб он энто чудище?

– Не, сбежать сумел зверь. Видно, как Грызня углядел, так и дал дёру.

– А, понятно, – расстроено протянул воришка. Он-то уже про битву с заклятьями всякими вознамерился послушать. Даже пожалеть успел, что так шустро дёру дал.

А Виталик между тем к своей больной теме перешёл.

– Федюнь, мне бы как-то Витьку вызволить. Сгубят его

там.

– Сгубят, – подтвердил мальчик и крепко задумался. Так крепко, что у сочувствующе поглядевшего на него прохожего поклянчить свою монеточку забыл. И, наконец, сказал:

– Знаешь, тут только одно решение.

– Какое?

– Деньжат добыть. Потому что это либо домушника кликать, либо, что ещё проще, у одного моего знакомого помощи испросить, чтобы он Витьку вроде как на лето в работники взять решил. Этот тип выходец из приютских, так что лишнего не спросит. За бутылку крепкого сходит запросто.

– Так пошли к нему! – горячо схватил друга за рукав Виталик.

– Погодь, – отцепил тот от него свои пальцы. – Там платить знаешь сколько? Ого-го. Половину серебряного. Это фабричному целый месяц трудиться и не есть совсем. Столько мы с тобой даже до конца лета не насобираем.

Виталик ошутимо сник, но вскоре просиял и шепнул:

– Федюнь, есть у меня одна вещица. И, верно, дорогого стоит. Куда как больше серебряного.

– Брешешь, – скептически оглядел приятеля вор.

– А вот благие Двенадцать свидетели, не лгу нисколечко!

– Ну тык показывай. Чаво за вещица?

– Она не здесь, а на кладбище осталась. Мы там с Витькой первые дни ночевали.

Не хотел Виталик про жуткую книгу даже Федюньке рас-

сказывать. Он был рад, что она где-то там сгнула, но... вот так вот, понадобилась. Может, и хорошо, что Витька так её берёт? Видимо, чувствовал братец, что выручит его книженция.

– Эх, на кладбище сейчас не время. Поздно слишком, поутру придётся.

– Ты что ж это, боишься никак?

– Боюсь, – смело сознался Федюня. – Я опосля той твари, по ночному времени больше на могилы не ходок. Свят, свят, свят, чтоб такое чудо-юдо меня схомячило.

Некоторое время мальчишки молчали. Виталик настаивать не посмел, говоря, что за все ночи так и не увидел никаких чудовищ на Барговерцком кладбище. Но кое-что припомнил.

– Федюнь, нам ещё отмычка понадобится. Там на склепе замок.

– Это-то найдётся, – беспечно махнул рукой Федюня и, строя умильную рожу, протянул руку в сторону пьяных мастеровых. – Подайте сиротам благих богов ради. Не пожалейте монеточку во спасение души.

Витёк пока не знал, что он один остался. Где ему малышу понять зачем по приюту какой-то крестьянин барином расхаживает. Он на него искоса посмотрел и дальше глиня-

ные литейные формы от свечек освободить продолжил. Говорили, у него это очень хорошо получается. Сколов на глине не остаётся и свечей непорченных больше, чем у других выходит. А Витьке просто-напросто это монотонное занятие нравилось, вот он и старался. Дело позволяло ему ускользнуть мыслями куда-то далеко-далеко в мечты, где матушка и Аделя живы. Где они все вместе. Быть может, даже снова с Грызнем живут. Вроде и не любил его Витёк, побаивался, а всё равно как-то привык.

Бывало, подзовёт его Грызень к себе, посадит перед такой вот свечкой или ещё чем-нибудь и наставляет – хочет, чтобы это что-то в воздух поднялось. Витька про себя только удивлялся крепко, как же это такое возможно? А затем напоказ ручонку вытянет, язык на сторону высунет, чтобы видно было как старается, а у самого одна мысль – отпустил бы его уже Грызень с Виталькой играть. В целом, тот поглядит-поглядит, зло пробубнит там под нос чего-то, поуготоваривает. Ну, а вскоре привычно рассердится, ругаться громко начнёт да вон мальчика из комнаты выставит. Вот Витьке-то смешно оттого завсегда было!

От воспоминаний Витёк даже улыбнулся. Лихо он от Грызня сбегал.

Неожиданно для себя мальчик печально вздохнул и, поглядев, что на него никто не смотрит, на свечку перед собой во все глаза уставился. А она возьми и поднимись высоко-высоко! Витька аж икнул от страха. А свечка... свечка,

конечно, тут же упала. Да ещё треснула.

«Брак, ругать будут», – расстроился малыш и решил больше так никогда не делать.

Где-то в тоже самое время во двор Барговерцкого Дома Милости въехала карета. И за знак расположения богов к нему посчитал Иннокентий Кулачков то, что он заприметил её. Чудом не принял звук копыт за обычную доставку провизии и всё же выглянул в окошко. А как увидел серые форменные камзолы следственного комитета, так и понял – по его душу приехали.

Необычно шустро для своего обрюзгшего тела Иннокентий принялся перебирать документы. Лишние, вроде недавней крестьянской расписки, сразу в тайник под половицу сунул. Официально ведь детским трудом торговать запрещалось, это просто все понимающе сквозь пальцы на такое смотрели. Кто же не знает, что так на попечение куда как больше детей нежели за зимнее время пристроить удаётся? Так что оно скорее благое дело нежели прибыльное.

– Ах, господа, – деланно удивился Иннокентий, когда дозволил визитёрам в свой кабинет войти, – как неожиданно! Моё почтение и... какими судьбами?

– По делам следствия, – сухо ответил один из двух худощавых дознавателей, похожих друг на друга как две капли

воды. – Из одного знатного дома была вынесена реликвия и известно, что кража совершена двумя мальчиками. По описанию, что мы сумели составить, это два брата восьми и шести лет. Оба сероглазые, оба темноволосые. Имена Виталий и Виктор. Есть у вас такие? Не поступали в ближайшую неделю?

– Нет таких, – засосало под ложечкой у Иннокентия.

С одной стороны, уж очень братья Смирновы на таких походили. А с другой, не сознаваться же, что он сверх нормы ребят в приют запихнул? Ему следовало бы тогда поутру направить запросы в близлежащие приюты и как можно скорее отправить мальчиков туда. Но он же этого не сделал. Посмотрел на них и понял, что таких крестьяне первым делом выберут. Даже младшего. Это сейчас крестьянский мужик от него нос воротил, а через недельки три приехал бы, так умолял отдать. Парень хоть и щуплее старшего, но зато от ветра как прочие не шатается. Кровь с молоком! И тихонький такой, только большими серыми глазёнками словно оленёнок хлопает.

– Вы уверены? Подумайте. Они ещё могут разговаривать и вести себя благородно, так как их родители из числа прислуги лорда Верфайера Младшего. Эти дети большую часть своей жизни при настоящем аристократе прожили и многое могли перенять.

– Не, вот таких здесь подавно нет, – даже почувствовал облегчение Иннокентий, пока не припомнил красивую ру-

башку младшего из мальчуганов.

– Всё равно мы должны проверить документы. Где у вас картотека детей?

– Вот, смотрите всё, – едва сдерживая себя от довольной ухмылки, выставил на стол пухлые папки распорядитель приюта. – Но последними у меня три девочки поступили, а до этого совсем светленький мальчик. Других детей, вот вам чес-слово, никак не было.

Зря следователи рылись. Конечно же, они ничего не нашли. Для этого им надо было полноценный обыск делать, а так... Тьфу! Только время потратили. Однако, стоило людям в пугающей серой форме покинуть доверенное ему учреждение, как Иннокентий Кулачков принялся задумчиво выстукивать кончиками пальцев незамысловатую мелодию. Мысли в его расчётливом мозгу так и крутились, а потому он, пребывая в приподнятом настроении, приказал вызвать в свой кабинет младшего из братьев Смирновых. При этом, чтобы минуты ожидания не пропадали впустую, мужчина занялся возвращением папок с документами на положенные им места. И, едва он с этим справился, как Денисыч привёл к нему мальчика.

– Всё-всё, иди, – отмахнулся он от пропахшего крепким алкоголем воспитателя, а сам с доброжелательной улыбкой уставился на мальчугана. – Вот что, дорогой ты мой. Скажи, а знакома ли тебе фамилия Верфайер?

По тому, как малыш вздрогнул и на него уставился, уже было понятно, что да.

«Агась», – довольно усмехнулся про себя распорядитель. Он чувствовал себя как рыбак, на чей крючок наконец-то клюнула достойная рыбёшка.

– Что же, вижу знакома фамилия.

– Неправда, – прозвучал тихий шёпот.

– Ты мне лгать-то не смей!

Он намеренно рявкнул столь громко. Мальчик тут же вжал голову в плечи и задрожал. Такого перепуганного малыша легко будет заставить поступить как ему надобно.

– А ну говори, что вы там с братом у благородных господ выкрали?

– Книжку волшебную, – всюю начиная всхлипывать, признался ребёнок.

– Ах книжку волшебную. Магами себя вообразили? – наседав Иннокентий, попутно соображая, к кому же это из барговерцких магов эти двое шалопаев пожаловали. – Ну и ну! В могиле ваши родители, верно, переворачиваются от таких детей. Не иначе благие боги от их душ взгляд отвратили, раз

они такое ворьё на ноги подняли. Да-а, плюнули вы им в лицо, неблагодарные. А ведь они всё для вас сделали. Жили вы себе досыта, да ещё в доме самого лорда Верфайера.

Тут мальчик совсем разрыдался, а Иннокентий палку с пояса снял и концом её подбородок малыша приподнял, чтобы тот на него смотрел.

– У кого книгу выкрали?

– У... у Его милости и выкрали, – через слёзы пробормотал мальчик.

«Угу, такому человеку его собственность вернуть дело выгодное», – мгновенно размыслил Иннокентий, представляя себе тугой мешочек с деньгами. Он, конечно, знал, что виконт вроде как у отца в опале, но искренне сомневался, что тот бедствует. Кроме того, неплохо у будущего графа Даглицкого на хорошем счету быть. Очень даже может пригодиться.

– А где книга теперь? – мальчик только рыдал, ничего не говорил. – Я тебе отвечать приказываю!

– На кла-адбище-е, – через завывания кое-как произнёс тот.

– Где на кладбище? Каком?

– Не з-знаю-ю, – совсем заикаться малыш начал. – Я только т-так его видел.

Ну да, откуда мальчишке из другого города хорошо Барговерц знать? Пришлось Иннокентию смириться с обстоятельством.

– Значит, будем искать место, – строго сказал он. – Поутру поедем в город, и ты мне всё же укажешь, где вы чужое имущество схоронили... Немыслимо, самого лорда Верфайера обнести!

– Он-но нужно было. М-мы думали...

– Ничего вы не думали! Вы закон нарушили. Так что запомни моё мягкосердечие. Не будешь сейчас артачиться, не отдам тебя на виселицу. По возвращении только пятнадцать палок получишь.

Глава 11

Между тем, будучи в облике человека, Архшаг гордо вышагивал рядом с двадцати пятилетним мальчишкой. И, к прискорбию вожака драконьей стаи, он был обязан не скрежетать зубами, а принять факт, что этот малолетний червь в среде людей имеет вес. Николас Брейтон представился ему архимагом и сразу уведомил, что это именно его Ковен отправил встречать дракона.

Собственно, по этой причине нынче они бок о бок шли по верху широкой крепостной стены одного из пограничных городов Ортланда. Выглядел при этом Архшаг так, как будто являлся вожаком не над четырьмя драконами, а над десятками тысяч. Его надменное величественное лицо было таким, что хоть скульптуру императора всея мира лепи, и оттого его простоватый спутник чувствовал себя крайне неудобно. Также, будучи ментальным магом, этот червь не мог не ощущать глубокое недовольство по отношению к своей персоне, хотя его-то ни словом, ни взглядом дракон не выразил. Архшаг с первого взгляда понял почему Ковен доверил встретить его именно этому юнцу, но предпочёл никак не выказывать своего возмущения. Хотят люди спихнуть с себя ответственность на это вот, так это их дело.

– Я понимаю, что вы, как и пристало владыке, – тактич-

но произнёс архимаг, думая, что он занимается обсуждением предстоящего соглашения. Видимо, ему было вменено в обязанность донести до дракона мысль необходимости пойти на уступки.

... Вот только какое обсуждение и какие уступки, если Архшаг уже всё решил?!

– ... заботитесь о благополучии драконов. Но также вы должны понимать, что предложенная вами система выльется в... эм-м, чрезмерно трудоёмкое дело.

– Несомненно понимаю. Хотя удивлён, что благополучие вашего народа исчисляется трудовозатратами, а не жизнями. Хм, оказывается для людей объективные расходы намного важнее будущего потомков.

Переубедить дракона, перешедшего отметку в тысячу лет, какой-то маг, даже ментал, просто-напросто не сумел бы. Во-первых, к такого рода воздействию драконы обладали природным иммунитетом, а, во-вторых, Архшаг вообще не воспринимал всерьёз кого-то из людей без седины в волосах, вот и язвил беспросветно с самым бесстрастным видом.

А Николасу Брейтону действительно не нашлось что ответить. Возражения, которые он хотел было озвучить, прозвучали бы как-то нелепо. Они сквозили бы детской обидой. Поэтому архимаг предпочёл перевести разговор на другую тему.

– Пятью милями севернее стоит бастион, где построена арка телепортации. Это наше новое достижение, позволяю-

щее мгновенно перемещаться из города в город.

– Ум-м? – наконец-то проявил заинтересованность дракон.

– Да, через это устройство вам можно будет сразу переместиться в Лоррендаум. Именно так я прибыл сюда и уверен, ваших способностей к магии будет более чем достаточно для самостоятельной активации устройства. Мне даже не понадобится служить проводником для вас.

– То есть для обычных людей это тоже доступно?

– В обществе мага, да.

– Прекрасно, – сухо произнёс Архшаг и выразительно поглядел на собеседника. – Вот видите, а вы говорите про какие-то значимые вложения сил. В будущем вы поставите такие арки на наших островах и организуете снабжение через них.

Молодой архимаг, получивший своё место в Ковене всего четыре месяца назад, резко захлопнул рот. Кажется, до него начало доходить, что любое его слово будет использовано против него же, а выбрали его для этой миссии лишь по причине её неизменного провала, а не из-за его способностей к ментальной магии и защите от неё. Никто из стариков позориться не захотел, ведь тут как бы вместо уступок новые требования не зазвучали. Жадность драконов не зря слыла легендарной, получать своё они умели.

... и отнимать тоже могли.

Николас Брейтон постарался унять внутреннее волнение.

Оно и так было велико по той причине, что он находился перед легендарной личностью. Памятники Семи первых хранителей Ключа стояли повсеместно и видеть одного из них, причём владыку, вживую... Мысли в голове архимага путались словно у мальчишки-неофита!

– Для ритуала всё готово? – между тем деловито осведомился Архшаг и остановился, чтобы внимательнее рассмотреть марширующий отряд пехоты.

– Да, но сомнительно, что апробация даст положительный эффект. Лучше провести её через четверть века, когда будет больше данных. Для вас такой срок не должен быть в тягость и...

– Нет сомнений, вы правы, – с лёгкостью согласился дракон, а затем, поворачиваясь к собеседнику лицом, хладнокровно поинтересовался. – Раз ритуал не зависит от времени суток, то когда вам будет удобнее его провести? Прямо сейчас или на закате?

– А? Мне? Для него всё готово в Лоррендауме.

– Я изучил внесённые Ковеном доработки. Пук полыни вы можете найти вон там, а моя чешуя всегда при мне. Другие редкие ингредиенты вам не понадобятся.

– Но нас ждут в Лоррендауме.

Архшаг смерил озадаченного архимага надменным и крайне нехорошим взглядом, но после равнодушно пожал плечами и сообщил:

– Хорошо, пусть подождут.

После этих слов учения пехоты, казалось, вновь заняли всё внимание дракона, и, пользуясь моментом, Николас Брейтон нервно утёр пот со лба. Ему пока наивно виделось, что он справляется с возложенной на него задачей.

Итак, наступил вечер десятого июня. Однако, мой дорогой читатель, автор совсем не успел донести до тебя ничего о Людвиге Верфайере, промаявшемся в аскетичной келье аж до четырёх часов по полудни! А о нём обязательно надо написать. Поэтому давай узнаем о нашем маге побольше.

Хм. Так вот. Когда наконец-то объявили, что Великий Инквизитор готов принять его, Людвиг был донельзя встревожен. Он долгое время находился наедине со своими мыслями, и теперь наступал момент, от которого зависело всё его будущее. Поэтому мага немного потряхивало, но по его походке это было не очень заметно. Если же говорить об испытании, которое ему предстояло пройти с минуту на минуту, то, конечно, аудиенцией приём у Великого Инквизитора никак не был. На нём собрались положенные двенадцать блюстителей чистоты магии и, находясь в их обществе, любой человек ощутил бы растерянность. Причиной этому являлось не только волнение, которое нельзя не испытывать. Толком этих людей не давало разглядеть исходящее с потолка сияние и из-за этого неизвестно было с каким выра-

жением на лице они воспринимают сказанное. Обвиняемые не имели возможности понять, благоприятное впечатление производят их речи или нет. Так что Людвигу приходилось как можно увереннее стоять на своём, опираясь на советы, ранее данные ему отцом.

– Постановляем, что лорд Верфайер не совершал вменяемое ему в вину преступление, – наконец прозвучал хорошо поставленный голос. – И приказываем ему в знак смирения и согласия с решением трибунала сжечь недопустимые для хранения предметы и впредь не создавать ничего подобного.

Вынужденно Людвиг Пламенный подошёл к стоящей на пьедестале шкатулке и провёл над ней рукой. Ему было не жаль её. Сердце разрывалось от другого. В бесполезный пепел обратились также пряди волос мальчиков, а других у него не было. Самым действенным способом отыскать детей стало невозможно.

– Вы свободны, лорд Верфайер.

Мужчина поклонился и вышел из зала, чувствуя, как по спине течёт пот. Вокруг было не так жарко, но из-за нервного перенапряжения он вспотел. И очень хорошо, что при выходе из собора его встретил барон Шлейфтерский. Людвигу была нужна поддержка близких как никогда.

– Сириус, – только и смог со счастливой улыбкой произнести Людвиг. Вид обезображенного шрамом барона разом принёс облегчение в его смятённую душу.

– Да, это я.

Сириус позволил себе фривольно положить руку на плечо Людвигу, но для мага этот жест не был оскорбительным. Напротив. Он означал очень многое, что просто-напросто нельзя выразить словами. Сириус переживал за него, с нетерпением ждал результата допроса, искренне радовался удачному исходу. Так может поступить только настоящий друг.

– А мой отец, он разве не здесь?

– Нет. Я тебя здесь уже целый час поджидаю, но его нигде не заметил. Но деятельность он развёл столь бурную, что это не так уж удивительно, – криво усмехнулся Сириус и убрал свою ладонь с плеча Людвигу. – Предлагаю тебе обождать его в собственном доме.

– Собственно, именно туда мне надо. Я хочу... хочу навещать мальчиков.

Людвиг не мог сказать, что именно заставило его произнести эту едкую фразу и выразительно уставиться на собеседника. Разумом он несколько не укорял Сириуса в том, что некто выкрал детей. В конце концов, он просил его только присматривать за ними, а не дотошно охранять. Это только его, Людвигу, ошибка, что из-за потрясения смертью Мари ему не пришло в голову лучше продумать, как обеспечить безопасность пасынков.

... А ведь самому первому следовало предвидеть столь жуткий итог своей подпольной работы, первому!

Суровый барон Шлейфтерский непривычно выглядел в качестве человека, испытывающего чувство вины. Прино-

свить извинения ему приходилось крайне редко. Особенно не за какую-либо мелочь, а за... за такое вот. Поэтому он спал с лица, покраснел от переизбытка эмоций и даже голос его стал хрипеть, когда он признался:

– Прости, Людвиг, я... Прости, я не справился.

Сириус облизнул пересохшие губы кончиком языка, готовясь хоть как-то объяснить. Однако, внезапно его лицо ненадолго приобрело привычные суровые черты. Стальные глаза цепко, как у готового к прыжку кота, уставились куда-то в сторону, и Людвиг, проследив за взглядом друга, увидел Леонарда ван Донатана, поодаль разговаривающего с кем-то из инквизиторов.

– Давай об этом не здесь, столь публичное место для доверительных разговоров совсем не подходит, – отвлѣк Людвига от созерцания Леонарда тихий голос друга. – Лучше сядем в мой экипаж и поедem к твоему дому. Или даже к «Вознесенскому» кладбищу. Вот куда скажешь, туда и поедem.

– К... к «Вознесенскому» кладбищу? – растерянно произнёс Людвиг и побелел как полотно из-за того, что ярко представил себе возле могилы Мари ещё два холмика.

Честно, ему так дурно сделалось, что аж чѣрные пятна перед глазами замелькали!

– Ну да... вдруг ты сразу их из-под земли выкопать захочешь? – ещё и добавил друг заговорщицким шѣпотом.

– Как выкопать? Зачем?

– А если они там не целиком лежат? Вдруг что-то где-то не найденным осталось?

Людвиг прижал руку к сердцу и понял, что всё. Ноги его не держат. Он позорно, как барышня, так и упал бы на землю, если бы Сириус не успел его подхватить. Виконт был в таком глубоком шоке, что даже не сразу отреагировал на хлопki по щекам. Однако, обескураженный произошедшим барон всё же смог поступить рационально. Воспользовавшись помощью оказавшегося неподалѣку инквизитора, он устроил Людвига в своём экипаже и только тогда предпринял попытку привести его в чувство.

– Людвиг... Людвиг! – щёлкая пальцами прямо перед глазами мага, обеспокоенно звал его Сириус.

– Как... как их могли убить так жестоко? – всё же смог в какой-то момент вынырнуть из своего потрясения виконт, и слёзы потекли у него по щекам ручьями.

Бедные дети, их ещё и расчленили!

– Кого убить? – замер ненадолго друг, а затем уставился на Людвига крайне подозрительным взглядом. После чего сунул ему под нос ладонь. – Скажи, сколько пальцев ты видишь?

– Пять, – убирая от лица чужую руку, недовольно буркнул маг и принялся за самобичевание. – О Мари, как же я перед тобой виноват. Ты просила меня только об одном, а я совсем забыл о твоих сыновьях!...

– Людвиг, Людвиг, – начал с силой трясти его за плечо Сириус ван Отто. – Опомнись, Людвиг. Мальчики живы, с чего ты взял, что они умерли?

– Но ты ведь... ты же сам сказал, что они на «Вознесенском» кладбище и их нужно выкопать, так как они... так как они даже не целиком...

– Вообще-то я имел в виду, – тут барон снова облизнул сухие губы, – атрибутику по некромантии. Твои пасынки её туда снесли и через ритуал закопали.

Теперь это Людвигу Пламенному стало казаться, что его собеседник не в своём уме. Он даже с возмущением приподнялся на локте.

– Мальчики ничего не знали про тайник, – уверенно сказал Людвиг. – И о боги, о каком ритуале ты говоришь? Они же даже не маги.

– О-о-о, всего неделя, а теперь я верю, что это не просто дети! – не сдержал эмоционального восклицания Сириус. – Не знаю откуда, но поверь, про твой тайник они вызнали! И именно они закопали всё под землю. Мне довелось прибыть под конец этого безобразия и кроме твоих мальчишек никого живого в округе не было.

– Тогда где они? Я имею в виду детей, – нахмурился мужчина, пока ещё отказываясь верить в сказанное.

– Хм. Полагаю, будет лучше рассказать тебе с самого начала. А то как бы ещё раз между нами некое недопонимание не возникло, – подумав, сказал Сириус и перешёл к рассказу, конец повествования которого Людвиг дослушивал уже в своём доме. Экипаж доехал до места назначения быстрее нежели друг закончил объяснения, но завершать беседу, продолжая сидеть в карете, никому из мужчин не захотелось. Так что они уютно разместились в креслах гостиной и продолжили не очень-то приятный разговор уже там.

– Вот так, – развёл под конец руками барон Шлейфтерский. – На уши подняты все мои агенты, а толку пока нет. Достоверно известны только две вещи. Первая, Барговерц мальчики скорее всего не покидали. Вторая, Чёрная Книга Дракона нигде не засветилась. Её видели лишь однажды, но свидетели не поняли, что это.

– Мне во всё это сложно поверить, – покачал головой Людвиг. – Виктор не мог справиться с такого уровня защитой. Он бы не открыл ни одну из моих книг.

– Я не могу поверить, что этих детей тайный сыск уже столько дней никак найти не может, а ты всё про свои книги, – проворчал Сириус ван Отто, а затем отпил горячий чай из кружки и, подумав, предположил. – Ты никогда не думал, что твой Виктор прирождённый притворщик?

– Ты про тех, кто ауру умеет скрывать?

– Да, я в этом смысле.

– Брось, это приобретённый, а не врождённый навык. Да и ты сам его скромные возможности видел.

– А ещё я видел его в деле, – упрямо поджал губы мужчина. – Сам подумай, ведь левитировать объекты он при желании может. Вспомни битву.

– Я его постоянно перед собой видел с такого вот возраста, – уязвлено произнёс Людвиг, указывая ладонью где-то на уровне колена, и уверенно заявил. – Настолько даровитых детей не бывает.

– Кто знает, кто знает, – задумчиво проговорил Сириус, перед тем как снова поднёс чашку ко рту. А Людвиг, так как аппетита у него не было, отложил в сторону крекер и признался:

– В любом случае, я очень рад тому, что ты сообщил. По крайней мере, теперь мне не нужно теряться в догадках с чего начинать поиск мальчиков. Представляю, как бы я сглу-

пил, расспрашивая про них у Эдварда Рейца.

– И как ты намерен их искать? – вопрос сопровождало удивлённое поднятие бровей.

– Сам поеду в Барговерц и найду. Твои агенты не знают их в лицо, а я... у меня они так и стоят перед глазами.

Людвиг не лгал. Причём стояли у него перед глазами не две наглые детские рожи, а именно те беззащитные личики, что ему довелось увидеть в спальне в день отъезда.

– Ты ведь несерьёзно. У тебя такие люди на хвосте, ты просто-напросто не можешь...

– Могу. Отец справится с моей проблемой куда как лучше меня. Так что я попробую тайно покинуть Лоррендаум и займусь тем, что действительно от меня зависит.

– До конца указанного тебе срока осталось всего пять дней, – сурово поглядел на него Сириус. – Пойми, пока они всего лишь поиграли с тобой, организовав лёгкую непринуждённую беседу с Великим Инквизитором. Но их улик наверняка хватит на большее.

– Я работал, не оставляя улики. Если бы они имелись, то мне бы угрожали более действенно, – возразил объяснениями отца Людвиг.

– Всё равно. Начни уже мыслить рационально. Сперва пойди им на уступку, сделай вид, что поддался, и тогда...

Тут в гостиную вошла Анна Златова.

– Прошу прощение, Ваша милость, но к вам следователь, господин Луиз Фуго.

– Бастард, – одними губами брезгливо произнёс Сириус.

Фамилией «Фуго», без права передачи её детям, аристократия нарекала своих незаконнорождённых. Таких, которых не особо хотела скрывать. Или таких, чьи матери вытребовали это право. Несмотря на пренебрежительное отношение высшего общества к бастардам, многие элитные учебные заведения были для них открыты. А хорошее образование всегда обеспечивало привилегированное будущее.

– Пригласите его сюда, – приказал Людвиг и, едва экономка вышла за дверь, обеспокоенно шепнул другу. – Час от часу не легче.

В гостиную вошёл человек в серой форме следственного комитета. Был он высок, строен, не так уж молод. С первого взгляда можно было сказать, что этот мужчина обладает хорошими манерами и опытен в своей профессии. Взгляд его деловито пробежался по лицам друзей, вставших со своих кресел, чтобы ответить на его приветствие, а затем по прочему интерьеру.

– Могу осведомиться, кто именно из вас лорд Верфайер?

– Это я.

– В таком случае, выражаю вам свои глубокие соболезнования. Ваш отец, Его сиятельство Людвиг Верфайер, был убит сегодня в районе шести часов вечера во время своей поездки.

– Что? – не поверил своим ушам маг и прямо-таки рухнул в кресло, прижимая руку к сердцу. – Как... как это случи-

лось?

– Он вышел из королевского дворца и сел в карету. После чего дал указание сделать несколько остановок, во время которых кучер и лакеи видели его живым. А затем произошла последняя остановка возле управления по тайным и розыскным делам. Лакеи открыли дверцу и выяснили, что некто сумел заколоть графа. Орудием убийства послужил стилет с рукоятью, выполненной в виде розы, покрытой красной эмалью... Быть может, это вам о чём-либо говорит?

Людвиг почувствовал, что отрицательно мотает головой. Подсознание ответило за него, так как никаких разумных мыслей на тот момент у мужчины не возникло. Он лишь понял, что в горле у него резко пересохло, а потому взял чашку с чаем. Однако, увидев как напиток дрожит, что вот-вот выльется за края, поставил чашку на обратно на столик.

– Тогда, возможно, у вас есть какая-либо информация или предположения, которые могут помочь следствию?

Он снова отрицательно покачал головой.

– И простите, но вынужден спросить. Где вы находились сегодня с четырёх дня и до настоящего момента?

– В десять минут шестого лорд Верфайер вышел из Великого собора Чистоты и, что могут подтвердить все, кто только был там, вместе со мной сел в экипаж, – сухо ответил за Людвига Сириус ван Отто. – В этот дом мы вошли без пятнадцати шесть, и это также вряд ли осталось без внимания. На улице было много прохожих. Если быть точным, то, когда

я снял шляпу, на часах в холле было семнадцать часов сорок семь минут. После этого лорд Верфайер ненадолго поднялся в комнату пасынков, а я ожидал его в гостиной. Когда он вернулся, бой часов как раз кончился и вскоре нам подали чай. Всё оставшееся время мы провели за чаепитием и беседовали.

– Очень точно... Я верно понимаю, что вы лорд ван Отто?

– Верно. И я не просто так стал директором королевского интерната магических искусств. Умение отслеживать любые мелочи во время присмотра за одарёнными, но полудикими магами, бесценно. Увы, не все самородки поступают к нам с сформировавшимся понятием ответственности за свои поступки.

– Благодарю, это интересный факт, – скупно поблагодарил за развёрнутый ответ Луиз Фуго и вновь обратился к немного пришедшему в себя Людвигу. – По причине глубокого уважения к личности покойного, его тело уже осматривают в морге. Так что, если вы даёте на это согласие, то утром мы можем передать его жрецам. Я уже получил сообщение, что Первый храм Двенадцати готов принять на себя все заботы.

– Погодите, осматривают в морге? – захлопал ресницами Людвиг.

– Мы надеемся, что сохранились какие-либо следы борьбы или нечто другое, что могло бы помочь определить личность убийцы... Хм, так вы даёте согласие на перемещение тела?

– Людвиг, говори да.

– Да, – едва слышно прошептал маг. – Во сколько он будет в храме?

– Ближе к десяти утра, – на этой ноте Луиз Фуго решил откланяться. – Ещё раз приношу свои соболезнования.

Мужчина склонил голову и покинул гостиную. Вместе с тем Людвиг Пламенный достигло какое-то отчаяние. Его плечи ссутулились, а светло-льняные волосы придали ему вид глубокого старика.

– Боги, Сириус, да как мой отец может быть мёртв?

– Так же, как все люди на земле, – глубокомысленно заметил друг и, почесав подбородок, тихо добавил. – Теперь ты понимаешь из-за чего не можешь покинуть Лоррендаум? Тебе напрямую дают понять, что ты тоже смертен.

Некоторое время Людвиг молчал. Скорбная весть раздавила его. Отец был, как ему виделось, из той породы людей, про которых говорят, что смерть о них забыла. А то и во все вспоминать не хочет. Было в его существовании нечто незыблемое. Да и пусть он был строг, на него всегда можно было опереться. Он, прямо как Сириус, всегда знал что и когда правильное сделать.

Людвиг окончательно осознал, что он совсем другой. Он словно не кровь от крови Оттона Верфайера. Отщепенец своего рода!

Слабак! Слабак! Слабак!

– У тебя нет выбора. Создай вампиров, пока всё не ста-

ло совсем плохо. Изобрази покорность и дай тем мне время освободить тебя из этой петли. В конце концов, подумай о Шарлотте. Она непременно придет в Лоррендаум, как только узнает о произошедшем. Ты подставляешь её под удар.

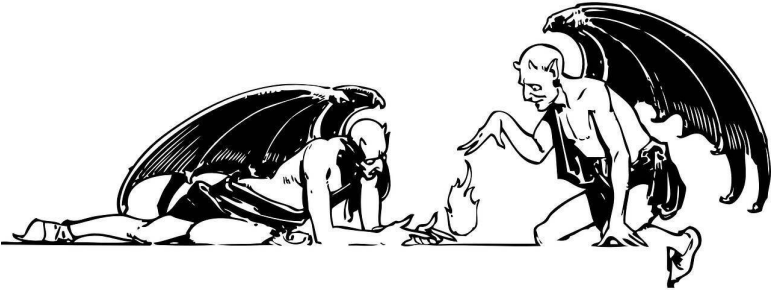
– Ты прав, – хрипло признал Людвиг.

Ему очень хотелось возразить, хотелось гордо сказать, что никто, никто не смеет ставить его в такую ситуацию! Но на кону стояла не только его жизнь и не только его честь. Он не сразу понял с кем связался и вот она расплата. Отец мог быть жив. Мог бы, если бы не он – Людвиг.

– Для вампиров мне понадобится часть вещей, что теперь... спрятана внутри могилы Мари, – кривя лицо от горьких эмоций, прошептал он через силу. Думать обо всём этом никак не хотелось.

– Я помогу тебе с ними. Но прежде всего дай сигнал мистеру Рейцу, что хочешь с ним встречи. У вас же это было оговорено?

– Было. Просто я не думал, что мне это когда-нибудь понадобится, – кисло сознался Людвиг, и в этот миг напольные часы в холле зловеще пробили семь вечера.

Глава 12

До того, как наступило утро одиннадцатого июня, была ночь, которую Витенька провёл в рыданиях из-за ругательств господина Иннокентия и пропажи брата. Малыша сковывали страх и ощущение одиночества.

Витальке на улице было не лучше. Вместе с Федюней и ещё несколькими ребятами он ночевал под мостом, но почти не спал. За младшего брата, конечно, тревожился, а ещё ему было холодно. Едва взошла луна, как задул промозглый ветер и с небес закапал холодный дождь. Очень скоро он превратился в ливень с градом и закончился лишь незадолго до рассвета. Тогда из своих нор выглянули голодные крысы, и одна из них едва не укусила Виталика. Он почувствовал щекотание усиков и успел вовремя отдернуть ногу. Вот только из-за этого спать ему окончательно расхотелось.

А другие ничего, спали. Видимо, уже привыкли к такому жуткому соседству.

Эх, нет нужды писать сколь тяжела может быть жизнь безпризорника! К чему описывать постоянное чувство голода, ощущение беспросветного одиночества и безнадёги? Эти дети не просто так оказались на улице. Кого-то из них судьба лишила родных, а кого-то заставила уйти от близких в поисках лучшей доли. А ещё их всех объединяло два желания.

Все они хотели сладко жить и тайно мечтали, что однажды кошмар вокруг них закончится. Конечно, чем старше тем сложнее верить, что однажды среди прохожих ты встретишь добрую женщину, которая окажется твоей матерью, что искала тебя всю жизнь. Но это не значит, что мальчики и девочки постарше в глубине души не лелеяли об этом надежду.

Независимо от мира и времени дети желают родительской любви, и это неизменно.

Однако, не всем дано счастливое детство. Это тоже неизбежно.

Как автор упоминал в начале книги, королевство Ортланд было основательным по размеру. Оно занимало существенную часть материка, единственной большой суши этого мира. Были ещё, конечно, многочисленные острова, но площадь любого из них с этим материком была несравнима. Кроме того, на юге к огромному архипелагу людей не подпускали драконы. Вот уже более трёхсот лет не подпускали. Это было следствие разразившейся войны, про которую некогда рассказывал пасынкам Людвиг Сириус ван Отто. И война эта отняла много человеческих жизней. Настолько много, что именно в ту пору многие королевства на законодательном уровне учредили различные сиротские приюты. Дети стали ценным залогом будущего процветания.

Наверное, именно эта доктрина послужила тому, что города Ортланда в настоящий момент были восстановлены из пепла и населения в них хватало с лихвой. Люди легко воз-

вращают и даже превышают свою прежнюю численность при благоприятных условиях, а затем... затем условия резко перестают быть благоприятными в результате поступков самих людей. Жизнь ребёнка в мире Тринадцати практически обесценилась, дети стали ещё одним трудовым ресурсом и только.

И всё же это отступление, вызванное тем, что бой часов в доме Людвига Верфайера заставляет дрожать картину настоящего. Ужасно, ничего не видно! Но вот гулкие звуки отзвучали, и всем нам стал виден садящийся в карету следователь по имени Луиз Фуго.

О-о-о, вы посмотрите только, да его там кто-то ждал!
– Как он выглядел? – нетерпеливо спросил уже знакомый

нам мужчина в строгой, но богатой одежде. Пальцы его были унизаны перстнями, а украшенная бриллиантами перевязь выдавала в нём министра по внешним связям Ортланда – милорда Дональда Дэ Воррингтона, маркиза Астонского.

– Могу с уверенностью сказать, что он никак не причастен к смерти своего отца. Но кое-что есть.

– Что именно?

– Он напуган, – уверенно ответил Луиз Фуго, одновременно с тем, как экипаж начал движение. – Люди по-разному принимают скорбные известия, но никак не испытывают страх, близкий к ужасу. Поэтому как-то он в этом замешан.

– В том, что он в этом замешан, у меня нет сомнений, – недовольно буркнул министр.

– Вы доверились мне, но не до конца. Этим вы сковываете мне руки, милорд.

Маркиз Астонский испытывающе посмотрел на сидящего перед ним мужчину и из-за этого стало очевидно сходство собеседников. У них были одинаковые с горбинкой носы и выразительные строгие глаза. Они даже возраста были примерно одного и того же.

– Я встречался с Его сиятельством в Лоррендауме первого июня. Это было сразу после похорон этой девки... этой Марьи Верфайер, – наконец сообщил он следователю. – И замечу, никаких тревог граф не испытывал. Я бы сказал, его лицо выглядело на редкость счастливым. Зато сегодня утром Его сиятельство буквально-таки ворвался в королевский дворец.

Иначе не скажешь, столь уверенно он требовал аудиенций.

– Это не так уж удивительно. Его единственному сыну предстоял допрос у Великого Инквизитора, – пожал плечами Луиз Фуго.

– Да, вот только после первой половины дня его интересы оказались намного шире нежели напоминание Его величеству Стефану о своих заслугах перед короной. Поверьте, господин Фуго, он что-то выяснил. Что-то опасное. И так как до прибытия Людвига Младшего в родовое поместье Его сиятельство никакой активности не проявлял, то узнал он об этом через сына.

– Последним покойный граф навестил нынешнего оберкамергера, мне дадут его расспросить обо во всех подробностях этой встречи?

– Конечно нет. Но я позволяю вам расспросить себя. Неофициально, разумеется, – многозначительно посмотрел на следователя маркиз Астонский.

– Выходит, с вами Его сиятельство сегодня встречался тоже. Во сколько?

– В районе двух часов дня, недалеко от входа в Башню Совета. Можно сказать, он сделал всё, чтобы мы случайно столкнулись, так как ни до ни после я не видел, чтобы Его сиятельство с таким упоением рассматривал столь хорошо известные ему скульптуры.

– Что же он вам сообщил?

– Задал всего один вопрос, который я могу вам прямо-та-

ки дословно процитировать, столь он меня поразил. Его сиятельство спросил – а есть ли у тебя, мой дорогой Дональд, программа празднования дня рождения Его величества? Раз в полном составе будет собираться Ковен и монархи великих держав, то она должна у тебя быть.

Луиз Фуго нахмурился и поинтересовался:

– Я верно понимаю, что он не должен был знать такие нюансы?

– Абсолютно. Правда учтите, что тремя часами ранее он получил наивысшую аудиенцию. Король запросто по старой дружбе мог поделиться с Его сиятельством политически важной информацией.

– Но, судя по всему, никаких полномочий он ему не вернул.

– Я тоже так решил.

– Тогда почему вы уверены, что его беспокойство связано с сыном, а не с озвученным вами фактом?

– Сейчас поймёте, – вздохнул Дональд Дэ Воррингтон. – Всё дело в дальнейшем. Поскольку Его сиятельство всегда служил для меня примером благоразумия, то я признался в неведении. Добавил только, что программой занимаются министр по безопасности и обер-камергер.

– Милорд Верфайер начал настаивать?

– Нет, милорд Верфайер Старший посмотрел на меня своим знаменитым взглядом и в этот момент наше уединение прервало появление фрейлины, к которой у меня имелось

дело. Я поспешил откланяться, но не мог не обратить внимание, как туманятся глаза Его сиятельства. Он покачал головой и едва слышно прошептал: «Недоглядел. Как же сложно теперь тебя защитить, Людвиг».

– Необычно.

– Да, всё было очень необычно. Настолько, что я взялся проследить за событиями.

– О, получается вы знаете, где именно бывал Его сиятельство?

– Именно, потому и сообщаю, что его интересы оказались очень разносторонни. Пугающе разносторонни, чтобы речь могла идти только о вопросе безопасности его сына. Но последним Его сиятельство решил навестить своего протеже, милорда Фрэнка Нотргерра. Об этом вам самому известно, а теперь вы достоверно знаете зачем. Однако, решил Нотргерр показать программу или нет мне неведомо. Более того, если да, то в этом он ни за что не сознается. Подобное будет приравнено к государственной измене, сами понимаете. И по этой причине, собственно, вам программу тоже никто не покажет.

– Такого рода сведения не просто так секретны. Думаете граф Даглицкий что-то замышлял? – всерьёз встревожился Луиз Фуго.

– Или, напротив, хотел предупредить, – развёл руками маркиз Астонский, после чего ненадолго замолчал. – Я попробую исподволь выяснить у милорда Нотргерра о про-

грамме, однако... лучше надавите на милорда Верфайера Младшего. Только очень осторожно. Убить из-за чего-то такого человека, – тут маркиз цокнул языком и осуждающе покачал головой. – Необходимость подобного может быть обусловлена только очень высокой ценой.

– Несомненно, – задумчиво покачал головой следователь и замолчал. Ему было над чем размыслить. Его собеседнику тоже. Но это не значит, что маркиз не следил за дорогой.

– Прикажите через два поворота остановиться, меня там будут ждать, – попросил милорд Дэ Воррингтон и, покуда Луиз отдавал распоряжение, принялся кутаться в изысканный плащ чёрного цвета. Его перстни при этом так и мелькали.

– Будьте осторожны, здесь уже не самый спокойный район, – решил предупредить следователь.

– Что же, грабителям очень не повезёт, если мы встретимся. Я ещё не растерял навыки по обращению идиотов в ледяные статуи. Так что об осторожности прошу вас я. Интуиция подсказывает мне, что смерть Его сиятельства связана с чем-то более глубоким нежели личные проблемы. Его деятельность была столь бурной, что не только моё внимание привлекла. И всё же на это дело назначили именно вас, а не кого-то... хм, кого-то способного осуществить расследование с королевским размахом.

– Вы недовольны моей персоной? – аж покраснел от возмущения собеседник маркиза.

– О нет, я как раз-таки доволен. Наш отец благоразумно утаил, чей вы по-настоящему сын, и о нашем с вами тесном общении тоже мало кому известно. Поэтому некто посчитал, что вы достаточно благородны для ведения расследования смерти графа Даглицкого, обладаете воистину блестящей репутацией, чтобы вашему заключению беспрекословно поверили, но при этом у вас нет достаточных связей для раскрытия самого дела. Кроме того, вам было легко внушить, сколь важно изменить факт, что карета Его сиятельства на пути от королевского дворца до канцелярии нигде не останавливалась, – маркиз с мягкой улыбкой посмотрел на следователя. – Я доволен, что этот некто ошибся и покамест не понял своей ошибки. У вас полно связей для раскрытия истины.

– Я верно понимаю, что вы будете мне способствовать?

– Верно, – кивнул министр внешних связей Ортланда. – Но исходите, пожалуйста, из того, что кто-то всерьёз заинтересован в том, чтобы вы сдались и замяли волнение в обществе каким-либо подложным фактом. Полагаю, вам милостиво предложат варианты в наикратчайшие сроки.

– Если день рождения короля в этот раз не столько праздник, сколько политическое событие, то...

– Нет, это не Его величество Стефан. Смерть верного сподвижника для него глубокий удар. Он хочет линчевать убийцу лично! Однако, напомню, ведёте расследование именно вы. А разве вам дали какие-либо дополнительные полномочия?

– Мне сказали, что я могу в любой момент обратиться к некоему человеку из канцелярии по тайным и розыскным делам и через него я смогу получить всё, что требуется... Вот только теперь я совсем не рад этому, – глубоко нахмуренный лоб прибавил Луизу лет эдак десять. – Именно туда ехал Его сиятельство, но по какой-то причине не доехал. Неизвестно, искал ли он содействия или, напротив, намеревался обличать.

– Само собой. Теперь вы знаете, что алая роза на стилете необязательно отсылка к женщине. Скорее, это то направление, что поставит ваше расследование в тупик.

– Да. Мне следует переосмыслить этот факт и дело.

– Искренне желаю вам удачи. Его сиятельство не тот человек, чья смерть имеет право остаться неотомщённой.

Экипаж начал притормаживать, и Дональд Дэ Воррингтон вскоре оказался на улице с детства знакомого ему города. Вокруг было тихо, лишь пищал какой-то комар. Недолго пищал. Маркиз Астонский ловко поймал его в кулак и раздавил. Сделал он это, правда, машинально. Мысли его были заняты другим, а именно прокручиванием в голове самого важного события дня.

– Мой дорогой Дональд, – вспомнился ему полный укоризны голос графа Даглицкого. – Вот уж не ожидал, что весть о такого рода соглашении будет от меня скрываться. По крайней мере не тобой.

– Его величество Стефан приказал. Он предполагал, на-

сколько рьяно ты будешь выражать несогласие с новым направлением политики.

– Потому что предвижу последствия. И, к счастью, не я один, раз мне всё-таки довелось вкусить горькую истину.

– Взвешивать все за и против было очень нелегко, – сказал в оправдание Дональд Дэ Воррингтон, – но мы решили. Советом пяти великих держав решили, что другого выбора нет.

– Тогда вы не понимаете, к чему именно пришли! Вы возвеличите расу драконов до богов. Не удивлюсь, если вскоре статуи благих Двенадцати станут изображать крылатыми тварями.

– Не кощунствуй. По крайней мере не здесь, – в резком тоне одёрнул друга маркиз и, невольно взглянув на арку, ведущую в Башню Совета, добавил шёпотом. – Людвиг, их всего пять осталось.

– Что? – нахмурился граф Даглицкий.

– Драконов всего пять. Они вымирают. Поэтому прими как есть, от людей не убудет, если время от времени отдавать их племени подходящую девицу. Новые драконы должны рождаться. Это обеспечит наше же выживание.

Взгляд Людвиг Верфайера Старшего лучше всяких слов говорил насколько он не согласен со сказанным. Дональд Дэ Воррингтон даже напрягся, готовясь к бессмысленному спору. Бессмысленному, так как всё уже было решено. Мнение отставного обер-камергера ни на что бы не повлияло, ибо вопрос о том нужно соглашение или нет не стоял в принципе.

Оно нужно и всё на этом!

Но граф Даглицкий не стал перечить. Вскоре он поджал губы и, погладив подбородок, задумчиво произнёс:

– Да, это соглашение, конечно, неприятно, но оно действительно послужит сохранению мира. Никак не его концу. Проблемы скорее ожидаемы от тех, кто захочет воспрепятствовать.

Слова прозвучали со странной интонацией, но Дональд Дэ Воррингтон остался доволен проявленным благородием. Ему ужасно не хотелось каких-либо ссор с графом Даглицким. И потому он с намёком, чтобы собеседник держал язык за зубами, мягко сказал:

– Никаких проблем не будет, так как о соглашении известно крайне ограниченному кругу лиц. Общественность узнает обо всём по факту.

Взгляд милорда Верфайера Старшего оживился.

– Мой дорогой Дональд, а если я поклянусь тебе, что никак не стану препятствовать соглашению, ты позволишь мне взглянуть на программу празднования дня рождения Его величества? Раз в полном составе будет собираться Ковен и монархи великих держав, то она должна у тебя быть.

Неудивительно, что маркиз напрягся. Резкий переход собеседника от одной темы к другой выглядел очень подозрительно. Да и глаза графа Даглицкого как-то настораживающе заблестели.

– Нет, Людвиг, не позволю.

– Дональд, признаю, меня накрыло известие о соглашении. Настолько, что я уже много кому лишнего наговорил в сердцах. Но, скажу тебе честно, лучше бы я сел и подумал, а не тратил время, копая под это событие. Вот только теперь я остыл и прошу твоей помощи.

– О какой помощи речь?

– Буду искренен перед тобой, я должен защитить сына.

– Тогда мне хотелось бы знать – от чего именно защитить?

– Скорее от кого.

В этот момент в помещение вошла любовница Дональда Дэ Воррингтона, крепко держащая на него обиду за отказ разорвать отношения с супругой. Лаура видела себя законной женой маркиза Астонского, а потому, поняв, что подобное для неё никогда не предвидится, объявила ему о разрыве. Вот только её чувства были искренни. Разлуку тяжело переживала она сама и в результате, увидев с кем случайно столкнула её судьба, девушка остолбенела ненадолго. После чего приподняла подол воздушного платья и поспешила скрыться.

«Так она никуда не уехала!» – возликовало сердце министра по внешним связям, ибо его страсть к фрейлине тоже отнюдь не являлась сиюминутным капризом.

– Прости, Людвиг, но мне необходимо тебя покинуть.

Граф Даглицкий, выразительно глядя на собеседника, презрительно скривил губы. Опытный придворный с лёгкостью понял причину спешки и ни в коей мере не считал её достойной.

– Мне нужна программа, Дональд, – требовательно напомнил он о себе.

– Спроси у Фрэнка! В конце концов, он твой ставленник и тебе должен, – разозлился Дональд Дэ Воррингтон, а затем, наплевав на правила приличия, поспешил вслед за фрейлиной.

– Недоглядел. Как же сложно теперь тебя защитить, Людвиг, – услышал он ещё за своей спиной тихий шёпот, прежде чем ускользающий силуэт Лауры захватил всё его внимание.

Однако, Дональду Дэ Воррингтону не доставило удовольствия общение с любовницей, предвкушаемого им примирения покамест не произошло. А последовавшее известие о смерти друга и вовсе полоснуло ножом по совести.

Маркизу надлежало выяснить больше, а не следовать желанию залезть под юбку вскружившей ему голову девчонке.

Да, испытываемые Дональдом Дэ Воррингтоном муки совести были сильны настолько, что он почти не сомкнул глаз этой ночью. Точно также обстояли дела у Николаса Брейтона. Разве что совесть его ничуть не беспокоила. Для молодого архимага ночь выдалась тяжёлой и бессонной по другой причине – он провёл её в дороге. И дорога эта изобиловала ухабинами!

Ехать же ему пришлось из-за гадкого дракона, недаром так нехорошо у мужчины засосало под ложечкой из-за вынужденного отказа провести ритуал прямо здесь и сейчас. Рано Николай Брейтон расслабился из-за того, что дракон осматривал пограничную заставу молча и настаивать на своём не стал. Усыпило бдительность архимага также согласие дракона отправиться к portalу. Можно сказать, молодой мужчина был почти счастлив от того, как складываются обстоятельства, но, когда они, незадолго до заката, добрались до нужного города, дурное предчувствие возникло и уже не отпускало. Интуиция кричала о скорых проблемах, хотя внешне предпосылок к тому не было. Владыка Архшаг с удовольствием осмотрел портал. Дракон даже выразил искренний восторг, воочию понаблюдав за его работой... Однако, тут всё и произошло. Порталы ведь были ещё экспериментальной новинкой. Безопасность их работы дополнительно поддерживалась, и существовало целое расписание. Поэтому Николай Брейтон, понимая, что время не терпит,

был вынужден поторопить Архшага с использованием портала. И тот, со всей присущей ему бессовестностью, воспользоваться достижением человечества отказался напрочь.

«Это вы **мне** предлагаете не тревожиться? – с вызовом осведомился дракон. – **Вы**, архимаг, который даже простенький ритуал самостоятельно провести не решились?».

Довод выглядел как откровенный шантаж, но Николас Брейтон не стал на это указывать. Будучи обязанным доставить дракона в Лоррендаум в целости и в сохранности, архимаг произнёс всё то же, что уже звучало. Владыка Архшаг выслушал не перебивая. А затем озвучил, что предпочтёт более спокойное путешествие по воздуху. И тут Николас Брейтон откровенно сглупил. Стараясь эмоционально донести, насколько в принципе неразумно до заключения соглашения летать над землями людей, он сделал только хуже. Ох, зря он выразительно показывал рукой на башни лучников, на баллисты, напоминал, что магия не стоит как наука...

В общем, Архшаг взял и согласился с убедительной речью.

После чего потребовал для себя экипаж и сопровождение, способное обеспечить его драконью безопасность.

И вот она причина, отчего уже много часов кряду архимаг и дракон ехали, сидя друг напротив друга. И если последний преспокойно спал (или делал вид, что спит), то Николас Брейтон регулярно бился головой о стенки кареты, сопел от злости и в результате за всю ночь глаз не сомкнул. Поэто-

му неудивительно, что он посчитал – его взяли измором! На рассвете архимаг всё-таки совершил ритуал, искренне надеясь, что теперь они вернуться к portalу и всё пойдёт по плану. Мужчине ужасно хотелось как можно скорее оказаться в Лоррендауме и освободиться от своей миссии. Пусть это опытные царедворцы сим мерзавцем занимаются и предварительное соглашение шлифуют.

Но не тут-то было!

Проклятый владыка драконов, получив своё, преспокойно уселся внутрь экипажа и заявил, что они могут продолжать путешествие.

– Но через портал быстрее! – чувствуя себя бесконечно обманутым, обиженно воскликнул Николас Брейтон.

– Не так давно вы сами говорили о том, что четверть века ничто для дракона. Для нас десятилетие сродни вашему часу. В моём распоряжении практически вечность и крылья, а потому я никуда не тороплюсь, – равнодушно ответил Архшаг и, едва сдерживая зевок, добавил. – Но вы можете воспользоваться своим советом сами. Вас я не смею удерживать подле себя.

О, как же Николасу Брейтону самому возле дракона находиться не хотелось! Но что-то мужчине подсказывало, что таким образом хитрый наглец хочет избавиться от его общества, чтобы заняться некими своими делами. Быть может, подсунуть в одно из мест, указанных ритуалом, подходящую особу. От того, будет результат ритуала положительным или

нет, для драконов зависело многое. Одно дело отдать стае некую конкретную девицу, а другое целый выводок выдать перещупать, покуда нужная не найдётся. Тут условия соглашения сразу куда как жёстче выдвигать можно.

Николас Брейтон устало прижался щекой к холодной стене экипажа. Несомненно, человечество было заинтересовано в выживании драконов как вида, но... целенаправленно множить этих тварей? Даже он, архимаг и учёный человек, испытывал от такого негодование. Ведь что говорить, и одной зверюги завсегда хватало, чтобы внести в мирную жизнь невообразимое разрушение. Вон какой мерзавец был убит Людвигом Пламенным всего три года назад. Этот дракон бессовестно собирал дань, а недовольство выражал, выжигая дотла деревни и города. При этом он благоразумно перелетал с место на место, чтобы рыцари и маги его поймать не могли.

Не ушёл гад к счастью. Подумал, что раз отряд разбит, то новый нескоро соберётся. Успели тварь уничтожить, прежде чем он новое горе принести сумел.

– Ближайшее место, где я могу найти свою *шеа мереш* совсем близко, – вдруг нарушил повисшую тишину владыка Архшаг.

«*Шеа мереш* – возможная пара дракона, способная родить ему детей», – мгновенно перевёл Николас Брейтон. Драконы нечасто в присутствии людей общались на своём языке, но некоторые часто употребляемые ими слова людям пришлось выучить.

– И как вы там будете искать девушку, родившуюся семнадцать лет назад за час до полудня? – язвительно осведомился архимаг. – Быть может, такая там вообще не рождалась.

– Да, быть может. Поэтому хорошо, что данных ритуал указал с избытком. Теперь за время пути к столице, мы сможем посетить очень многие места, а расспросы такого человека, как вы, особого недовольства не вызовут.

– Хм, вы думаете, что я буду заниматься расспросами? О нет и нет. Моя задача встретить вас и проводить в Лоррендаум! – всё же не сдержался от выражения возмущения Николас Брейтон.

– Разумеется, я об этом и говорю. Или не в ваших интересах, чтобы меня за проявленное любопытство не линчевала толпа?

В том, что некто может линчевать способного к ментальной магии дракона, Николас Брейтон искренне сомневался, но выбор без выбора был очевиден. Его ловко обвели вокруг пальца и даже не запыхались. Даже безо всякой ментальной магии обдурили!

«И как только Алрик ван Донатан, даже не ментал, а некромант, сумел настоять на своём в обществе аж **семи** драконов? – изумлялся Николас Брейтон. – Вот оно самое настоящее чудо, а не схема какого-то там Ключа, уберегшего целый мир от гибели!».

Иллюстрации взяты с сайта: www.pixabay.com по лицензии ССО